

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА
ЛУМУМБЫ»

на правах рукописи

ЧУБАРОВ Николай Александрович

**ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.7. социальная и политическая философия

диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор А. М. Орехов

Москва – 2024

Содержание

Введение	3
Глава I. Социальное неравенство (социально-философский анализ)	13
§ 1. Обзор теорий социального неравенства.....	13
§ 2. Экономическое неравенство, как вид социального неравенства	56
§ 3. Критерии измерения экономического неравенства	68
Глава II. Теория цифрового блага	80
§ 1. Интеллектуальное благо, интеллектуальная собственность, интеллектуальный капитал.....	80
§ 2. Цифровая и не-цифровая интеллектуальная собственность	85
§ 3. Основные типы цифровых благ	88
§ 4. Проблема соизмеримости цифровых благ	90
§ 5. Присвоение, обмен, распределение и потребление цифровых благ ...	93
Глава III. Цифровое неравенство	102
§ 1. Цифровое неравенство и цифровая справедливость	102
§ 2. Влияние цифрового неравенства на современное общество	117
§ 3. Рекомендации по преодолению цифрового неравенства: многогранный подход	125
Заключение	148
Список литературы	153

Введение

Актуальность проблемы исследования: Быстрое развитие цифровых технологий кардинально изменило способ взаимодействия людей и сообществ с информацией и друг с другом. Однако цифровизация также породила ряд новых проблем, главной из которых является постоянная проблема цифрового неравенства. Поскольку это явление набрало обороты в академических и политических дискуссиях, выяснилось, что всестороннее понимание цифрового неравенства затрудняется значительной терминологической неопределенностью. Такое отсутствие консенсуса препятствует прогрессу как в научной, так и в политической сфере. Если исследователи не могут прийти к согласию относительно того, что такое *цифровое неравенство*, становится сложно сформулировать суть его проблемы.

Необходимость научной работы по вопросу цифрового неравенства обусловлена несколькими причинами. Во-первых, игнорирование философских соображений может привести к поверхностному рассмотрению предмета и искажению его сути. Многие дискуссии о цифровом неравенстве оформлены исключительно в технических терминах, фокусируясь на доступе к устройствам или пропускной способности. Однако без вовлечения в более широкие философские исследования, такие как те, которые касаются справедливости, равенства и этики, суть цифрового неравенства часто неверно истолковывается. Во-вторых, акцент исключительно на технических аспектах цифрового неравенства часто затуманивает его экономические последствия. Хотя доступ к технологиям, несомненно, важен, такой фокус может отвлекать от системных проблем, которые поддерживают экономическое неравенство в цифровой среде. Например, как экономические силы влияют на развитие цифровой инфраструктуры? Какую роль корпорации играют в сохранении неравенства посредством рыночных практик?

Рассматривая несоответствия в определениях, взаимодействуя с философскими предпосылками и изучая экономические аспекты проблемы,

исследование стремится усилить академический дискурс вокруг цифрового неравенства.

Степень разработанности темы:

Наступление цифровизации – заметного явления современной эпохи – вызвало глубокие трансформации в социуме современной цивилизации. В этом направлении работали такие известные ученые, как П. Херрманн, О. Гримов, Е. Каменский, И.В. Бочарников, И.Л. Бачило, С.В. Володенков, Р.И. Дремлюга, О.А. Дремлюга, П.М. Кручинина, Е.И. Татарникова, С.С. Хомякова, А.Ю. Мамычев, Ю.С. Матюк, В.С. Стариков, Н.А. Чемезов, М.А. Шмаков и др. подробно рассмотрели многогранные сферы влияния цифровизации – экономическую, социальную, политическую и правовую.

В сфере научного поиска в центре внимания исследователей изначально находился феномен цифровизации в экономических рамках общества. Именно эта грань проблемы цифровизации широко исследовалась в научных трудах таких авторитетных мыслителей, как Н.Я. Гурьянов, Е.А. Истомина, М. Л. Калужский, Т.Н. Юдина, В.Г. Гадецкий, Ю.Г. Гадецкий, Ю.В. Гайворонская, Т.А. Герасимова, М.О. Эдзаева, В.В. Загребин, А.Е. Коньков, А.А. Корякина, А.Ю. Мамычев, О.И. Мирошниченко, Н.В. Москвитин, Е.А. Серова, А.П. Чижик и другие видные исследователи в этой области. Возникновение цифровой экономики можно проследить по достижениям в области информационных технологий и их интеграции в различные виды экономической деятельности. Эти преобразования привели к созданию динамичной коммуникационной среды в сфере онлайн-экономических взаимодействий. Цифровая экономика включает в себя широкий спектр инструментов, методов и результатов, которые определяют способы ведения бизнеса и взаимодействия с потребителями в цифровую эпоху.

Исследование многогранных аспектов цифровизации в сфере политики и права привлекло внимание таких ученых, как С. В. Володенков, А.А. Карцхия, А.Е. Коньков, А.А. Косоруков и Л.В. Сморгунов и др.

Такие ученые, как В.В. Загребин, Е.А. Серова, Ю.В. Гайворонская, О.И. Мирошниченко, А.Ю. Мамычев изучили сложную динамику цифровой социализации молодежи. Их исследования охватывают широкий спектр тем – от нюансов цифровых рисков до последствий цифрового неравенства.

Социологи утверждают, что появление и распространение цифровых технологий привело к глубокой трансформации способов коммуникации в обществе, существенно изменив ландшафт образования, услуг, досуга и различных других аспектов человеческого взаимодействия. Эта цифровая революция неизбежно повлияла на процессы социума, особенно среди молодого поколения, которое все чаще ориентируется в своем социальном мире с помощью цифровых средств.

Исследования цифровизации в философском дискурсе представляет собой слияние различных точек зрения из разных научных областей. В области философских исследований ценный вклад внесли такие ученые, как Н.Н. Мещерякова, А.Е. Коньков, В.И. Данилов-Данильян, В.Г. Марача, А. Перзановски, Дж. Шульц, Е.С. Зиновьева, Ю.А. Чернавин, Е.В. Брызгалина, Е.Н. Роготнева. Современные философы пытаются найти ответы на актуальные вопросы, связанные с эволюцией цифрового общества, становлением цифровой культуры, трансформацией человеческой идентичности в цифровую эпоху и этическими последствиями цифровизации общества.

Объектом настоящего исследования является цифровое неравенство.

В качестве **предмета** исследования выступают социально-философские аспекты феномена цифрового неравенства.

Методология и методы исследования: Это диссертационное исследование основано на классических текстах социальной философии, касающихся собственности. Известные деятели в этой области включают Платона и Аристотеля, оба из которых внесли большой вклад в раннюю мысль о правах собственности и собственности. Другие значимые философы включают Д. Локка, который ввел концепции индивидуальной собственности; Г.В.Ф. Гегеля, известного своими взглядами на этические последствия

собственности; К. Маркса, который критиковал системы собственности с социально-экономической точки зрения; П. Лафарга, который исследовал социальные аспекты труда и собственности. Кроме того, такие ученые, как И.А. Ильин и Н.А. Бердяев, предоставили более глубокое понимание социальных последствий права собственности. Вклад современных теоретиков также обогащает этот дискурс. Такие исследователи, как - Р.И. Капелюшникова, А.М. Орехова, И.А. Латыпова, И.Г. Чаплыгиной, К. Ханна, Р. Пайпса, Э. Рива, А. Райэна, С. Чена, С. Пейовича, А. Картера и др. Эти ученые развивают основополагающие идеи, заложенные их предшественниками. Как классические, так и современные работы рассматривают сложности собственности с разных точек зрения. Они исследуют не только материальные аспекты собственности, но и лежащие в основе методы исследования. Этот корпус литературы формирует методологическую основу для изучения собственности как социального института.

Методология, используемая в этом диссертационном исследовании собственности, охватывает универсальные общесоциальные приемы и методы, например: 1) принцип развития, который использует диалектику как основу для анализа социальных процессов в их динамических контекстах; 2) принцип развития, который использует диалектику как основу для анализа социальных процессов в их динамических контекстах; 3) принцип универсальности утверждает, что законы, регулирующие развитие недвижимости, являются последовательными и универсальными (эти законы могут быть всесторонне изучены и поняты в различных контекстах и дисциплинах); 4) принцип детерминизма предполагает, что события и социальные условия находятся под влиянием предшествующих факторов; 5) принцип познаваемости утверждает, что все явления, связанные с собственностью, могут быть проанализированы и поняты.

В дополнение к этим: общенаучные методы познания, системный, структурно-функциональный, историко-хронологический и сравнительный подходы, а также метод «кейс-стади». В контексте диссертации эти методы

часто играют вспомогательную роль. Они помогают в уточнении и разъяснении концепций в рамках пропетологического знания. Кроме того, они предоставляют наглядные примеры того, как основные положения защищают выводы в конкретных случаях, взятых из различных дисциплин, таких как экономика, политология и социология.

Цель данного исследования провести социально-философский анализ феномена социального неравенства. Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать экономическое неравенство как вид социального неравенства.

2. Сформулировать базисные принципы социально-философского подхода к определению цифрового неравенства и цифровой справедливости.

3. Разработать концепцию цифрового блага, проанализировать способы присвоения и обмена цифровых благ, предложить основные типологии цифровых благ.

4. Основываясь на положениях теории П. Бурдьё, обосновать необходимость введения понятий «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества».

5. Исследовать основные виды цифрового неравенства.

6. Выявить методологическую роль и значения социальной философии для разработки концепции цифрового неравенства.

Основные положения, выносимые на защиту:

(1) Само экономическое неравенство – это различия по показателям экономического благосостояния между отдельными лицами или группами лиц. Исследование экономического неравенства как вида социального неравенства требует разнообразной методологической основы, которая объединяет как количественные, так и качественные методы исследования. Этот тонкий подход не только помогает всесторонне понять сложную динамику, которая управляет распределением ресурсов и возможностей, но и позволяет инновационно применять устоявшиеся теоретические инструменты, такие как индекс Джини,

индекс Тейла, коэффициент фондов, децильный коэффициент, коэффициент вариации и коэффициент Пальмы. Используя эти индексы новыми способами — такими как интеграция качественных идей для контекстуализации количественных мер можно более грамотно отследить изменения, которые происходят в экономическом неравенстве из-за цифровизации.

(2) Цифровое неравенство представляет собой форму социального неравенства, характеризующуюся не только неравным доступом к цифровым технологиям, но и к цифровым благам, что может быть следствием разного уровня технологического развития, подключения к Интернету и цифровой грамотности среди населения. Эта концепция позволяет более грамотно подойти к проблеме данного вида неравенства не только на технологическом уровне, но и на экономическом. Концепция цифровой справедливости была введена для того, чтобы подчеркнуть необходимость справедливого распределения и доступа к цифровому благу в обществе. Она обеспечивает основу для оценки и устранения этого вида неравенства.

(3) Разработка концепции цифрового блага требует детального понимания цифровой интеллектуальной собственности, цифрового интеллектуального блага (цифрового интеллектуального ресурса) и цифрового интеллектуального капитала, поскольку эти термины охватывают владение и накопление полезных цифровых знаний и информации, что позволяет классифицировать и оценивать такие блага. Цифровые блага можно разделить на различные виды, такие как материальные и интеллектуальные, субъективные и объективированные, а также известные и недавно обнаруженные. Проблема соизмеримости между цифровыми благами возникает из-за различной природы и внутренней стоимости, что усложняет присвоение и обмен цифровыми благами. Для решения этой проблемы предлагается показатель ЕЦБ, в качестве единицы измерения цифровых благ, которая позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

(4) Исходя из теории П. Бурдьё, можно ввести понятия «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества», чтобы пролить свет на механизмы социального неравенства в цифровых контекстах. Изучая эти взаимосвязанные конструкции, мы можем лучше определить и понять механизмы социального неравенства, проявляющиеся в цифровых взаимодействиях, показывая, как доступ к цифровому благу и способность ориентироваться в цифровом обществе часто распределяются неравномерно.

(5) Цифровое неравенство представляет собой многогранную проблему, которая концентрируется на доступе к цифровым благам и технологиям. Его можно разделить на несколько основных форм, в частности, инфраструктурное неравенство и неравенство в сфере цифровой интеллектуальной собственности. Инфраструктурное неравенство относится к неравенству в доступе к основным технологиям и интернет-услугам, что может существенно затруднять способность людей в полной мере участвовать в цифровом обществе. И наоборот, неравенство в цифровой интеллектуальной собственности относится к несправедливому распределению прав, касающихся использования и распространения цифровых ресурсов, часто налагая неоправданные ограничения на тех, у кого нет достаточных правовых или экономических средств. Понимание этих видов неравенства имеет решающее значение для разработки эффективных стратегий и рекомендаций по их устранению и обеспечению равного доступа к цифровым благам, поскольку это позволяет заинтересованным сторонам адаптировать решения, которые противостоят конкретным барьерам, с которыми сталкиваются маргинализированные группы. Различие между инфраструктурным неравенством и неравенством в сфере цифровой интеллектуальной собственности было введено для того, чтобы подчеркнуть различные аспекты цифрового неравенства, признавая, что одного лишь равноправного доступа к технологиям недостаточно, если права на использование и распространение цифрового блага распределены неравномерно.

(6) Выявлены социально-философские принципы на основе которых формируются участники решения проблемы цифрового неравенства. Во-первых, теория общественного договора (основанный на трудах таких философов, как Гоббс, Локк и Руссо, этот принцип подчеркивает взаимные обязательства и защиту между государством и его гражданами. Для борьбы с цифровым неравенством государство должно обеспечить справедливый доступ к цифровым ресурсам и технологиям). Во-вторых, подход на основе возможностей (разработанный Аматией Сен и Мартой Нуссбаум, этот принцип фокусируется на расширении возможностей и возможностей отдельных лиц. В контексте цифрового неравенства он утверждает, что одного доступа к технологиям недостаточно; люди также должны обладать навыками эффективного использования цифровых инструментов). В-третьих, социальная справедливость (этот принцип, основанный на работах таких теоретиков, как Джон Роулз, утверждает, что справедливость должна быть основой общественного развития. Справедливый подход к цифровому неравенству требует, чтобы маргинализированные группы имели право голоса в формировании политики, которая их затрагивает). В-четвертых, цифровые права (Опираясь на теории прав человека, этот принцип утверждает, что доступ к цифровым технологиям является основополагающим правом. Государства должны признавать и защищать цифровые права в своем законодательстве, гарантируя, что ни одному человеку не будет отказано в возможности участвовать в цифровой экономике или обществе из-за его социально-экономического статуса, местоположения или любых других дискриминационных факторов). Государства заинтересованы в борьбе с цифровым неравенством при помощи введения соответствующего законодательства, поскольку справедливый доступ стимулирует экономический рост, социальную стабильность и национальную конкурентоспособность. Пользователи, активное участие которых имеет решающее значение, получают доступ к основным цифровым ресурсам, которые расширяют их экономические и социальные возможности, гарантируя, что их права будут уважаться и

озвучиваться в быстро цифровом мире. Для частных компаний решение проблемы цифрового неравенства представляет собой стратегическое преимущество; расширяя доступность технологий и услуг, они могут выйти на новые рынки, повысить лояльность клиентов и улучшить свои профили корпоративной социальной ответственности, тем самым повышая свою долгосрочную устойчивость. Наконец, международные организации содействуют глобальному сотрудничеству, мотивированные необходимостью смягчить системные барьеры, выходящие за рамки национальных границ, полагая, что справедливый доступ к цифровым ресурсам способствует глобальной стабильности, экономическому росту и реализации прав человека, что соответствует их всеобъемлющей миссии по содействию миру и развитию.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Реализовано социально-философское исследование проблемы социального и экономического неравенства, выявлены основные методы определения экономического неравенства, такие как индекс Джини и коэффициент Пальмы, но и инновационно интегрирует качественные подходы для контекстуализации этих количественных показателей, тем самым формулируя комплексную методологическую основу, которая эффективно отражает сложную динамику распределения ресурсов и возможностей в контексте растущей цифровизации и ее влияния на экономическое неравенство.
2. Проведен социально-философский анализ проблемы цифрового неравенства, раскрывающийся в рамках концепции цифровой справедливости.
3. Разработаны основные принципы теории цифрового блага.
4. Предложено ввести в научный оборот концепты «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества» для анализа цифрового неравенства.
5. Проанализированы основные типы цифрового неравенства.

б. Предложены общие, социально-философские принципы решения проблемы цифрового неравенства.

Степень достоверности результатов. Достоверность выводов, изложенных в диссертационном исследовании, обеспечена соблюдением требований философских и общенаучных методов, применяемых в данной работе, использованием широкого корпуса авторитетных научных текстов, опубликованных как в России, так и за рубежом, а также тем, что результаты исследований диссертанта, предварительно прошли публичную проверку при их публикации в соответствующем количестве статей в журналах ВАК, Web of Science и Scopus.

Обсуждение и апробация работы. Основные научные результаты, достигнутые в диссертации, были изложены и одобрены на международных научных конференциях. В том числе в последнее время: на Дне науки, РУДН тема «Как цифровизация влияет на современное общество в ковидный период» (Москва, февраль 2022 года), XXIV Международном симпозиуме «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры» по теме «Цифровой мир современного человека», посвященного году науки и технологий в России, МГТУ им. Н. Э. Баумана (Москва, апрель 2022 года), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и общество в контексте современности. Вторые чтения памяти проф. П.К. Гречко», Секция № 6. «Человек и общество: контуры будущего» (Москва, март 2023 года), и на конференции в МГТУ им. Н. Э. Баумана, в рамках XXV Международного симпозиума «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры» (Москва, апрель 2023 года).

Объем и структура диссертации. Структура диссертации, логика изложения, последовательность и содержание глав и параграфов определены темой и предметом, а также целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов и списка цитируемой литературы. Общий объем работы составил 163 страниц. Список

цитируемой литературы представлен 117 наименованиями, из которых 25 на иностранных языках.

Глава I. Социальное неравенство (социально-философский анализ)

§ 1. Обзор теорий социального неравенства

История исследований проблемы неравенства и справедливости насчитывает более полутора столетий. Впервые о неравенстве в обществе заговорили философы античности. Ученые того времени активно занимались исследованием различий слоев общества, причин его деления и критериев неравенства различных групп населения.

Первым среди таких ученых считается древнегреческий философ Платон (428 427 – 348-347 гг. до н.э.). В своей работе «Государство» он излагает свое понимание проблемы существовавшего в тот период неравенства в обществе [Платон 2007]. Он полагает, что государство представляет собой своего рода два неравных класса. Одно из них составляют богатые, другое – бедные, и живут они все вместе, испытывая чувство вражды друг к другу, а также неуверенность и страх. Платон полагал, что справедливое государство можно создать на основе научного обоснования и данное научно обоснованное общество будет реализовывать принципы справедливости, обеспечивая внутреннюю дисциплину и социальную стабильность.

Платон, известный философ Древней Греции, в своих трудах, особенно в «Государстве», представляет иерархическую структуру общества. Согласно его философии, он утверждает, что всех граждан можно разделить на три различных класса, каждый из которых имеет свою уникальную роль и обязанности.

Первый класс состоит из правителей, которых он описывает как философов-царей. Эти люди характеризуются своей мудростью, интеллектом и глубоким пониманием Форм, особенно Формы Блага. Платон утверждает, что именно эти философы-правители, прошедшие обширное образование и созерцание, лучше всего подходят для управления государством. Их лидерство основано на подлинном понимании справедливости и общего блага, что позволяет им принимать решения, приносящие пользу всему сообществу. Их правление не мотивировано личными амбициями или желанием власти; скорее, это долг, который они выполняют для улучшения общества.

Второй класс включает воинов, которые служат защитниками государства. Эта группа призвана защищать общество от внешних угроз, таких как вторгающиеся силы, а также от внутренних опасностей, включая беспорядки или гражданские раздоры. Платон также включает в этот класс должностных лиц, признавая важность административных ролей в поддержании порядка и обеспечении эффективного осуществления законов и политики. Воины должны воплощать мужество и стойкость, уравнивая силу со стратегией в своей защите государства. Их роль жизненно важна для поддержания стабильности и безопасности, позволяя обществу процветать под руководством философов-правителей.

Третий класс состоит из рабочих, разнообразной группы, которая включает врачей, фермеров, ремесленников и артистов, среди прочих. Этот класс образует экономический костяк общества, предоставляя основные товары и услуги, которые поддерживают повседневную жизнь. Рабочие отвечают за создание богатства и ресурсов, необходимых для функционирования государства, позволяя ему эффективно функционировать. Хотя они могут не обладать той же философской подготовкой или управленческими обязанностями, что и правители или воины, их вклад бесценен и составляет основу, на которой покоится общество. Каждый рабочий играет важную роль в обеспечении удовлетворения потребностей сообщества, от производства

продуктов питания и предоставления медицинских услуг до создания основных товаров и предложения развлечений.

В своей философской структуре Платон выступает за полную отмену частной собственности, которую он рассматривает как необходимый шаг к искоренению неравенства в обществе. Его видение включает в себя не только перераспределение ресурсов, но и фундаментальную трансформацию общественных структур.

Платоновские классификации общества основаны на функциональном принципе, согласно которому различные классы людей выполняют различные роли, которые необходимы для общей гармонии и функционирования государства. Он описывает высокостратифицированное общество, в котором каждому классу приписываются определенные обязанности и функции. Правящий класс, состоящий из философов и стражей, воплощает определенные определяющие характеристики, отличающие их от других классов.

Среди этих определяющих черт – принцип равенства возможностей, который гарантирует, что люди в правящем классе имеют справедливые и равные шансы на выполнение своих ролей независимо от их происхождения. Эта концепция тесно связана с идеей о том, что лидеров следует выбирать на основе их способностей и добродетелей, а не наследственных привилегий или богатства. Кроме того, этот правящий класс характеризуется устойчивым фокусом на концепции всеобщего благосостояния, подчеркивая свою приверженность общему благу над личными интересами.

Другим важным элементом видения Платона правящего класса является полное устранение частной собственности. Отменяя частную собственность, Платон стремится предотвратить коррупцию и моральный упадок, которые часто сопровождают накопление богатства. Этот радикальный подход не только способствует экономическому равенству, но и усиливает идею о том, что правители должны ставить благополучие общества выше своих личных выгод. По сути, политическая философия Платона выступает за уникальную общественную структуру, которая стремится достичь как индивидуальных

заслуг, так и коллективного процветания посредством хорошо упорядоченной и справедливой иерархии.

Вопросом социального неравенства занимался еще один древнегреческий мыслитель – Аристотель (384-322 гг. до н.э.). В своем научном труде «Политика» им были выделены три элемента классового устройства государства: класс очень богатых, средний класс и класс очень бедных [Аристотель 2024]. Причем наилучшим он считал именно средний класс, так как его представители, исходя из условий своей жизни, более готовы следовать принципу рациональности. Мыслитель справедливо отмечает, что государство, в структуре которого средний класс преобладает над двумя другими, лучше управляемо и более стабильно.

Аристотель приводит убедительный аргумент относительно важности рассмотрения положения бедных в контексте общественной стабильности и управления. Он утверждает, что государство, обремененное значительным населением обедневших людей, изначально уязвимо, поскольку такое экономическое неравенство может привести к появлению многочисленных противников. По его словам, бедность – это не просто индивидуальное несчастье; она действует как катализатор множества общественных осложнений. Эти осложнения, в свою очередь, порождают нестабильность внутри государства и в конечном итоге могут обречь его на упадок или даже разрушение.

В своих философских рамках Аристотель решительно выступает против социального неравенства, критикуя как маргинализацию бедных, у которых нет собственности и, как следствие, власти, так и чрезмерное влияние, оказываемое богатыми. Его идеи предполагают, что гармоничное общество не может процветать, когда существует резкое разделение между богатыми и бедными. По его мнению, справедливое и равноправное общество должно стремиться смягчить это неравенство, чтобы обеспечить коллективное благополучие всех его членов.

Аристотель далее подробно останавливается на характеристиках разумного государственного управления, подчеркивая необходимость системы управления, которая минимизирует потенциал эгоистичного поведения среди ее лидеров. Он выступает за форму власти, которая посвящена служению интересам всего общества, а не избранных. Это приводит его к отстаиванию «политии» – господства среднего класса, который он определяет как сбалансированную и добродетельную основу для управления. В его политической теории средний класс выступает как стабилизирующая сила, способная осуществлять власть таким образом, чтобы способствовать социальной сплоченности и смягчать крайности богатства и бедности.

Философ утверждает, что главной целью должно быть не стремление к равенству в самом широком смысле, а скорее попытка уравнять владение имуществом среди людей в обществе. Эта точка зрения исходит из убеждения, что значительные различия в владении имуществом могут представлять серьезные риски для здорового развития и стабильности государства.

Аристотеля, считал наличие в обществе сильного среднего класса обнадеживающим и полезным фактором. Аристотель утверждал, что сбалансированное общество, где собственность распределена более равномерно, может способствовать гармонии и сотрудничеству между его гражданами. Напротив, он отмечал опасности, связанные с крайней концентрацией богатства, когда небольшая элита владеет всеми ресурсами, в то время как подавляющее большинство не имеет даже самого необходимого для достойной жизни.

Философ выделил два крайних сценария, которые могут возникнуть в таком несбалансированном обществе. Первый – плутократический режим, характеризующийся олигархией, где управление служит только интересам богатых. В этой системе богатая элита обладает значительной властью и влиянием, часто маргинализируя голоса и потребности менее удачливых. Второй сценарий – режим господства демоса, который Аристотель называл демократией в ее наиболее радикальной форме. В этой ситуации управление,

как правило, осуществляется городской беднотой, что потенциально приводит к решениям, которые ставят на первое место непосредственные потребности, а не долгосрочную стабильность и процветание для всего сообщества.

Из представителей эпохи Возрождения достаточный интерес в описании неравенства социальной структуры общества и ее различных слоев представляют взгляды итальянского мыслителя Н. Макиавелли (1469-1527). Одна из его наиболее значительных работ – сочинение «Государь» [Макиавелли 2024], в котором он считает республику наилучшей формой государства. Макиавелли отмечает, что постоянной чертой общества является напряженность между народом и элитой, которая обусловлена их боязнью друг друга, вызываемой значительным неравенством между ними. С одной стороны он, резко осуждает политику феодальной знати, которая приводила к постоянным раздорам, препятствовала формированию единого государства, с другой – опасался и «черни», которая легко вовлекается в политические авантюры. Он отдает предпочтение средним и высшим слоям торгово-ремесленного населения городов Италии.

Английский философ Т. Гоббс (1588 -1679) подчеркивал равенство всех людей, которое, по его мнению, должно заместить неравенство во власти и привилегиях. Он указывал на жадность и ненасытность людей в своих стремлениях к благам жизни, которые они привилегий хотят получить с помощью власти и привилегий [Соколов В.В., 2010]. Т. Гоббс, выдающийся политический философ, представляет убедительный взгляд на государство как на конструкцию, которая возникает из общественного договора. Этот общественный договор представляет собой взаимное соглашение между индивидами в обществе, похожее на обязательный «договор», в котором они коллективно решают уступить свои индивидуальные права единому органу власти. Этот орган власти обычно принимает форму лица или руководящего органа, который воплощает и выражает коллективные требования и волю населения.

В этом случае граждане активно участвуют в сознательном и добровольном процессе ограничения своих собственных свобод и прав, делая осознанный выбор в обмен на различные виды защиты и услуг, предоставляемых государством. Основные функции этого государства включают в себя важнейшие обязанности по поддержанию мира, обеспечению безопасности и соблюдению закона для создания стабильного общественного порядка. Доверяя эти роли правителю или руководящему органу, граждане ожидают структуру, в которой их общественные потребности будут удовлетворены, а их свободы будут защищены.

Гоббс утверждает, что правитель обладает полномочиями управлять на основе установленных законов, получая легитимность из согласия управляемых. Это подразумевает, что власть правителя не произвольна, а основана на коллективном соглашении людей, которые отказались от определенных свобод, чтобы обеспечить функционирование структурированного общества. Он подчеркивает, что для идеального функционирования этой системы правитель должен действовать в соответствии с законами, гарантируя, что управление отражает волю и благосостояние подданных.

Более того, Гоббс придает большое значение роли государства, которое он возводит в положение абсолютного суверена. В своем видении «идеального общества» он утверждает, что не должно быть привилегированных классов; такие иерархии подорвали бы равенство прав, которое должен обеспечивать правитель. Исключая существование привилегированных элит, Гоббс усиливает свою приверженность принципу равенства граждан, предполагая, что справедливое общество должно быть свободно от искажений, возникающих из-за классового неравенства.

Последующие поколения социальных философов углублялись в сложную и многогранную природу социального неравенства, рассматривая его последствия для общества и управления. Среди этих мыслителей был влиятельный английский философ Джон Локк (1632-1704), который был в

первую очередь известен своими теориями о правах личности и общественном договоре. Также в этот дискурс внес свой вклад английский социолог и теоретик права Иеремия Бентам (1748-1832). Бентам, известный как основатель утилитаризма, исследовал, как социальное неравенство может подрывать коллективное счастье и социальное благосостояние. Он выступал за правовые реформы, которые бы устранили эти различия, подчеркивая важность решения проблем менее привилегированных слоев населения для обеспечения наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Во Франции Жан-Жак Руссо (1712-1778) выразил обеспокоенность пагубным влиянием социального неравенства на моральную и гражданскую жизнь. Основополагающий труд Руссо «Общественный договор» бросил вызов устоявшемуся порядку и постулировал, что неравенство, особенно экономическое, развращает естественное состояние человечества и ведет к отчуждению и раздорам. Его идеи вызвали значительные дискуссии об общественном договоре и легитимности управления в обществе, отмеченном социальным неравенством.

Немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) продвинул диалог о социальном неравенстве дальше, предложив диалектический подход к пониманию истории и общества. Гегель признавал, что социальное неравенство может привести к глубоким конфликтам и напряженности внутри государства, что в свою очередь может помешать прогрессу свободы и развитию общественного самосознания.

Вместе эти мыслители, наряду с другими представителями своего времени, осветили критическую необходимость решения проблемы социального неравенства. Они понимали, что игнорирование этих вопросов может привести к дестабилизации и социальным конфликтам, создавая серьезные проблемы для управления и благополучия общества в целом.

Джон Локк, выдающийся теоретик правового демократического государства и гражданского общества, формулирует теорию, которое подчеркивает ответственность как монархии, так и аристократии перед

верховенством закона. Он представляет себе социальную структуру, основанную на принципах конституционной монархии, где власть короля и лордов смягчается правовыми рамками, призванными защищать права личности. Локк признает существование общественного неравенства, которое он приписывает классовым разделением, возникающим из-за владения и контроля над плодами труда.

В рамках Локка структура общества в основе своей формируется приверженностью защите естественных прав, которые охватывают права на жизнь, личную неприкосновенность, труд, собственность и свободу мысли, слова и совести. Он выделяет в этой структуре два основных класса: правителей, обладающих властью, и подданных, которые управляются законом. Важно, что Локк утверждает, что все люди, независимо от их социального положения, равны перед законом, тем самым создавая основу для справедливости и равенства в сфере управления.

В отличие от точки зрения Локка, Иеремия Бентам решительно выступает против понятия общественного неравенства. Он выступает за модель общества, состоящего из независимых, равных индивидов, лишенных классовых различий. Утилитаристская философия Бентама подчеркивает важность максимизации всеобщего счастья, тем самым бросая вызов самому существованию социальных иерархий.

Жан-Жак Руссо занимает иную позицию по вопросу социального неравенства, романтизируя естественное положение дел, характеризующееся всеобщей свободой и равенством. Он утверждает, что установление частной собственности знаменует собой поворотный момент, который нарушает это эгалитарное существование, приводя к росту неравенства. Руссо утверждает, что в действительно справедливом обществе все люди будут испытывать единообразие, устраняя обоснование любой формы стратификации.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель вводит еще один слой в дискурс об общественной структуре, определяя общество как ассоциацию индивидов, управляемую взаимными потребностями и правовой структурой. Хотя Гегель

признает наличие неравенства, он выделяет три отдельных класса в обществе: промышленный класс, состоящий из торговцев, ремесленников и производителей; класс землевладельцев, состоящий из дворян, владеющих поместьями, и крестьян; и общий класс, который охватывает чиновников и лиц, занимающихся управлением. Структура Гегеля признает сложность социальной динамики и взаимодействие различных классов, тем самым предлагая тонкое понимание общественной организации.

Для первой половины XVIII века географическое положение средневековых феодальных сословий, нарастание критики феодально-абсолютистского строя со всеми его институтами, в социальной структуре общества происходят следующие изменения: увеличение доли лично свободных граждан, появление акционерного капитала и формирование класса буржуазии, обладающего правами собственности. Класс буржуазии формировался из наиболее успешных цеховых мастеров, ростовщиков, торговцев, феодалов и деревенской верхушки. С развитием промышленности, мореплавания и торговли этот класс постепенно сосредоточил в своих руках все возрастающий финансовый и денежный капитал.

В начале индустриального периода развития общества проблема социального неравенства разрабатывалась Адамом Смитом (1723-1790). Он выделяет в структуре любого цивилизованного общества три основных неравных между собою социальных класса, такие как капиталисты, земельные собственники и производители. Собственно неравенство общества А. Смит видит в делении на производительные и распределительные классы. Смит первый заявил, что неравенство в обществе фиксируется не между традиционно выделяемыми слоями, такими как духовенство, знать, буржуазия и т.д., а между новыми классами, и имеет экономическую природу. Таким образом, А. Смит выявляет новый фактор неравенства – экономический, противопоставляя его традиционному фактору – сословному.

Экономическое основание неравенства общества поддержал в своих трудах Давид Риккардо. Всё, что получается с поверхности земли путём

интегрированного труда, капитала и машин, распределяется (неравномерно) между тремя социальными классами: собственниками земли (в виде ренты), владельцами капитала или денег (в виде прибыли) и рабочими (в виде заработной платы). Государство, по мнению Д. Риккардо, не должно вмешиваться в процесс производства, а также в обмен и распределение доходов. Государственная политика должна выстраиваться на принципах экономики, а взаимодействие государства и населения необходимо свести к налогообложению. Но налоговая ставка не должна быть высокой, так как если весомую часть капитала изъять из оборота, то результатом станет обнищание большей части населения, поскольку единственным источником увеличения национального дохода является именно накопление, Риккардо считает, что увеличение доходов капиталистов неизменно влечет за собой снижение доходов рабочих, и наоборот, Таким образом, в структуре неравенства общества между высшим и низшим классом выделяется промежуточный класс, который предшествует современному среднему классу.

Продолжает развивать экономический критерий в формировании неравенства общества французский мыслитель Клод-Анри Сен-Симон (1760-1825). Он отмечает, что существует неравенство между владельцами производства или его руководителями и пролетариатом, но оно, по его мнению, не является существенным, так как и одни и другие выполняют в обществе одинаковые функции, принадлежат к сфере производства [Сен-Симон А. 2007].

А. Сен-Симон первый видит и понимает суть происходящего в индустрии или в промышленном производстве, отводит приоритетное место в экономической сфере формам собственности, а также классам, которые находятся в непосредственном отношении к данным формам. Он впервые вводит такие понятия, как «индустриализация», «(промышленное) индустриальное общество». Именно А. Сен-Симон закладывает в социологической науке ту «парадигму производства», последователями которой можно в определенном смысле считать О. Конта, К. Маркса, М. Вебера.

Огюст Конт (1798-1857) первым в истории социологии начал исследовать проблемы неравенства общества [Конт О. 2011]. Социальные образования, по О. Конту, предопределяет преимущественно кооперация, основанная на разделении труда, которое утверждает О. Конт, есть не столько экономический, сколько социальный факт и самое важное условие всей нашей социальной жизни. Основу социальной солидарности и основу увеличения размеров и сложности социального организма также составляет разделение труда. Ученый заявляет о вечном, естественном и неустрашимом характере социальной иерархии и считает противоестественной идею всеобщего социального равенства.

Образование классов в обществе происходит из-за необходимого разделения управленческой и исполнительной функций. Конт понимает классы по-разному, но суть их сводит в первую очередь к тому, что они представляют собой две наиболее обобщенные неравные между собой категории – руководители и исполнители. В современном ему обществе О. Конт выделяет две наиболее значимые категории – это пролетариат и патрициат, внутри которых, в свою очередь, выделяются более мелкие социальные слои и группы. Так, патрициат составляют банкиры, управляющие капиталами, и предприниматели, непосредственно управляющие работами, Сами предприниматели, в свою очередь, подразделяются на сельскохозяйственных и промышленных.

Факторами выделения классов у О. Конта выступают власть, престиж и собственность. Они делятся на три категории: производительный, управленческий и созидающий духовный порядок общества. Политическая власть, по мнению О. Конта должна находиться в руках людей, руководящих промышленностью, так как именно у них сосредоточены все капиталы и материальные средства производства, следовательно, и политическая власть должна принадлежать тоже им.

О. Конт выдвигает предложение об исчезновении средних классов. Ученый «не видит места среднего класса в будущем обществе, которое он

собирается построить на принципах «позитивной» философии и социологии. «Лучшие» из числа мелких собственников, считает Конт, должны войти в класс капиталистов, все остальные пополнить численность пролетариата» [Конт О. 2011, с. 80]. Таким образом, по мнению основателя позитивизма, «общество будет состоять только из бедных и богатых, и на обязанности богатых будет лежать обеспечение лучшей участи бедных».

Учение О. Конта продолжил английский социолог Герберт Спенсер (1820-1903 гг.), который, в отличие от предшественника, выделил отдельно средний класс в структуре общества. Главные социологические идеи о социальной структуре общества Г. Спенсер изложил в своём трёхтомном труде «Основания социологии» (1877-1896 гг.). Деление на классы, согласно Г. Спенсеру, зарождается в самом начале социальной жизни. С его точки зрения, общественные классы – это тесно связанные части одного социального целого и являются результатом одновременного действия двух различных процессов в социальной жизни: интеграции и дифференциации.

Общая схема классового строения в обществе, по представлению Г. Спенсера, аналогична строению животного организма. У простейших организмов можно найти, например, два слоя: внутренний и наружный или внешний. Эти два слоя в дальнейшем развитии организма усложняются, в каждом из них появляются особые расслоения. Далее между этими системами образуется третья система. Подобное происходит и в обществах. Вначале существует класс господ (внешний) и класс рабов (внутренний). По мере развития эти образования начинают усложняться, вследствие возникновения в каждом из них иерархических степеней и различий. В обоих слоях начинает совершаться внутренняя дифференциация, особенно в обществах с более развитыми промышленными аппаратами [Спенсер Г. 2012].

По аналогии с тремя системами органов в животном организме, Спенсер находит в общественном строе три класса: нижний питающий себя и других, с оперативными функциями; средний играющий роль посредника между двумя

крайними, с функциями «распределительными»; и высший класс, с функциями регулятивными, или господствующий, правящий класс.

Развитие капитализма в XIX веке было очень новым явлением научным дисциплинам. В развитие социологии в тот период значительный вклад вносит немецкий социолог, философ, экономист, писатель, политический журналист и общественный деятель Карл Маркс (1818-1883). Он исследует социальное неравенство на основе классового подхода. Несмотря на то, что выделение классов в структуре общества было открыто задолго до него, никто до Маркса так подробно не исследовал и не давал такого детального обоснования классовой структуры общества с помощью фундаментального всестороннего анализа всего комплекса экономических взаимодействий, детального изучения классовых отношений. Это обуславливает тот факт, что подавляющее большинство современных исследований, касающихся вопросов социального неравенства, как у сторонников марксистской теории, так и у исследователей, которые придерживаются противоположных взглядов, содержит детальный разбор его классовой теории.

К. Маркс является классиком теории коллективного анализа и классового конфликта, основные причины которого он видит в социальном неравенстве. У К. Маркса и его последователей социальными общностями выступают классы, а формой проявления конфликта – классовая борьба между ними. В основе марксистской классовой концепции лежит экономическое неравенство, которое объективно обуславливает устройство стратификационной структуры общества. Таким образом, классовая принадлежность определяется не субъективными оценками людей своего социального положения, а объективными и реальными условиями. К. Маркс наполняет категорию «класс» конкретным экономическим содержанием. Основными классами, по его мнению, являются капиталисты и наёмные рабочие, и между ними изначально существует социальный конфликт из-за социального неравенства, как в экономической, так и в политической сферах. В своем труде «Манифест Коммунистической партии» Маркс выдвигает теоретическое обоснование всего

исторического процесса, где его стержнем является классовая борьба, посредством которой осуществляется постоянное преобразование общества.

Проведенный К. Марксом анализ классовой структуры общества играет важную методологическую роль, так как дает возможность выявлять объективную экономическую заинтересованность различных социальных групп, что является ключом к познанию реальной сущности разнородных социальных движений. Метод классового анализа, предложенный Марксом, требует выявлять в структуре любого классового общества помимо основных классов еще и подклассы, а также различные слои, формирующие сами классы и существующие между ними прослойки.

Большой вклад в исследование социального неравенства внес польско-австрийский социолог, профессор университета в Граце Людвиг Гумплович (1838-1909) [Гумплович Л. 2010]. В основе его взглядов лежат положения о неизбежности социальных конфликтов и социального неравенства людей, обусловленного биосоциальным неравенством рас. Государство, согласно теории Гумпловича, есть не что иное, как осуществление господства одних этнических групп над другими, причем с течением времени эти группы заменяются на социальные классы. Основными элементами социального неравенства он признает социальные группы, а не отдельные личности. Противоборство социальных групп выступает у него основой исторического прогресса. В этом направлении его взгляды перекликаются с взглядами Маркса, но это лишь внешнее сходство. Так, Маркс обосновывает социальную структуру общества, исходя из экономического неравенства, в то время как в основе концепции Гумпловича лежит неравенство политическое.

В исследования различных аспектов социального неравенства, социальной стратификации значительный вклад внес немецкий социолог Макс Вебер (1864-1920), Классовый анализ, основанный на экономическом неравенстве, он дополнил статусным (престиж) и политическим (власть). Три данных взаимодействующих аспекта он рассматривал в качестве факторов социальной структуры любого общества. Неравенство в собственности создают

классы, неравенства в престиже обуславливают статусные группы, неравенство во власти создают политические партии и движения. В отличие от Карла Маркса, который в основе структуры общества видит экономическое неравенство, Вебер полагает, что она формируется на основе статусных групп, критерием выделения которых является социальный престиж.

Вебер рассматривает социальный класс в первую очередь как экономическую категорию, дополняя марксистскую теорию критериями власти и престижа. Он использует ряд категорий – социальные слои, классы и статусные группы – для анализа социального неравенства в течение исторических периодов. В то время как классовая принадлежность рассматривается как объективная характеристика, основанная на экономических факторах, социальный статус воспринимается субъективно, под влиянием образа жизни и личных оценок общественного положения.

В своих исследованиях, социального неравенства Вебер придерживался классового подхода, но при этом утверждал, что классы сами по себе не являются сообществами, а лишь представляют своеобразную основу для коллективных действий. Факторами, формирующими класс как таковой, выступают экономические интересы. То есть употреблять термин «социальный класс» приемлемо лишь в тех случаях, когда: во-первых, объединение людей происходит на основе специфического причинного компонента, касающегося их жизненных шансов; во-вторых, данный компонент представляет исключительно экономические интересы, такие как получение дохода или приобретение товара; в-третьих, данный компонент обуславливает ситуация, которая складывается на рынке труда или рынке товаров.

Собственность и ее недостаток являются базисными категориями классового неравенства в обществе любого типа. Понятие «классовая ситуация» М. Вебер идентифицирует с понятием «рыночная ситуация». Люди, не имеющие возможности приобретения товаров на рынке или собственного обслуживания, как, например, «рабы», не являются классами как таковыми, а представляют собой «статусные группы». Таким образом, определяющим

фактором, формирующим социальный класс, является экономический интерес. В то же время понятие «экономический интерес» Вебер не отождествляет с понятием «классовый интерес». Он объясняет это тем, что интересы любого отдельно взятого рабочего могут широко варьироваться в зависимости от степени соответствия его квалификации реально выполняемому заданию. Возникновение социетального действия из классовой ситуации, которая сложилась на основе классового интереса, никак не может представлять собой универсальный феномен.

М. Вебер обсуждает социальное неравенство, утверждая, что «социальный класс» и «социальное сообщество» – это разные понятия. Он классифицирует общество на имущественные классы на основе неравенства собственности, выделяя «позитивно привилегированные имущественные классы» (например, рантье) и «негативно привилегированные имущественные классы» (например, рабы, пауперы). Неравенство между этими группами создает социальную напряженность и угрожает стабильности, при этом средние классы действуют как буфер. Однако сами средние классы неравны, они делятся на «позитивно привилегированные коммерческие классы» (предприниматели, квалифицированные специалисты), «средние коммерческие классы» (чиновники, фермеры) и «негативно привилегированные коммерческие классы» (различные рабочие).

На основании таких критериев неравенства, как обладание имуществом и профессиональный капитал, Вебер выстраивает следующую классовую структуру общества: верхние классы, занимающие привилегированное положение благодаря наличию значительной собственности и высокому образовательному капиталу, далее располагается класс, который Вебер называет «интеллигенция», к нему он относит лиц, не имеющих самостоятельной собственности, а также тех, чье социальное положение в обществе зависит, прежде всего, от имеющихся у них технических знаний – гражданских чиновников, инженеров, а также коммерческих и других служащих. Между представителями именно этого класса наблюдается

наибольшее социальное неравенство, то есть он очень неоднороден. Далее следуют «нижние средние классы», их сменяет «рабочий класс», представители которого заняты только в механизированном процессе.

Помимо таких факторов неравенства, как обладание имуществом и профессиональный капитал, Макс Вебер выделяет социальное неравенство на основании социального статуса, который детерминирован социальным оцениванием «почести» и ограничением «социального» общения только с равными себе по статусу. Под термином «социальный статус» Вебер понимает реальные претензии на негативные или позитивные привилегии по отношению к социальному престижу, когда он складывается на основе одного или нескольких критериев: а) критерий образа жизни, б) формального образования, который заключается в теоретическом или практическом обучении и усвоении определенного образа жизни, в) престижа рождения или профессии.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что М. Вебер анализирует социальное неравенство по трем основным критериям: 1) социальному статусу, который, как считает ученый, предопределяет стиль и образ жизни, образование, профессию, характер труда репутацию семьи; 2) экономическому статусу, который определяет, отношения и характер собственности, доход, положение на рынка труда; 3) политическому статусу, который формируется через участие в деятельности партий, политических групп, стремящихся к власти.

Таким образом, Макс Вебер наряду с Карлом Марксом, привносит решающий вклад в формирование в современной научной мысли концептуальных взглядов на сущность, формы и функции социального неравенства, Основываясь на вышеперечисленных критериях, М. Вебер наряду с классами выделяет статусные группы, которые связаны обладанием социальным престижем, с особым образом и стилем жизни, а также властные группы, наиболее четко выраженные в политических партиях. То есть, ученый считает, что статусные группы абсолютно самостоятельны в отношении к делению общества на классы.

Неравенства имущества и собственности формируют экономические классы; неравенства властных полномочий обуславливают политические партии, а неравенства престижа формируют статусные группировки, или страты. Из этого он формулирует собственное определение, которое он называет «Три автономных измерения стратификации». Вебер подчеркивает, что «...политические партии, социальные классы или статусные группы явления, которые относятся к сфере распределения властных полномочий внутри социального сообщества».

Значительный вклад в исследование социального неравенства внес русско-американский социолог Питирим Сорокин (1889-1968). В числе первых социологов он вводит понятие «социальное пространство», подразумевающее определенного рода вселенную, состоящую из людей, которые населяют нашу планету. В данной вселенной все индивиды занимают определенное неравное между собой положение, которое имеет как горизонтальное, так и вертикальное измерение. Данное положение ученый определяет как *социальное положение* человека. Это положение не статично и каждый человек динамично перемещается в данном пространстве. Такое перемещение Сорокин определяет как социальную мобильность, которая бывает как горизонтальная, так и вертикальная.

Движение вверх ученый определяет как восходящую социальную мобильность или социальное восхождение, а движение вниз как нисходящую социальную мобильность или социальный спуск. Определив такие категории, как «социальное пространство», «социальное положение» и «социальная мобильность», Сорокин приступает к определению социальной стратификации, которую он понимает как социальное неравенство определенной совокупности населения по классовой принадлежности, определенном иерархическом порядке. Основу стратификации, по П. Сорокину, составляет неравенство в распределении прав и привилегий. Также Сорокин твердо уверен в том, что нестратифицированного общества не существует.

В определении стратификационного неравенства Сорокин выделяет три направления, т.е. считает, что необходимо дифференцировать людей по трем критериям: экономическому (уровень дохода), политическому (наличие властных полномочий и степени влияния индивида на остальное население) и профессиональному (успешность исполнения какой-либо социальной роли).

Наряду с вышеуказанными базисными характеристиками социального неравенства Сорокин выделяет также и дополнительные, к которым относит: 1) наличие / отсутствие у индивида семьи, 2) государственную принадлежность индивида; 3) расовую и этническую принадлежность, 4) владение определенной профессией, профессиональную квалификацию, уровень образования; 5) владение / не-владение имуществом, наличие недвижимости и других форм собственности; 6) вероисповедание, принадлежность к какой-либо церкви; 7) политическую активность, членство в какой-либо партии. Из совокупности данных характеристик формируются уже более сложные, неравные между собой социальные группы: типичные и нетипичные, антагонистические или солидарные внутри и т.д.

Рассматривая экономическое неравенство, Сорокин солидарен с Вебером в вопросе о соотношении положения в экономической конструкции общества с соответствующей позицией в политической и профессиональной конструкции, а также с тем, что экономическая стратификация может сокращать свой рост внутри какой-либо социальной группы. Сорокин справедливо полагает, что неравное экономическое положение индивидов в обществе будет выражаться в размере доходов, в различии уровня и качества жизни.

Политическое неравенство, считает Сорокин, отличается своей универсальностью и постоянством. В политической стратификации значительная роль принадлежит размеру «политического организма». Профессиональная стратификация определяет разделение общества на неравные группировки людей в соответствии с их занятиями и родом деятельности: одни профессии всегда наиболее престижны, нежели другие. В обществе отсутствует неизменная тенденция к всеобщему равенству. Оно

представляет собой пирамидальную конструкцию, на вершине которой находятся наиболее привилегированные, успешные слои населения, в основании же, напротив наименее привилегированные слои. Если пирамида слишком вытягивается вверх, то с помощью переворотов и революций ее вершину обрезают, и образуется трапеция. Но затем вновь появляются силы, заставляющие эту пирамиду расти. Данные процессы в обществе имеют циклическое повторение.

Анализируя постиндустриальные теории исследования социального неравенства, необходимо отметить стратификационные концепции А. Турена (р.1925), Р. Дарендорфа (р.1929), П. Бурдьё (1930-2002).

Так, Турен считает, что для характеристики социального неравенства постиндустриального общества необходимо использовать следующие категории: социальный класс, с помощью которого анализируют отношения власти и доминирования; социальный интерес, который используют, изучая микроклимат организаций и коллективов группа давления, с помощью которой исследуют конфликты в сфере потребления и услуг, которые имеют слабое отношение к политическим процессам. Выделение социальных групп и слоев на основе вышеперечисленных категорий, а также с учетом неравенства их местоположения в социальной структуре общества соответствует их основным социальным интересам. Данная социальная структура неравенства обосновывает положение Турена, в котором он заявляет, что «в настоящее время рабочий класс все в большей мере замещается группами социального интереса, а такие социальные группы, которые создаются для защиты локальных или региональных интересов, другими словами традиционные группы давления, преобразуются в собственный класс».

Приоритетным направлением характеристики социального неравенства становится его фрагментирование, которое утверждается путем плюрализма его различных элементов, что находит отражение в нормах и ценностях, стиле, качестве и образе жизни, в социальных, экономических, политических, культурных, духовных и личностных структурах, Фрагментирование целей и

социальных интересов определенным образом преобразует систему социального неравенства, но при этом не устраняет социальный конфликт, неизменно присутствующий в обществе, а также уровень социальной напряженности. Просто центр конфликтной ситуации смещается в сторону потребительской сферы и преобразуется в конфликт с общественным устройством. Выстраивая социологическую модель социального неравенства, исследователи постиндустриального периода отмечают смещение от экономической сферы к сфере услуг, а затем к науке и культуре, которая становится основным интеграционным фактором, что в значительной степени трансформирует структуру социального неравенства. Именно данная трансформация становится главным достижением теорий постиндустриального периода.

Р. Дарендорф критикует традиционную теорию классов за ее неадекватность в объяснении социального неравенства в современном западном обществе. Он утверждает, что буржуазия разделилась на отдельные группы (менеджеров и владельцев), а рабочий класс диверсифицировался на различные фракции с разными интересами. Эта растущая сложность делает традиционные классовые категории недостаточными. Интересно, что по мере того, как классовый состав становится более неоднородным, социальная напряженность уменьшается, поскольку люди сосредотачиваются на борьбе за личный успех, а не на классовой солидарности. Дарендорф предполагает, что этот сдвиг приводит к появлению «класса большинства», движимого новыми критериями социальной значимости, в то время как прежние объединяющие факторы теряют свою значимость.

В своей характеристике социального неравенства постиндустриального общества Дарендорф делает акцент на изменения в сфере занятости населения, возникающие в восьмидесятые годы. Они находят выражение в значительном расширении и увеличении «сферы услуг», в которую оказываются вовлечены более половины населения. В связи с этим Дарендорф говорит: «Индустрия являла собой производство, а общество характеризуется преобладающими в

нем видами деятельности, таким образом, индустриальное общество заменяется обществом услуг» [Дарендорф Р. 2002, с. 180]. Следовательно, структуру современного общества составляет в большинстве класс служащих.

Исходя из критики теории Маркса, он излагает собственную классовую концепцию, основное положение которой состоит в том, что именно структура власти предопределяет классовую структуру общества, и, следовательно, через властные отношения необходимо обозначать классовую категорию. За основу социального неравенства Дарендорф предлагает взять отношение к власти, то есть удаленность от нее или близость к ней, вместо классового неравенства, основанного на владении или невладении собственностью.

Теоретические исследования Пьера Бурдьё представляют особый интерес. Они заложены в основу исследований социального неравенства большинства современных социологов, поэтому следует рассмотреть их более подробно. Теория социального неравенства Бурдьё, основываясь на современных настроениях и реалиях, предлагает абсолютно новую, полностью оригинальную методологию социологического анализа стратификационной структуры общества. П. Бурдьё считал необходимым отказ от классовой теории при описании социального неравенства структуры общества. Он полагал, что общественное устройство не может быть обосновано при помощи теории замкнутых групп, какими предстают классы. Чтобы понять и объяснить сущность социального неравенства человека, необходимо учитывать все виды капитала и ресурсов, которыми он обладает.

Бурдьё сформулировал законы, с помощью которых все виды капитала (политический, социальный, экономический, духовный культурный), взаимно дополняя, переходят друг в друга. Разрабатывая авторскую теорию «габитуса», под которым Бурдьё понимает совокупность черт, приобретенных индивидом, особые диспозиции которыми он располагает, то есть свойства, что являются результатом накопления определенных знаний и опыта. В процессе работы над теорией социального капитала ученый создает такую концепцию социального

неравенства, которая рассматривает социальные позиции индивида с помощью исследования его жизненного стиля.

В лекции «Социальное пространство и символическая власть» прочитанной в 1986 г в Университете Сан-Диего, Бурдьё выдвигает положение о том, что можно сравнивать пространство социальное и географическое, в котором выделяют различные области. Социальное пространство конструируется таким образом, что все его агенты, такие как социальные группы и социальные институты расположены в нем таким образом, что имеют тем больше схожих черт и меньшее неравенство, чем ближе они располагаются друг к другу, и тем меньше, чем они удаленней друг от друга.

Агенты из различных социальных полей могут вступать во взаимоотношения друг с другом, но в то же время их объективные связи им в этом не помогают. Данные связи представляют собой своеобразные позиции, которые занимают индивиды благодаря распределению ресурсов. Данные ресурсы распределяются неравномерно, а их величина определяет тот объем социальной власти, которым обладает каждый агент. Под основными разновидностями социальной власти ученый понимает экономический капитал во всех его проявлениях и разновидностях и культурный капитал. Отдельно Бурдьё выделяет символический капитал, под которым он понимает форму, что могут принимать различные виды капитала, признаваемые и осознаваемые как легитимные. Бурдьё указывает на неравенство распределения агентов в определенном социальном пространстве. В первом измерении располагаются индивиды в зависимости от размеров капитала, который у них имеется, во втором на основании структуры данного капитала, т.е. по относительному размеру его разновидностей, который они имеют в общем объеме.

Ученый считает, что социальное пространство, слагается из реального положения в нем индивида и его представления о собственном положении, на основании которого он это пространство организует и преобразует. Оно конструируется таким образом, что агенты, расположенные на сходных или соседних позициях, находятся в равных условиях, подчинены схожим

обстоятельствам и имеют все мы предлагаем вам ознакомиться с предложениями и предложениями других, также следовать схожим практикам.

Следовательно, социальное пространство одновременно включено в субъективные и объективные пространственные структуры, которые являют собой интеграцию структур объективированных. Социальное пространство состоит из множества социальных полей. В каждом социальном поле агент занимает неравное положение, обладает определенным видом капитала и действует как непосредственный участник существующих практик. П. Бурдьё представляет социальную реальность в форме многомерного пространства, которое включает: политическое поле или поле власти, экономическое поле, культурное поле, поле интеллектуальной деятельности, поле религии, этническое поле и др. Эти поля не существуют изолированно друг от друга, а взаимно пересекаются.

Неравенство положения агента в социальном пространстве обуславливается его положением в каждом из полей, то есть в какой мере он обладает ресурсами того или иного поля. Внутри каждого из полей идет борьба за капитал или ресурсы, причем роль и значение разновидностей капитала в каждом обществе в конкретный период времени различны. Теория социального неравенства Пьера Бурдьё является одной из наиболее значительных теоретических концепций проблем социального неравенства, она может быть применима к исследованию современного общества и находит отражение в работах большинства социологов, занимающихся изучением социального неравенства современного общества.

В предыдущем параграфе сделан вывод о том, что в социальной структуре общества существует неравенство, которое не является тождественным материальному. Оно представляет собой такую форму социального расслоения, когда все индивиды, социальные группы и слои расположены на определенных ступенях социальной иерархии, имеют неравные жизненные шансы и возможности удовлетворения существующих потребностей. Далее, в другой раз предопределяются не столько

материальными возможностями человека, сколько другими ресурсами самого человека, его семьи, ближайшего окружения.

Тут предполагается рассмотрение системных подходов зарубежных ученых к исследованию социального неравенства. Для этого последовательно рассмотрены методологические основы исследования социального неравенства, каждая из которых в той или иной мере вобрала в себя идеи М. Вебера или К. Маркса, рассмотренные в учебном пособии.

В конце 70-х гг. XX в. появляется и становится популярной среди социологов концепция социального неравенства Дж. Голдторпа [Erikson R., & Goldthorpe J.H. 1992], которая с тех пор претерпела многократные изменения. Ее последняя версия датирована 1997 годом. Несмотря на то, что Голдторп критикует неомарксистский подход к исследованию социального неравенства и заявляет о приверженности веберизму, его система сочетает в себе идеи этих двух подходов. Причину социального неравенства Голдторп видит в сфере занятости в обществах индустриального типа, то есть таких, которые функционируют по принципам экономической и технической рациональности. Он утверждает, что общества индустриального типа более иерархизированы вследствие более развитого разделения труда по сравнению с обществами доиндустриального типа.

Повышение требований к административному руководству и менеджменту, усложнение деловых процессов и бюрократизация, которые свойственны обществам индустриального типа, повлекли диверсификацию профессий. Дж. Голдторп дифференцирует системы социального неравенства на модели, которые фокусируются или на классовой структуре (основанной на отождествлении социального положения индивида с его позицией на рынке труда), или на социальной иерархии (основанной на самоопределении местоположения индивида в многомерном иерархическом пространстве, любое изменение которого формирует отдельную иерархию, как, например, экономические ресурсы, статус, престиж т.п.).

Ученый рассматривает свою систему социального неравенства во временной категории, сопоставляя современные объекты с предшествующими им, так как в системе подразумевается вертикальное измерение по шкале возрастания / убывания. Тем самым он налагает определенные ограничения, которые действуют в пределах актуальности стратификационной структуры.

Голдторп заявляет, что мелкие чиновники, мелкие собственники и квалифицированные промышленные рабочие вполне могут занимать сходное положение в социальной иерархии и их неравенство будет минимально, но их положение может изменяться в зависимости от абсолютно различных экономических или технических факторов, таких как политика правительства, инновации и т.д. Индивиды, которые принадлежат к одному классу, напротив, имеют относительно однородные ресурсы, прошли схожий жизненный путь следовательно, имеют схоже интересы, присущие их классу.

На развитие системы повлияли следующие явления:

- трансформация права собственности в корпоративные формы;
- бюрократизация труда и организаций;
- появление авторского права, специализированного знания отраслям, особенно, отделение сельского экспертизы;
- деление профессий по хозяйства от остальных отраслей;
- развитие системы мотивации;
- изменения в основах трудового контракта и условиях найма.

Система социальной стратификации Дж. Голдторпа состоит из четырех иерархически вложенных классификаций, среди которых сам Дж. Голдторп предпочитает 7-классовый вариант. Эта система получила широкое распространение, и за ней утвердилось название EGP (ЭГП) – схема, название которой образуется под заглавным буквам фамилий ее создателей – Erikson R. (Р. Эриксон), Goldthorp J. (Дж. Голдторп), Portocarero L. (Л. Портокарепо) [Бобровский О.В., Каира Ю.В. 2011, с. 58-62].

Концепция Д. Траймана развивает субъективный подход исследованию социального неравенства и основывается, так же как и предыдущие системы, на

социально-профессиональном положении индивида, Теория Д. Траймана относится к чикагской школе, которая применяет в исследовании неравенства структурно-функциональный подход и заимствует идеи Э. Дюркгейма и Т. Парсонса. Д. Трайман предлагает исследовать социальное неравенство, основываясь на рейтинге престижа профессий, который, по его мнению, не зависит от национальности, места проживания, культурных и социальных установок. Структурированные наименования профессий исследователь работал в ISCO (International Standard Classification of Occupations) – Международной стандартной классификации профессиональных занятий. То есть социальное неравенство в обществе Д. Трайман объясняет профессиональным положением.

Теория социального неравенства Д. Траймана базируется на шести положениях:

1) любые дополнительные услуги организуются и функционируют для достижения максимума эффективности;

2) достижение максимума эффективности происходит за счет сходного разделения труда, которое, в свою очередь, воспроизводит сходные профессиональные статусы и роли;

3) разделение труда формирует иерархию социального неравенства, в основе которого лежат различия в уровне контроля над невостребованными, недостающими общественными ресурсами, такими как знания, навыки и умения, права собственности, контроль над деятельностью других и т.п.;

4) дифференциация контроля над общественными ресурсами влечет за собой неравенство властных полномочий;

5) неравенство властных полномочий влечет неравенство привилегий отдельных членов общества;

6) привилегии и власть имеют высокую цену в любом обществе, то есть чем выше профессиональное положение, тем больше привилегий и власти. Согласно исследованиям Д. Траймана, самыми престижными являются

представители таких профессий, как архитектор, юрист, экономист, психоаналитик, врач.

Факторами социального неравенства по Д. Трайману выступают профессиональное и должностное положение, и они имеют крайне ограниченное применение для российского общества, Данная концепция может найти применение для высокоструктурированных, однотипных западных обществ, где социальное неравенство незначительно.

Модель социального неравенства Э. Райта, представляет собой материалистическую и неомарксистскую концептуализацию классовой структуры общества с небольшим веберинским уклоном. Основываясь на последних работах Райта, можно выделить следующие направления, определяющие социальное неравенство в современных сложных обществах:

а) в сотрудничестве с Терри Марксом местные работники и собственники предприятий формируют два социально неравных между собой метакласса, а владельцы производственных средств эксплуатируют труд наемных работников и присваивают прибавочную стоимость, которую те производят;

б) в современных западных обществах имущество (активы) не ограничены формами собственности на труд и средства производства и включают имущество организаций и профессиональные навыки работников, которые дифференцируют их неравенство в социальной структуре.

Собственники средств производства разделены на отдельные категории, которые отражают масштаб собственности (буржуазия, мелкие работодатели и мелкая буржуазия, выделенные в соответствии с численностью наемного персонала). Наемные работники разделяются в двух измерениях (низкий, средний и высокий уровень профессиональных навыков; низкий, средний и высокий организационный капитал). Э. Райт выделяет четыре основные неравные классовые позиции капиталистов, рабочих, мелкую буржуазию и средний класс, к которому он причисляет все противоречивые позиции, не относящиеся остальным трем классам. Как отмечал сам Э. Райт, его концепция частично идет в русле веберинской традиции (многомерность социального

пространства, учет властных полномочий, знаний, умений и навыков при выделении классов), но ее основная идея – выделение классов по положению в системе эксплуатации – сохраняет ее неомарксистской.

Неомарксистская модель Э. Райта, по мнению автора, может быть применима для анализа социального неравенства российского общества так как она достаточно проста, понятна и доступна.

В системе социального неравенства М. Сэвиджа семь групп [Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., & Miles A. 2013]:

Элита. Самый привилегированный слой общества. Он обладает наибольшим объемом всех трёх форм капитала. В нём минимальна доля этнических меньшинств. Элита является закрытой социальной группой. Её профессиональный состав образуют главные исполнительные директора, ИТ-директора, директора в области маркетинга, менеджеры в области финансов и консалтинга, а также барристеры (адвокаты). Они выпускники наиболее престижных университетов (Кембриджа, лондонского Кингс-Колледжа и др.).

«Сложившийся» средний класс. Этот класс аналогичен «служебному классу» («салариату») Дж. Голдторпа. Его члены наиболее коммуникабельны по сравнению с представителями других классов. Это культурно и материально преуспевающий класс, кроме того, более открытый этническим меньшинствам, В этот класс входят профессионалы и менеджеры.

Технический средний класс. В этом классе возникает контраст между высоким уровнем экономического капитала и более низким уровнем культурного и особенно социального капитала. Многие представители этого класса закончили престижные университеты (Уорика, Кембриджа, Саутгемптона) и являются специалистами в области науки и технологии.

Класс новых состоятельных рабочих. Это класс социально защищённых работников с относительно высоким уровнем начального культурного капитала. Среди него есть выпускники ряда университетов (Ливерпуля,

Болтона). К этому классу принадлежат белые и синие воротнички, занятые в основном в потребительском секторе.

Традиционный рабочий класс. Большинство его членов являются домовладельцами. Уровень их элитарного культурного капитала выше уровня их начального культурного капитала при том, что в этом классе невелика доля выпускников университетов. В профессиональном составе этого класса преобладают синие воротнички (водители грузовиков, электрики), но есть и белые воротнички (секретарские работники).

Класс сервисных работников. В этом классе высока доля этнических меньшинств. Занятые в сфере услуг, сервисные работники очень приятно удивлены (работники баров, колл-центров, повара). В отличие от традиционного рабочего класса они не являются собственниками жилья. Величина их начального культурного капитала больше величины их элитарного культурного капитала, что составляет другое отличие сервисных работников от традиционного рабочего класса. Оба класса отличает и то, что среди сервисных работников гораздо больше обладателей университетских дипломов (которые они получили в области гуманитарных наук) и выше уровень социального капитала. В этом классе резко выражена статусная рассогласованность.

Прекариат. Этот класс имеет минимальный объём экономического, культурного и социального капитала и является самым депривированным классом общества. В его состав кроме работников наёмного труда (уборщики, сиделки, кассиры) включены безработные владельцы магазинов. Прекариат и класс сервисных работников сближает отсутствие гарантированной занятости и социально защищённости.

Другую модель социального неравенства предлагает Стэндинг [Standing G. 2014]. В ней семь групп:

1. *Элита.* Под ней британский социолог понимает сверхбогато социальное меньшинство, имена представителей которого постоянно мелькает на странице журнала «Форбс». Сюда включены собственники наиболее крупных состояний.

2. *Салариат*. У них стабильная занятость и высокая заработная плата, солидный «социальный пакет», перспективы карьерного роста. Они работают в корпорациях и органах государственного управления. Салариат представляет собой наиболее привилегированный сегмент рынка труда.

3. *Квалификационные категории или proficians* (от англ. Professional – профессионал и technician – технический специалист). Данная социальная группа тоже входит в верхние страты современного общества. У них, как и у салариата, основной ресурс – высокий уровень квалификации и образования. В эту группу входят консультанты независимые специалисты, которые заключают индивидуальные контракты и работают на себя.

4. *Работники физического труда* или, по словам Г. Стэндинга «костяк старого рабочего класса».

5. *Прекариат*. Этим термином Г. Стэндинг обозначает социальную группу, выросшую из нестабильной занятости, под которой подразумевается, в частности, временная и неполная занятость. Прекарии лишены социальных гарантий, с ними либо не заключают контракты, либо заключают контракты на краткосрочной основе. Г. Стэндинг называет прекариат «новым опасным классом».

6. *Безработные*.

7. Низшая социальная группа, живущая, по выражению Г. Стэндинга, «подачками общества». Речь идёт об андерклассе, который исключён из активной общественной жизни.

Что касается современных российских исследователей социального неравенства, то среди них особо следует отметить наиболее актуальные и значимые подходы О.И. Шкаратана, ЛА Гордона, Л.А. Беляевой, Т.И. Заславской, Н.Е. Тихоновой, З.Т. Голенковой и М.К. Горшкова. Все подходы ученых нацелены на построение социологической теории, направленной на выявлении основных факторов и критериев неравенства, исследование положения, индивидов в социальной структуре современного общества

исследование ее профиля, а также динамики и тенденции социального неравенства в современном российском обществе.

Анализируя исследовательские теории социального неравенства в первую очередь необходимо остановиться на стратификационной концепции О.И. Шкаратана, в которой он предлагает для характеристики социального неравенства любого общества использовать девять типов стратификационных систем.

Физико-генетическая система стратификации. В данной системе факторами социального неравенства положения социальных групп являются социально-демографические или «естественные» признаки. Физико-генетическая система основывается на том, что положение в ней индивида или социальной группы обуславливается половыми и возрастными критериями. В данной стратификационной системе не последнее место отводится определенным физическим качествам, таки как сила, красота, ловкость. Таким образом, наиболее слабые, а также, индивиды с физическими недостатками будут занимать более низко положение в социальной структуре общества и считаться ущербными.

Рабовладельческая система стратификации. В данной системе факторы неравенства не физиологические, физические или демографические, а юридические или военные. Дифференциация отдельных индивидов и социальных групп проходит на основании наличия или отсутствия гражданских прав и прав собственности. Есть социальные группы, представители которых абсолютно лишены всех этих прав и, уподобляясь вещам, становясь объектами частной собственности. Неравенство положения в социальной структуре общества такого типа в абсолютном большинстве случаев передается по наследству и так им образом закрепляется от поколения к поколению.

Кастовая стратификационная система. В ее основе лежит этническое неравенство. В обществе с кастовой системой индивид занимает строго закрепленное положение в существующей иерархической системе, а сами касты являются закрытыми, эндогамными группами. Существует определенный

строгий перечень тех занятий, которые могут выполнять представители той или иной касты (касты жрецов, воинов, земледельцев...). Так как положение в кастовом обществе является наследуемым, то возможность социальной мобильности представителей различных каст практически отсутствует.

Сословная стратификационная система. В данной системе социальное неравенство обуславливается юридическими правами, которые жестко связаны с обязанностями и находятся от них в прямой зависимости. Данные обязанности являются обязательствами перед государством и закреплены законодательно.

Этакратическая стратификационная система (от фр. и древнегр. – «государственная власть») система, имеющая некоторое сходство с сословной. Факторами неравенства в ней являются в первую очередь положение во властных и государственных структурах – экономических, политических, военных, возможность перераспределения или мобилизации ресурсов, а также общественные привилегии и блага, которые данные социальные группы имеют возможность извлекать из их властных полномочий. В данной системе определяющими являются формальные ранги, которые относят определенные социальные группы к разным слоям властной иерархии. Они определяют размер материального благополучия, престиж различных социальных групп, их образ жизни. Остальные факторы социального неравенства такие как культурные, этнические, экономические, демографические не играют значительной роли в данной системе. Данная система характерна для государств с авторитарной формой правления.

Социально-профессиональная стратификационная система. В данной системе социальное неравенство определяется содержанием и характером труда. Доминирующая роль в данной стратификационной системе отводится квалификационным требованиям (наличию опыта, умений и навыков) предъявляемых к определенной профессии. Данная социальная система является основополагающей в формировании социальной структуры общества.

В любом обществе, где имеется разделение труда можно увидеть ее многочисленные примеры.

Классовая стратификационная система. Данную систему часто противопоставляют стратификационной. Классы в ней представляют определенные социальные группы граждан независимых как в политических, так и в правовых отношениях. Социальное неравенство представителей этих групп проявляется в масштабах и характере собственности на производимую ими продукцию и сами средства этого производства, а так же в размере собственного благосостояния и доходов.

Культурно-символическая стратификационная система. Эта система возникает, когда появляется неравенство в обладании социальной информацией. Внешне оно проявляется в имеющемся доступе к социально важной информации, неравенстве возможностей отбора и интерпретации этой информации, способности быть носителями сакрального (научного или мистического) знания.

Культурно-нормативная стратификационная система. Данная основана на неравенстве престижа и уважения, формирующихся из сопоставления образа жизни, поведенческих, установок индивида или социальных групп. Факторами неравенства система здесь выступают: характер труда (умственный или физический) манеры общения, потребительские вкусы, этикет, привычки, языковые особенности, такие как местный диалект или определенный профессиональный лексикон. В то же время обществе прослеживается негласное распределение групп на «чужих и своих» «интеллигенция и неинтеллигенция», «общественная элита или социальное дно» и т.п.

В контексте классового типа стратификационной системы разработанной О.И. Шкартаном, еще один российский исследователь социального неравенства Л.А. Гордон акцентирует внимание на том, что материально-имущественные критерии неравенства не всегда являются приоритетными и им не всегда отводятся главные роли, так как они не могут исчерпывать всех его факторов. Вместе с тем, в основе большинства стратификационных процессов в

современном российском обществе лежит материально-имущественное неравенство. Ученый констатирует, что в основу стратификационной структуры советского общества были заложены административно-должностные критерии, и социальное неравенство было связано с положением индивида во властно-управленческой системе. Это положение меняется в 90-е годы, когда приоритетное положение приобретают материально-имущественные критерии, которые складываются из собственности и доходов. Это объясняется в первую очередь тем, что в обществе, переживающем переходный период и находящемся в состоянии аномии, когда рушатся прежние социалистические ценности и устои и начинают складываться рыночные отношения, именно материально-имущественное неравенство занимает преобладающее положение.

В своем произведении «Потери и обретения в России девяностых» [Гордон Л.А., Клопов Э.В. 2000] ученый заявляет, что разрушение высоко идеологизированного и сильно политизированного тоталитарного социалистического строя неизменно приведет к появлению социальной аномии, когда прежние ценности и нормы разрушаются и деидеологизируются, что повлечет за собой тотальный отказ от любой идеологии.

Когда общество пребывает в таком состоянии, единственной ценностью для индивида становится его материально-имущественное благополучие, а единственным фактором социального неравенства материально-экономическое состояние. Гордон справедливо полагает, что в исследованиях социального неравенства современного российского общества материально-имущественные критерии отражены более полно, чем какие-либо другие, так как измерить их значительно проще, чем социально-профессиональные, социально-культурные или самоидентификационные.

Говоря о развитии российского общества в период становления рыночной экономики, ученый прогнозирует, что возрастет рассогласованность материально-экономического положения большинства населения. Гордон говорит, что именно уровень дохода будет являться основой материального благосостояния подавляющего большинства россиян. Неравенство жизненных

условия будет, скорее всего, возрастать, а не снижаться, и на выравнивание этих условий потребуется много времени». Усиливающееся социальное неравенство будет проявляться в поляризации общества, то есть население разделится на два крупных социальных «лагеря»: В одном окажутся деловые энергичные активисты, достигшие материального благосостояния, а во втором находящиеся в глубокой нищете бедняки, которые будут противостоять друг другу по материально-экономическому состоянию.

Говоря о социальном неравенстве современного российского общества, ученый отмечает, что оно находит отражение в том, что почти третья часть населения находится в состоянии глубокой бедности, половина оставшихся россиян в состоянии малообеспеченности и даже при незначительном изменении ситуации может пополнить ряды бедного населения. В этой связи, считает ученый, особый исследовательский интерес будет вызывать рассогласованность параметров материально-имущественных в сравнении с самоидентификационными и социально-профессиональными.

Еще один ученый, чей научный интерес направлен на исследование социального неравенства – Л.А. Беляева. Она полагает что в социалистическом «доперестроечном» обществе такие факторы материального неравенства, как объем накоплений, уровень и источники доходов, структура расходов, а также другие составляющие материально-имущественного положения семьи, не являлись, существенными для подавляющего большинства населения.

Сравнительный анализ Беляевой показывает, что неравенство доходов в России выражено сильнее, чем в других странах с переходной экономикой, что способствует усилению социально-политической напряженности и препятствует развитию. Она выделяет четыре градации абсолютной бедности: «пауперизм» (доход ниже минимальной заработной платы), «нищие» (доход ниже прожиточного минимума), «нуждающиеся» (могут удовлетворить основные потребности, но не социальные) и «умеренно бедные» (могут удовлетворить основные социальные и физиологические потребности, но не имеют доступа к потребностям более высокого уровня). Беляева подчеркивает,

что имущественные отношения и доходы играют решающую роль в социальном неравенстве, подчеркивая необходимость дальнейших исследований в периоды экономических реформ.

Социологическую концепцию социального неравенства Л.А. Беляевой поддерживает М.Н. Руткевич, который считает социально-классовую структуру основной стратификации любого общества, а в основе ее анализа должны быть заложены процессы интеграции и дифференциации. Анализ социального неравенства доходов населения Руткевич уделяет особое внимание, так как оно дает возможность ярче увидеть характер распределения, существующий в обществе. Тем не менее, он осознает ограниченность этого способа и предлагает наряду с уровнем доходов учитывать также размеры сбережений и накоплений, наличие акций, облигаций и ценных бумаг. Но в то же время, отдельные критерии неравенства доходов различных социальных слоев, по мнению ученого, также нуждаются в корректировках и уточнениях.

Особое место Руткевич уделяет такому критерию неравенства, как уровень образования, и подчеркивает, что при его анализе необходимо учитывать не только количество лет, проведенных в образовательном учреждении, но и качество данного учреждения.

Несмотря на то, что при анализе социального неравенства Руткевич придерживается классового подхода, он старается его расширить, внося уточнение в само определение «класса» и факторов его формирующих. Он говорит, что при анализе социального неравенства помимо классов необходимо выделять более мелкие элементы социальной структуры общества, такие как социальные слои, группы, общности используя для этого различные критерии. Но необходимо очень точно определить эти критерии, а также связь между ними. В заключении он подчеркивает, что и классовый, и стратификационный подходы к исследованию социального неравенства не противоречат друг с другом, а напротив взаимно дополняют.

Заславская Т.И., как один из авторитетнейших исследователей социальной структуры современного российского общества, во многом

разделяет научные взгляды Руткевича и поддерживает их, особенно в том, что касается факторов неравенства. При этом она понимает под социальной структурой общества все возможные виды неравенства в положении социальных слоев и групп во всех сферах жизнедеятельности общества.

Заславская подчеркивает не только различия социальных структур индустриального и постиндустриального обществ, но и отличие от них социальной структуры современного российского общества. Если социальную структуру представить в двумерной системе координат, где по горизонтали – численность населения, а по вертикали – интегральное значение обладания общественными благами, то в постиндустриальном обществе это веретено (в середине находится большой по численности средний слой, а вверху и внизу – сравнительно небольшие слои). Что касается социальной структуры современного российского общества, то она имеет пирамидальную форму (вверху – крайне малый слой, посередине – небольшая прослойка, внизу – массивное основание, представляющее нижний, базовый слой). Сама Заславская к базовому слою относит большинство населения.

Анализируя факторы социального неравенства, Заславская приходит к выводу о том, что они еще не сформировались окончательно и постоянно меняются, при этом деградация существующих общественных отношений происходит быстрее создания новых. В связи с этим говорить о сформированности структуры российского общества преждевременно. Для понимания происходящих изменений отношений неравенства Т.И. Заславская предлагает сопоставлять факторы, действующие в современном российском обществе не с факторами постиндустриального, а с факторами советского общества, причем, того периода, с которого начался «перестроечный» процесс.

В советском обществе до «перестройки» основным фактором неравенства являлся политический капитал, складывавшийся не столько из совокупности полномочий индивида и уровня принимаемых управленческих решений, сколько из широты и характера его социальных связей и вытекающего из этого масштаба возможностей. Существовала взаимозависимость между

стабильностью состава политической элиты и устойчивостью политической системы. При этом так называемая «партийная номенклатура» была крайне закрыта и отдалена от управляемых ею социальных групп.

В современном российском обществе совокупность управленческих полномочий также является важной частью фактора политического капитала. Однако широту чисто социальных связей заменяет роль индивида в управлении экономическими объектами, в причастности к приватизированным государственным активам, менеджменте финансов и материальных ресурсов. При этом именно перераспределение материальных и финансовых активов осталось фактически единственной сферой деятельности управленцев, за счет которой фактор политического капитала усилился.

Выявленные к настоящему времени факторы, критерии, закономерности социального неравенства в российском обществе позволяют выделить социальные группы, общности и слои с дифференцированными социальными статусами и позициями, занимаемыми в трансформирующемся социальном пространстве. Т.И.Заславская характеризует структуру современного российского общества как состоящую из четырех неравных социальных слоев: нижний, базовый (их она объединяет в один слой в силу низкой дифференциации), средний и верхний. В последнем она выделяет две финансами, прослойки: субэлита и, непосредственно, элита; эти слои имеют наиболее весомые позиции в управлении государством, экономикой, военными и силовыми структурами. При этом индивиды, относящиеся к верхнему социальному слою, зачастую преследуют различные цели, но их объединяет совместная причастность к верховной власти. Средний слой составляют наиболее квалифицированные специалисты, старшие чины государственной гражданской и военной службы, индивидуальные предприниматели, а также управленцы средних предприятий, однако их численность незначительна. Наибольшим по численности является базовый слой, составляющий большинство в российском обществе. В этот слой включены индивиды, которые обладают не самыми ценными профессиональными характеристиками

и достаточно ограниченными трудовыми возможностями: технический обслуживающий персонал, работники сферы торговли и сервиса, работники сферы ЖКХ, а также большинство работников сельского хозяйства. При этом представители базового и нижнего слоев дифференцированы по поведенческим моделям, ценностным установкам и социальному статусу. В состав нижнего слоя входят, прежде всего, те индивиды, чей доход крайне низок, а также имеющие среднее профессиональное образование, их деятельность сопряжена с физическим трудом низкой квалификации, или они вообще не имеют постоянной занятости.

Доминирующим фактором социального неравенства в современном российском обществе Т.И. Заславская считает обладание имуществом. Ее исследования показывают, что большинство населения имеет низкий имущественный статус, в то время как небольшая часть обладает основными имущественными ресурсами, поэтому социальное неравенство является характерной чертой современного российского общества. При этом текущий уровень доходов не позволяет проявить деловую активность трудоспособной части населения страны.

В целях исследования феномена социального неравенства Заславская считает необходимым применять специальную методологию, учитывающую неоднородность таких социальных образований, как классы, которые выделяются из структуры общества лишь по отношению к производству различных благ и выстроены вертикальной иерархии, несмотря на то, что представители одного того же класса различаются по социальному статусу.

В ходе анализа социальной структуры современного российского общества в целом, Заславская характеризует ее как неустойчивую разбалансированную, поскольку дифференциация верхних и нижних, слоев крайне высока, и массовый слой, в который входят базовый нижний, не только влачит жалкое существование, но и периодически, находится на грани выживания.

Исследуя современные концепции социального неравенства необходимо остановиться на взглядах Н.Е. Тихоновой на данную проблематику. Она также предлагает сравнить структуру и факторы социального неравенства «доперестроечного» и современного общества. Но отличительная особенность ее исследовательской концепции заключается во внесении в число факторов, влияющих на социальное неравенство глобальных экономико-финансовых процессов. Под факторами социального неравенства Тихонова понимает объективные особенности неравенства положения человека, такие как аскриптивные особенности, социально-профессиональные характеристики субъектов, которые влияют на их местоположение в иерархической структуре.

Тихонова считает, что все факторы социального неравенства можно сгруппировать в два крупных блока. Первый блок включает системные факторы, не зависящие от человека и связанные с местом проживания: регионами, областями, типами поселения; факторы определяющие личностные характеристики человека: пол, возраст, здоровье, то есть его аскриптивный статус. Второй включает факторы, которые определяют место человека в социально-профессиональной сфере: образование, собственное дело, профессиональный опыт, квалификация, форма собственности предприятия; факторы, которые объясняют процесс социализации человека и его ближайшее окружение: образование родителей, друзей и ближайшего окружения и т.д.; факторы, которые отображают социально-психологические особенности человека и его поведения: его интересы, уверенность в себе, мотивация [Тихонова Н.Е. 2020].

Проанализировав факторы социального неравенства, Тихонова выстраивает модель социальной структуры современного российского общества, которую составляют иерархически расположенные вертикальные слои, дифференцированные на основании их благосостояния. Она утверждает, что благополучные и бедные сформировали два самостоятельных антагонистично неравных социальных слоя, имеющих собственную субкультуру. Остальное население располагается между этими двумя слоями,

находясь в так называемом переходном состоянии [Тихонова Н.Е. 2019]. Все это обуславливает неустойчивость социальной структуры современного российского общества, и Тихонова не видит перспектив ее дальнейшего совершенствования и модернизации, так как считает исчерпанным адаптационный потенциал большинства населения.

Данный пессимистический настрой не разделяют ученые института социологии, которые также занимаются исследование социального неравенства. Для его изучения они предлагают использовать многомерный иерархический подход, разработанный З.Т. Голенковой и М.К. Горшковым [Горшков М.К. 2019, 2020]. В отличие от имеющихся концепций, которые обуславливали классовую структуру общества и в которых превалировал анализ объективных факторов социального неравенства и не учитывались субъективные, в их исследованиях самоидентификационные факторы значительно расширены и затрагивают не только профессиональный, но и материальный, потребительский, досуговый и коммуникативный факторы. Помимо оценки уровня благосостояния З.Т. Голенкова и М.К. Горшков предлагают исследовать и уровень *депривации*, то есть испытываемые ограничения и лишения в доступности к общественным благам. Исследования идентификационных процессов, оказывающих влияние на социальное неравенство в обществе, позволили выстроить сложную модель его классово-слоевой структуры. Именно данная модель была заложена в инструментарий авторского эмпирического исследования. В данном исследовании под социальным неравенством понимается специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, страты находятся на различных уровнях социального пространства и различаются по степени обладания общественными благами, уровнем профессиональных возможностей, характером и качеством удовлетворения общественных потребностей, а так же самоидентификацией.

В соответствии с вышеобозначенной концепцией объективными факторами социального неравенства являются изменения в структуре общества,

не зависящие от сознания человека. В то же время, необходимо учитывать и субъективный фактор социально неравенства, связанные с идентификационными процессами. Тем менее, имеющиеся исследовательские подходы к анализу социально неравенства не учитывают субъективные факторы, но это лишает исследователей возможности понимания видоизменения сложившей социальной системы, а также характера этих изменений. Это обуславливает актуальность использования многомерного иерархического подхода для исследования социального неравенства который, наряду с анализом материально-имущественных и социально-профессиональных критериев, использует также критерии самоидентификации. Согласно данному подходу, изучение социального неравенства населения является исследованием различных социальны групп на основе анализа их самоидентификации по отношению определенной социальной общности, а также их поведения в процессе группового взаимодействия.

§ 2. Экономическое неравенство, как вид социального неравенства

Изучение экономического неравенства, неравномерного распределения богатства и доходов в обществах, было центральной заботой экономической мысли на протяжении столетий. От ранних наблюдений классических экономистов до сложных моделей и эмпирического анализа современных ученых, эта область значительно развилась, отражая меняющиеся социальные, политические и экономические реалии. В этом историческом обзоре рассматриваются ключевые фигуры, концепции и дебаты, которые сформировали наше понимание экономического неравенства.

«К проблеме экономического неравенства обращалось большое количество выдающихся ученых и философов разных стран мира: А. Смит, Д. Рикардо, Д. Кейнс, К. Маркс, Й. Шумпетер, Д. Стиглиц и др.» [Филатов Д.А. 2023, с. 307].

Само возникновение неравенства можно проследить на самых ранних этапах развития человека, когда начали формироваться основы социальных

структур и иерархий. Даже в том, что мы обычно называем примитивными обществами, можно наблюдать явное неравенство в распределении ресурсов.

По мере того, как люди переходили от кочевого образа жизни к более оседлому, такому как сельское хозяйство, выращивание сельскохозяйственных культур и одомашнивание животных позволяло определенным группам или отдельным лицам накапливать излишки ресурсов. Эти излишки часто приводили к неравенству в богатстве, власти и статусе внутри этих ранних сообществ. Такие факторы, как доступ к плодородным землям, источникам воды и другим жизненно важным ресурсам, играли важную роль в определении того, кто процветал, а кто боролся.

В этих примитивных обществах, когда ресурсы были ограничены, они распределялись более справедливо между членами. Однако, как только появлялся избыток, человеческое поведение и общественная динамика начинали меняться. С накоплением излишков некоторые люди или семьи получали больше власти и влияния, что приводило к расслоению общества, основанному на богатстве и контроле над ресурсами. Этот неравный доступ к ресурсам часто создавал основу для социальных иерархий, где определенные люди становились лидерами или элитой, в то время как другие были низведены до подчиненных ролей.

Милтон Фридман утверждает, что с древности до наших дней в каждой стране правители обществ использовали создание денег для неофициального, быстрого и произвольного введения очень высоких налогов, тем самым увеличивая власть и богатство правителей в ущерб простым людям [Фридман М., 2006].

По мере того, как человеческая цивилизация проходила через различные этапы развития, наблюдался заметный рост производительности труда, которая относится к количеству товаров и услуг, произведенных на единицу трудозатрат. Этот рост производительности имел значительные последствия для распределения богатства и ресурсов в обществе. Одним из наиболее важных последствий стало сокращение минимальной доли общего дохода,

необходимой людям для удовлетворения основных жизненных потребностей, таких как еда, жилье и одежда. Поскольку достижения в области технологий, сельского хозяйства и промышленности позволили использовать более эффективные методы производства, для обеспечения выживания населения требовалось все меньше доходов.

В Средние века, которые охватывали примерно с V по конец XV века, уровень экономического неравенства претерпевал значительные колебания, на которые влияли различные факторы, включая географическое положение, политические структуры и социальные иерархии. В некоторых регионах небольшая элита контролировала огромные ресурсы, что приводило к резким контрастам между богатыми и бедными. Напротив, в других регионах могло наблюдаться более справедливое распределение богатства или периоды экономического роста, которые приносили пользу более широкому слою населения.

Более того, системы, управлявшие землевладением, торговлей и трудом в Средние века, способствовали этим различиям. Феодализм, например, создал иерархическую структуру, в которой лорды обладали значительной властью и богатством, в то время как крестьяне и крепостные часто сталкивались с суровыми условиями. И наоборот, рост городов и торговых сетей начал менять эту динамику, допуская новые формы экономической деятельности и социальной мобильности. Этот период был отмечен сложным взаимодействием культурных, экономических и политических сил, каждая из которых сыграла решающую роль в формировании ландшафта экономического неравенства в разных регионах и эпохах.

В XII, XIII и XIV веках господствующая в Европе идеология играла решающую роль в оправдании глубоко укоренившегося неравенства в обществе. Эта идеология особенно осуждала любое значительное повышение заработной платы, рассматривая такое повышение как прямое оскорбление устоявшегося феодального общественного порядка. Феодальная система характеризовалась жесткой иерархией, в которой каждый класс имел свою

определенную роль и обязанности, и любое нарушение этого порядка рассматривалось как угроза общественной стабильности.

Теолог Эгидий Римский, писавший в XIII веке, утверждал, что экономическое неравенство было не просто социальной конструкцией, а скорее естественным результатом присущей иерархии среди людей. Он считал, что все люди рождаются в разных социальных слоях, и, как таковые, их заработки должны соответствовать их положению и предполагаемым «социальным заслугам» в этой иерархии. По сути, Эгидий утверждал, что сама структура общества была предопределена Богом, и любая попытка изменить ее была бы равносильна действию против естественной гармонии, установленной Богом.

В рамках этой структуры рыцарство стало самым уважаемым классом, обладающим наибольшим богатством и честью. Рыцари не только рассматривались как защитники своих общин, готовые в любой момент взяться за оружие, но они также считались морально и физически превосходящими крестьян. Их готовность защищать королевство повышала их социальный статус и, как считалось, отражала более чистую, более благородную душу, что оправдывало их более высокое положение и большее материальное богатство.

Ригби отмечает, что на самом деле средневековые крестьяне постоянно бросали вызов неравному социальному порядку. Например, крестьяне иногда работали медленнее или грабили своих хозяев в качестве формы сопротивления иерархии [Rigby, Stephen H. 2015].

Позднее Средневековье и ранний Новый период (XV-XVIII вв.) стали свидетелями постепенного перехода от жестких социальных структур феодализма к более сложной и динамичной экономической среде. Несколько факторов способствовали этому переходу, включая рост торговли, возникновение торгового капитализма и возникновение национальных государств с централизованной властью.

Ренессанс принес значительные социально-экономические изменения между 14 и 17 веками. По мере расширения торговых путей и начала эпохи

исследований новые идеи начали распространяться среди интеллектуалов и торговцев.

Меркантилистская политика XVI-XVIII веков подчеркивала накопление богатства за счет торгового излишка и колониальной экспансии. Правительства поощряли монополии и устанавливали защитные тарифы для контроля над местными рынками, что усиливало неравенство, благоприятствуя определенным регионам или отраслям промышленности по сравнению с другими. Экономическая власть перешла от землевладельческой аристократии к торговой элите, что привело к перестройке общественных иерархий. Появление ранних капиталистических рынков способствовало накоплению капитала отдельными лицами и росту банковских учреждений. Инвестиции стали решающим фактором экономической деятельности, что привело к неравенству в доходах и богатстве среди различных социальных групп. Торговцы накапливали богатство, в то время как рабочие классы часто оставались в бедности, подпитывая растущую напряженность и социальные волнения.

Просвещение конца XVII и XVIII веков внесло критические мысли об экономике и обществе. Философы и экономисты начали изучать существующие неравенства и предлагать новые идеи.

Такие мыслители, как Адам Смит и Джон Локк, подвергали сомнению моральную основу экономического неравенства. «Исследование о природе и причинах богатства народов» Смита (1776) ознаменовало поворотный момент, предположив, что личный интерес и конкуренция могут направлять экономическое процветание, в то время как теории Локка о правах собственности заложили основу для современных представлений об экономическом индивидуализме. Идеалы Просвещения также стимулировали социальные движения, которые начали выступать за права бедных и трудящихся классов. Политические революции, в частности Американская революция (1775-1783) и Французская революция (1789-1799), бросили вызов существующим структурам власти и обратились к проблемам неравенства.

Однако впоследствии часто возникали новые формы неравенства, поскольку буржуазия заменяла аристократию в доминирующих социальных ролях.

Промышленная революция, начавшаяся в конце XVIII века и продолжавшаяся в XIX веке, стала важным поворотным моментом в истории экономического неравенства. Этот период привел к масштабным изменениям в методах производства и социальной организации.

Внедрение машин и фабрик централизовало производство, что привело к массовому перемещению сельского населения, которое стекалось в городские центры в поисках работы. Эти новые промышленные рабочие места часто предлагали низкую заработную плату и плохие условия труда. По мере процветания промышленности созданное богатство концентрировалось среди владельцев фабрик и инвесторов, что привело к ошеломляющему неравенству доходов.

«В XIX в. доходы руководителей бизнеса превышали доходы рабочих в 20 раз» [Луцкая Е.Е. 2019, с. 55].

В ответ на суровые реалии, с которыми сталкивались промышленные рабочие, во второй половине XIX века началось развитие рабочих движений. Эти движения стремились устранить экономическое неравенство посредством забастовок, протестов и создания профсоюзов. Одновременно правительства начали реагировать на социальные волнения, вызванные экономическим неравенством. Законодательные меры были направлены на улучшение условий труда, включая реформы образования, законы о детском труде и правила рабочего времени. Тем не менее, эти усилия часто были ограничены по масштабу и сдерживались сопротивлением промышленников, которые ставили прибыль выше социального обеспечения.

«С экономической точки зрения российское общество являлось бедным. Большая часть населения, занятая в аграрном секторе, являлась экономически несостоятельной. При технологической отсталости сельскохозяйственного производства, преобладании натурального хозяйства, традиционализме мировоззренческих установок крестьянства поднять уровень экономической

жизни населения представлялось достаточно проблематичным» [Женина Л.В. 2022, с. 160].

XIX век также ознаменовал пик европейской колониальной экспансии, создав экономическое неравенство не только внутри страны, но и в мире. Колониальные державы извлекали ресурсы из колонизированных стран, еще больше укрепляя экономическое неравенство на международном уровне. Модель, ориентированная на извлечение, углубила разрыв в уровне благосостояния между имперскими странами и их колониями, посеяв семена будущего экономического неравенства.

В XX веке произошли глубокие изменения в политических и экономических структурах обществ по всему миру. Эти преобразования часто сопровождались сдвигами в уровнях экономического неравенства, которые стали центральной проблемой для политиков, экономистов и социальных теоретиков. Этот анализ стремится очертить исторические предпосылки экономического неравенства, сосредоточившись на взаимодействии капитализма и социализма и исследуя расходящиеся пути, по которым идут экономики в рамках различных идеологических рамок.

Аналогичным образом, многие европейские страны приняли модели государства всеобщего благосостояния после Второй мировой войны, опираясь на прогрессивное налогообложение и политику перераспределения. Создание социал-демократической модели в таких странах, как Швеция и Дания, было основано на обязательстве минимизировать неравенство и обеспечить всеобщий доступ к основным услугам. Эти контрастные подходы к управлению экономическим неравенством сформировали послевоенный экономический порядок, характеризующийся относительно низким уровнем неравенства во многих развитых экономиках.

В резком контрасте с капиталистическими ответами на неравенство, Октябрьская революция 1917 года была направлена на полное искоренение экономического неравенства путем создания бесклассового общества. Первые годы после революции подчеркивали принципы общинной собственности и

перераспределения богатства. Однако централизация экономического планирования в СССР оказалась чревата противоречиями, что привело к появлению новых форм неравенства.

«Бюджетная система СССР состояла из бюджетов разных уровней. Единый государственный бюджет включал в себя бюджет союза, которым распоряжалось союзное правительство, и бюджеты союзных республик, находящиеся в распоряжении республиканских Советов Министров» [Баканов С.А. 2022, с. 155].

Несмотря на идеологическую приверженность искоренению неравенства, Советский Союз создал иерархическую структуру, характеризующуюся привилегированной элитой, номенклатурой, и широко распространенным неравенством в доступе к товарам и услугам.

«Именно от государства зависела доля продукта, которая могла оказаться в пользовании той или иной части общества. Причем пользование всегда оставалось ограниченным и кондициональным, то есть его возникновение и прекращение обуславливалось рядом условий (в праве частной собственности же «по умолчанию» интегрировались владение, пользование и распоряжение)» [Водичев Е.Г. 2022, с. 65].

Это неравенство сохранялось на протяжении всего его существования, что привело к ситуации, когда, несмотря на государственную собственность на средства производства, возникли значительные различия в уровне жизни

Более широкий социалистический лагерь, включая страны Восточной Европы, испытывал различные степени неравенства, основанные на местных контекстах и моделях управления. В то время как некоторые страны стремились улучшить справедливое распределение посредством государственной политики, другие столкнулись с коррупцией, неэффективностью и укреплением привилегий, которые подрывали первоначальные эгалитарные устремления социализма.

Нефтяные кризисы 1970-х годов привели к значительным экономическим потрясениям во всем мире, что привело к стагфляции во многих

капиталистических странах. В ответ на это неолиберальные идеологии, выступающие за дерегулирование, приватизацию и сокращение государственного вмешательства, набрали обороты.

«Если в первой половине XX века экономическое неравенство ещё можно было сдерживать вследствие фактического разрушения капитала, возникшего по причине двух мировых войн, то с 80-х годов XX века экономическое неравенство переросло в непрерывный механизм» [Гончарова Н.А. 2021, с. 109].

По мере того, как правительства поворачивались в сторону рыночных реформ, неравенство доходов снова начало значительно расти, особенно в США и Великобритании. Доля самых богатых в США резко восстановилась в 1980-х и 1990-х годах

«Существенные изменения в контексте социально-экономического неравенства произошли с начала 80-х гг. XX века как следствие неолиберальной глобализации и перехода глобальной экономической системы к постфордистскому режиму накопления капитала» [Буткалюк В.А. 2021, с. 67].

Распад Советского Союза в 1991 году стал переломным моментом в истории экономического неравенства. Переход от плановой экономики к рыночно-ориентированным системам в Восточной Европе и бывших советских республиках часто приводил к резкому росту неравенства. Приватизация государственных активов в сочетании с притоком иностранных инвестиций привели к появлению олигархов и концентрации богатства в руках немногих, часто за счет более широкого общественного благосостояния.

На рубеже тысячелетий наступил период колоссального экономического роста, во многом обусловленного технологическими достижениями и глобальной торговлей. Развитие Интернета, персональных компьютеров и мобильных устройств вызвало новую волну инноваций, способствуя росту новых отраслей и создавая беспрецедентные возможности для предпринимателей и инвесторов. Этот всплеск технологического прогресса также привел к изменению спроса на рабочую силу, поскольку автоматизация и

цифровизация начали менять рабочую силу. Хотя эти разработки открыли новые возможности для квалифицированных работников, они одновременно маргинализировали менее квалифицированных работников, способствуя появлению все большего разрыва между «имущими» и «неимущими».

«Новая экономика» начала 2000-х годов, характеризующаяся быстрыми технологическими инновациями и глобализацией, привела к резкому росту производительности, но также и к растущему неравенству в распределении доходов. Выгоды от экономического роста были непропорционально сконцентрированы в руках меньшей части населения, в первую очередь тех, у кого было высшее образование, специальные навыки и капиталовложения. Это явление было тесно связано с переходом к экономике, основанной на знаниях, где интеллектуальный капитал все больше ценился выше физического труда.

Глобализация сыграла значительную роль как в стимулировании экономического роста, так и в усугублении неравенства. Расширение международной торговли и инвестиций привело к аутсорсингу производства в страны с более низкой стоимостью рабочей силы, что привело к потере рабочих мест в развитых экономиках.

«Глобальное экономическое неравенство является ключевым фактором международных миграционных потоков. Соответственно, миграция из бедных стран в богатые более распространена, чем обратный процесс. Однако это не означает, что миллионы людей, страдающих от нищеты и политических режимов в своих странах, обязательно переселятся в более благополучные. Вопреки общепринятому мнению, мигранты – это не самые бедные люди из самых бедных стран» [Савина О.В. 2022, с. 26-27].

Хотя глобализация принесла пользу потребителям за счет снижения цен и увеличения разнообразия продукции, она также привела к усилению конкуренции за низкоквалифицированные рабочие места, способствуя стагнации заработной платы и неуверенности в рабочих местах для многих работников.

«Великая умеренность», период относительно низкой инфляции и стабильного экономического роста, наблюдавшийся во многих развитых странах в 1990-х и начале 2000-х годов, сопровождался финансовым ростом.

Это включало повышенное внимание к финансовым рынкам, сложным финансовым инструментам и спекулятивным инвестициям. Хотя эти действия способствовали краткосрочному экономическому росту, они также способствовали повышению финансового риска и нестабильности, что в конечном итоге привело к мировому финансовому кризису 2008 года. Этот эпизод выявил уязвимости финансовых систем, подчеркнув необходимость большего регулирования и надзора.

Глобальный финансовый кризис 2008 года, вызванный сочетанием факторов, включая слабое регулирование, субстандартные ипотечные кредиты и чрезмерное кредитное плечо в финансовых учреждениях, оказал глубокое влияние на мировую экономику. Кризис привел к значительному спаду экономической активности, серьезному сокращению кредитных рынков и широкомасштабной потере рабочих мест. Хотя мировая экономика в конечном итоге оправилась от финансового кризиса, в период после кризиса наблюдалось дальнейшее ускорение экономического неравенства, особенно в развитых странах.

Именно тогда началось широкое внедрение цифровых технологий. Это привело к появлению «экономики свободного заработка» – новой модели работы, характеризующейся краткосрочными, гибкими и независимыми контрактами, а не традиционной занятостью. Эта тенденция подпитывалась онлайн-платформами, которые связывают работников с задачами и клиентами, создавая новую экосистему для фриланс-работы и услуг по запросу. Хотя экономика свободного заработка предлагает гибкость и независимость для некоторых работников, она также вызывает опасения по поводу гарантий занятости, отсутствия льгот и потенциального снижения заработной платы.

Быстрое развитие искусственного интеллекта (ИИ) может автоматизировать многие задачи, которые в настоящее время выполняют люди,

что вызывает опасения по поводу широкомасштабного сокращения рабочих мест.

«В последние несколько лет Китай вкладывает значительные средства в преподавание и обучение с использованием ИИ; эта тенденция поддерживается технологическими гигантами, стартапами и компаниями, занимающими ведущие позиции в сфере образования» [Шишкова А.В. 2023, с. 110].

Хотя ожидается, что ИИ создаст новые возможности в таких областях, как анализ данных и разработка программного обеспечения, он также создает значительные проблемы для работников в традиционных секторах, таких как производство, транспорт и обслуживание клиентов. Будущее работы в экономике, основанной на ИИ, остается предметом интенсивных дискуссий и спекуляций.

«Каждый крупный экономический шок в XX в. приводил к появлению нового понимания сути экономических процессов и смене господствующей макроэкономической политики. Можно вспомнить, прежде всего, Великую депрессию 1930-х гг. и становление кейнсианства, кризис 1970-х гг. и растущее затем влияние монетаризма. В XXI в. эта тенденция прервалась. Формирование «нового неравенства» служит сегодняшним вызовом для развития макроэкономической политики» [Лукичѳв П.М. 2021, с. 385].

Таким образом, из истории можно прийти к следующему выводу – экономическое неравенство – *это сложное и многогранное явление, которое затрагивает не только экономические аспекты, но и социальные, политические и культурные.*

Однако в основе понимания этого понятия лежат именно экономические различия.

«Под *экономическим неравенством* понимают различия по показателям экономического благосостояния между отдельными лицами или группами лиц» [Дорофеев М.Л. 2020, с. 175].

В последние десятилетия проблема неравенства стала предметом активных исследований и обсуждений как в академических кругах, так и в

общественном сознании. Это связано с тем, что экономическое неравенство имеет значительное влияние на уровень жизни населения, доступ к ресурсам, социальную мобильность и стабильность общества в целом.

«Чем более развитым и глобализированным становится общество, тем в большей степени обостряются проблемы, связанные с безопасностью. При этом социальная безопасность рассматривается как основная характеристика экономической системы, определяющая ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности как отдельного гражданина, так и общества в целом» [Савина Т.Н., Родина Е.Е., Забелина С.А. 2022, с. 259].

Определение экономического неравенства может варьироваться в зависимости от контекста, но в общем смысле оно подразумевает различия в распределении доходов и богатства между отдельными индивидами, группами или регионами. Эти различия могут быть как абсолютными, так и относительными, и они могут проявляться в различных формах, включая различия в заработной плате, доступе к образованию, здравоохранению и другим жизненно важным ресурсам.

§ 3. Критерии измерения экономического неравенства

Экономическое неравенство можно рассматривать с разных точек зрения, включая теоретические, эмпирические и практические аспекты. С теоретической точки зрения, существует множество моделей и подходов, которые пытаются объяснить причины и последствия экономического неравенства. Одним из таких подходов является неоклассическая теория, которая акцентирует внимание на роли рынка и индивидуальных усилий в формировании доходов. Согласно этой теории, экономическое неравенство является естественным результатом различий в производительности труда, навыках и талантах. Однако критики этой теории указывают на то, что она игнорирует влияние структурных факторов, таких как доступ к образованию,

социальные сети и исторический контекст, которые также играют важную роль в формировании экономических возможностей.

С другой стороны, марксистская теория рассматривает экономическое неравенство как результат классовой борьбы и эксплуатации рабочего класса со стороны капиталистов. Согласно этой точке зрения, неравенство является неотъемлемой частью капиталистической системы, которая стремится максимизировать прибыль за счет минимизации затрат на труд. В этом контексте экономическое неравенство рассматривается как механизм, поддерживающий власть и привилегии определенных групп в обществе, что в свою очередь приводит к социальным конфликтам и нестабильности. Таким образом, марксистская теория подчеркивает необходимость изменения социальной и экономической структуры для достижения более справедливого распределения ресурсов.

Кроме того, важно учитывать влияние глобализации на экономическое неравенство. Глобализация открыла новые рынки и возможности для бизнеса, однако она также привела к углублению неравенства как внутри стран, так и между ними. Развитие технологий и увеличение мобильности капитала создали условия для того, чтобы богатые страны и крупные корпорации могли извлекать выгоду из дешевой рабочей силы в развивающихся странах. Это, в свою очередь, усугубляет неравенство, так как доходы и богатство концентрируются в руках небольшого числа людей, в то время как широкие массы остаются за бортом экономического роста.

«С каждым годом экономическое состояние каждой страны неизбежно меняется, вместе с ним меняется и величина экономического неравенства» [Евреева К.Р. Максимов В.А., Трофимова Г.А. 2020, с. 8].

Экономическое неравенство также имеет серьезные социальные последствия. Оно может привести к снижению уровня доверия между различными группами населения, росту социальной напряженности и конфликтов. Когда люди ощущают, что они лишены доступа к экономическим

возможностям и ресурсам, это может привести к чувству безысходности и отчуждению. На примере России это особенно видно.

«Проблема экономического неравенства в определенной степени обострилась в период пандемии 2020 г., что привлекло к ней еще больше внимания не только со стороны ученых, но и органов власти и управления на различных уровнях. Экономическое неравенство стало «тормозом» для социально-экономического прогресса всей страны на международной арене» [Гладкова Д.О. 2021, с. 407].

Социальные исследования показывают, что высокие уровни экономического неравенства связаны с увеличением преступности, ухудшением здоровья населения и снижением уровня образования. Таким образом, экономическое неравенство не только является экономической проблемой, но и серьезным вызовом для социальной стабильности и здоровья общества.

«Экономическое неравенство играет важную роль по целому ряду причин, влияя на широкий спектр социальной жизни и характеризуя состояние экономики. Высокий уровень экономического неравенства приводит к социальной напряженности, дискриминации и недовольству, что, в свою очередь, негативно сказывается на социальной стабильности» [Аслаханова С.А., Ханалиева А.А. 2024, с. 46].

Важным аспектом является также влияние государственной политики на экономическое неравенство. Налоги, социальные программы и регулирующие меры могут значительно повлиять на распределение доходов и богатства в обществе. Например, прогрессивное налогообложение, при котором более высокие доходы облагаются более высокими налогами, может способствовать уменьшению экономического неравенства. В то же время, сокращение социальных программ и мер поддержки для уязвимых групп населения может усугубить неравенство и увеличить разрыв между богатыми и бедными. Таким образом, государственная политика играет ключевую роль в формировании экономического неравенства и требует тщательного анализа и оценки.

«Внутристрановое экономическое неравенство начинает расти после того, как происходят технологические сдвиги в области управления человеческим капиталом, трудовыми ресурсами, навыками и компетенциями внутри отдельно взятой страны. Более образованные и квалифицированные граждане получают преимущества на внутреннем рынке труда, что приводит к росту поляризации доходов в стране» [Дорофеев М.Л. 2020, с. 99].

Следует также отметить, что экономическое неравенство не является статичным явлением. Оно подвержено изменениям в зависимости от экономических, социальных и политических условий. Например, экономические кризисы, такие как финансовый кризис 2008 года, могут привести к увеличению неравенства, так как наиболее уязвимые группы населения часто страдают больше всего в условиях экономической нестабильности. В то же время, периоды экономического роста могут способствовать сокращению неравенства, если они сопровождаются созданием рабочих мест и улучшением доступа к образованию и здравоохранению.

Экономическое неравенство неотделимо от других форм социального неравенства, таких как расовое неравенство, гендерное неравенство и кастовое неравенство. Эти взаимосвязанные системы усиливают друг друга, создавая сложную сеть неблагоприятных условий для определенных групп. Например, историческая и продолжающаяся дискриминация в отношении определенных расовых и этнических групп часто приводит к снижению уровня образования, ограничению возможностей трудоустройства и доступа к здравоохранению, что усугубляет их экономическое положение.

Экономическое неравенство измеряется не только разницей в доходах. Оно охватывает более широкий спектр факторов, включая:

Богатство: сюда входят такие активы, как недвижимость, акции и сбережения, отражающие более долгосрочное накопление ресурсов и власти.

Доход: относится к денежному потоку, полученному за определенный период, включая заработную плату и инвестиции.

Доступ к ресурсам: включает в себя такие основные услуги, как здравоохранение, образование, жилье и системы социальной защиты, которые имеют решающее значение для индивидуального благополучия и общественного прогресса.

Возможности: это означает наличие путей экономического роста, включая образование, профессиональную подготовку и доступ к капиталу или займам.

Неоклассическая экономическая теория, более современная школа мысли, признает потенциальную возможность сбоев на рынке, которые могут привести к неравенству. К таким недостаткам относятся:

Информационная асимметрия: неравный доступ к информации может поставить людей в невыгодное положение при обсуждении справедливой заработной платы и заключении выгодных сделок.

Рыночная власть: монополистические или олигополические компании могут использовать свое положение для установления цен и снижения заработной платы.

Внешние факторы: Негативные последствия экономической деятельности, такие как загрязнение окружающей среды или истощение ресурсов, могут оказывать непропорциональное воздействие на маргинализованные сообщества.

Неполные контракты: неспособность четко определить условия контрактов и обеспечить их соблюдение может привести к несправедливым последствиям, особенно для уязвимых работников.

Индекс Джини и другие индикаторы экономического неравенства

Важной проблемой оценки неравенства является выбор единицы измерения, которой может быть индивид, домашнее хозяйство или семья. Поскольку доход, как правило, распределяется внутри домашнего хозяйства или семьи, чаще всего для учета различий в доходах используется домашнее хозяйство, представляющее собой экономическую единицу, состоящую из одного или нескольких человек (не обязательно образующих семью), совместно

владельцев и распоряжающихся общим доходом и накопленным богатством. Как правило, разница в доходах между домохозяйствами ниже, чем между отдельными лицами. Это обусловлено, как правило, объединением доходов внутри домохозяйства и страхованием отдельных членов домохозяйства за счет общего дохода. При измерении неравенства доходов домашних хозяйств обычно учитывается тот факт, что более крупные домашние хозяйства сталкиваются с большими расходами, одновременно получая выгоду от экономии за счет масштаба потребления. Так, семейная пара может тратить на жилье, коммунальные услуги, одежду, еду и транспорт больше, чем один человек, но не обязательно вдвое больше. Поэтому в целях учета различий в размере и составе домашних хозяйств в официальной статистике уравнивается располагаемый доход или потребление. Для этого общий доход или потребление домохозяйства делится на число «эквивалентных взрослых» с использованием шкалы эквивалентности.

«Для выбора инструмента оценки экономического неравенства необходимо понимание того, какой аспект экономического неравенства должен быть измерен. Этот делается для того, чтобы определить, какие инструменты оценки экономического неравенства могут быть доступны государственным органам, принимающим решения в области политики доходов» [Антропов В.В. 2022, с. 24].

Данным статистики неравенства, получаемым из опросов домохозяйств и официальных (как правило, фискальных) источников, свойственны достоинства и недостатки. Несмотря на то, что опросы домохозяйств теоретически охватывают все когорты населения – от самых бедных до самых богатых, недостаток опросов домохозяйств заключается в том, что в них не обеспечивается включение в опрос респондентов на обоих концах распределения доходов. С одной стороны, очень бедные граждане не попадают в опросы не из-за отбора респондентов в опросах домохозяйства случайным образом, а по причине исключения из числа возможных респондентов заключенных в тюрьмах, студентов и рабочих, живущих в общежитиях.

С другой стороны, богатые люди обычно занижают свои доходы (особенно доходы от собственности), а иногда и вовсе отказываются от участия в опросах, что также наносит вред правдивости исследований. По некоторым оценкам, из-за подобных отказов от участия в опросах неравенство доходов в США может быть недооценено на 10%.

«Наиболее опробованным на сегодняшний день стал прогрессивный подоходный налог – на богатых ложится большая нагрузка, а в некоторых странах существует минимальный уровень дохода, не облагающийся налогом вовсе» [Романов И.В. 2019, с. 550].

Напротив, данные налоговых источников обычно включают богатые домохозяйства, платящие подоходные налоги. Как правило, таких домохозяйств много в богатых развитых странах, например в США, но мало в развивающихся государствах, таких как Индия. По этой причине налоговые источники сложно использовать для учета мирового распределения доходов. Еще одним недостатком статистики неравенства, получаемой из опросов домашних хозяйств, является тот, что регулярные опросы, как правило, проводятся только в богатых странах и государствах со средним доходом. Что же касается развивающихся стран и государств с формирующимися рынками, то в некоторых из них обследования домашних хозяйств начали проводиться совсем недавно.

Сегодня существует довольно большой спектр различных показателей, используемых для оценки степени неравенства. Наиболее распространенными из них являются индекс Джини (коэффициент Джини), индекс Тейла, коэффициент фондов, децильный коэффициент, коэффициент вариации и др.

«Децильный коэффициент (или коэффициент дифференциации доходов) представляет собой показатель социального расслоения населения и показывает, во сколько раз минимальный доход 10% самого богатого населения превышает максимальный доход 10% самого бедного населения» [Чернякова Ю.Д. Трофимова Г.А. 2020, с. 10].

Наиболее распространенным инструментом измерения неравенства в доходах является показатель, называемый коэффициентом или индексом Джини, разница между названиями которого заключается в выражении неравенства: в процентах или в дробных числах от нуля до единицы. Эти термины обычно используются как синонимы, только проценты одного показателя обозначаются как доли в дробных числах от нуля до единицы в другом показателе, например 43% равны 0,43. Значения индекса Джини соответствуют кривой Лоренца, которая используется для установления неравенства в распределении доходов и богатства.

«Кривая Лоренца – это графическая репрезентация распределения благ среди населения. Чем больше отклонение кривой Лоренца от линии абсолютного равенства, тем больше расслоение общества» [Коньчева Н.А. 2020, с. 282].

Она представляет собой совокупную долю дохода (ось Y), которая приходится на беднейшие $x\%$ населения, для всех возможных значений x . Линия в 45 градусов представляет собой линию равенства, когда доход распределяется поровну между всеми людьми. Если доход распределяется неравномерно, то нижние $x\%$ физических лиц зарабатывают менее $x\%$ от общего дохода в стране. В этом случае кривая Лоренца обычно лежит ниже 45-градусной линии. Чем дальше кривая Лоренца находится от линии равенства, тем более неравномерным является распределение доходов.

Коэффициент Джини определяется как площадь между кривой Лоренца и 45-градусной линией, деленная на общую площадь под 45-градусной линией. Этот индекс неравенства принимает значения от 0 (совершенное равенство) до 1 (когда один человек получает весь доход). Чем ниже значение коэффициента Джини, тем более равноправным является общество.

Страны со значениями коэффициента Джини выше 0,5 считаются очень неравноправными.

«Например, 0,41 (реальное значение индекса Джини в России в 2018 г.) указывает на то, что ожидаемая разница в доходах между двумя случайно

выбранными доходными парами составит 82% от среднего дохода» [Бикеева М.В. Моисеева И.В. 2019, с. 55].

В большинстве стран коэффициент Джини находится в диапазоне от 0,3 до 0,5.

«Фактически глобальный индекс Джини увеличился с 0,6 в 1820 г. до 0,72 в 1910 г., в 2000 г. составил 0,72 и в 2020 г. – 0,67. Каким бы ни был показатель, пик глобального неравенства был достигнут дважды: сначала примерно в 1910 г., а затем – в 1980–2000 гг., а основное снижение глобального неравенства произошло после финансового кризиса 2008 г» [Патрунина К.А. 2022, с. 88].

Индекс Джини имеет свои недостатки, в частности тот, что его нельзя получить для некоторой совокупности домохозяйств, суммируя все элементы этой совокупности. Также коэффициент Джини, рассчитанный для страны, не может быть пересчитан в индекс Джини для региона этой страны, как и в глобальный индекс Джини, хотя и существуют специальные методики пересчета. Несмотря на эти недостатки, индекс Джини благодаря своей простоте, включая его графическую интерпретацию с использованием кривых Лоренца, остается наиболее широко используемым показателем неравенства доходов.

В качестве альтернативы коэффициенту Джини широко используется коэффициент Пальмы как специфическая форма так называемого децильного коэффициента дисперсии. Коэффициент Пальмы определяется как соотношение доли ВВП, достающейся наиболее богатым 10% домохозяйств, к доле ВВП, приходящейся на нижние 40% домохозяйств. Коэффициент был предложен А. Коубэмом и Э. Самнером на основе работ чилийского экономиста Хосе Габриеля Пальмы. Это соотношение легко интерпретировать, выражая доход богатых как кратный доходу бедных. Коэффициент Пальмы представляет собой сравнительно новый измеритель неравенства доходов, лишенный известных недостатков индекса Джини, однако применяется пока достаточно редко.

«Еще один индекс, исследования эффективности которого еще продолжаются, это индекс Зенга. Ученые отмечают, что данный индекс более чувствителен к неравенству по сравнению с индексом Джини. Его показатель быстро повышается даже при незначительных отклонениях от линии идеального равенства, а когда происходит небольшое перераспределение доходов в пользу бедного населения, то индекс снижается медленно. Наиболее подходит с целью выявления уровня равномерности в распределении доходов населения в целом по какому-либо региону или стране. Однако, так же как и Джини, он сложен в интерпретации и требует показателей на уровне индивидов» [Соколова Е.Ю. 2023, с. 99].

Еще одним показателем, используемым для измерения неравенства доходов, служит коэффициент фондов или коэффициент дифференциации доходов, характеризующий степень социального расслоения общества. Представляя собой отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных, он характеризует степень расслоения общества и по рекомендациям ООН не должен превышать 8–10, иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами.

«В настоящее время в мире постепенно преодолевается устаревший подход, в соответствии с которым экономическое неравенство редуцируется до доходного неравенства. Исследователи, углубляя понимание экономического неравенства, анализируют многие формы его проявления. В частности, отталкиваясь от идей Дж. Ле Гранда, можно рассматривать пять видов неравенства: государственных расходов; конечного дохода; пользования; затрат и результатов» [Дроздов О.А. 2020, с. 332].

Несмотря на существование довольно большого числа различных показателей для измерения уровня неравенства доходов (здесь были рассмотрены далеко не все), индекс Джини сегодня является наиболее распространенным инструментом в данной области. Причиной этому является его универсальность. Несмотря на присущие ему недостатки, он постепенно

стал наиболее востребованным исследователями экономического неравенства, работы которых наиболее широко использовались другими авторами в данной сфере. Это привело к тому, что даже если авторы новых публикаций и не желали использовать индекс Джини, им приходилось к нему обращаться для того, чтобы результаты их исследований были сопоставимы с результатами, полученными ранее.

Выводы из главы I:

(1) Социальное неравенство представляет собой сложное явление, которое не ограничивается только материальными аспектами, такими как доходы и богатство, но также включает в себя социальные, культурные и образовательные факторы, влияющие на жизненные шансы индивидов и групп в обществе. Исследование социального неравенства требует применения различных методологических подходов, включая как количественные, так и качественные методы, что позволяет более полно охватить сложные динамики, влияющие на распределение ресурсов и возможностей в обществе.

(2) Ключевые определения: (а) экономическое неравенство – это различия по показателям экономического благосостояния между отдельными лицами или группами лиц; (б) Информационное неравенство – это неравенство в доступе к информации, в доступе к информационным благам.

(3) Существуют различные теоретические подходы и инструменты к изучению экономического неравенства, такие как: Индекс Джини, индекс Тейла, коэффициент фондов, децильный коэффициент, коэффициент вариации, коэффициент Пальмы.

(4) В XXI веке наблюдается неравномерная интеграция технологий, таких как компьютеры и интернет, в различные сферы жизни. Это создает новый вид социального неравенства – «информационное неравенство», так как доступ к современным технологиям варьируется в зависимости от региона и

финансовых возможностей населения. В частности, в России наблюдается значительное различие в доступе к интернету и компьютерным технологиям, что затрудняет равномерное развитие информационного общества.

Глава II. Теория цифрового блага

§ 1. Интеллектуальное благо, интеллектуальная собственность, интеллектуальный капитал

Первый вопрос, на котором нам здесь необходимо ответить, это вопрос, к какому виду ресурсов необходимо отнести цифровые блага – интеллектуальному или материальному (вещественному). Поскольку цифровое благо не осязаемо материально, не доступно нашим органам чувств, включая слух и зрение, то очевидно, оно попадает в разряд интеллектуальных благ (или, иначе, интеллектуальных ресурсов). «Интеллектуальное» – означает ментальное, интеллигибельное, спиритуалистическое, духовное, находящееся за пределами материи, вещества.

Следовательно, речь может идти только о чем-то *интеллектуальном*: собственности, ресурсе, благе и т.п. «Интеллектуальный капитал», «интеллектуальная собственность», «интеллектуальное благо», «интеллектуальный ресурс» и далее, и тому подобное. Можно поставить в корреляцию следующие понятия: «интеллектуальное благо и цифровое благо», «интеллектуальный ресурс и цифровой ресурс», «интеллектуальная собственность и цифровая собственность», «интеллектуальный капитал и цифровой капитал».

Но о как же в случае «цифрового двойника», «цифровой копии»? Мы утверждаем, что такая копия или двойник может существовать у любого предмета, включая материальный, вещественный объект. Любой объект можно оцифровать и сделать цифровым, *и это делает его лишь цифровым двойником и одновременно цифровым благом. Цифровой двойник – это виртуальный прототип вещественного объекта, в котором собирается и используется цифровая информация.*

Однако данная трансформация никак не ведет к превращению самого вещественного объекта в интеллектуальный объект. Физический,

вещественный объект продолжает существовать сам по себе, независимо от его цифровой копии, превращенной в цифровое благо. Вулкан где-нибудь на Камчатке или река в Сибири существуют сами по себе, независимо от их цифровых копий, превращенных в цифровые блага. Реально, даже, к примеру, пустить цифровые копии вулканов или рек в коммерческий оборот как цифровые блага, и торговать ими где-нибудь на экологическом рынке, но это вовсе не будет означать, что торгуете вы действительными вулканами или реками. Одно никак не следует из другого.

Итак, *всякое цифровое благо есть интеллектуальное благо*. Это первый важный тезис этой главы. Теперь следует проанализировать основные теоретические и социально-философские подходы, обосновывающие и концептуально описывающие понятия «интеллектуальное благо», «интеллектуальный ресурс», «интеллектуальный капитал» и «интеллектуальная собственность».

а) Интеллектуальное благо.

Концепт «благо» в философии означает определенную положительную ценность, предмет или явление, удовлетворяющее определенную человеческую потребность, отвечающую интересам и целям людей. Аналогичное значение, к примеру, имеет и английский концепт «good (goodness)». Согласно «Оксфордскому путеводителю по философии»:

«Благо есть специфическое качество тех вещей, что соответствуют человеческим интересам» [Т. Henderson 1995, с. 322].

Но помимо число философского значения, понятие «благо» в русском языке имеет и другие значения: *то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности (к примеру: материальные блага, земные блага)* [Ожегов С.И. 1991, с. 54]. Это, если так можно выразиться, повседневное, обыденное значение слова «благо» и именно его мы используем здесь.

Благо – определенная единица полезных вещей, товаров, которые можно накапливать.

И соответственно:

Интеллектуальное благо – определенная единица полезных вещей ментального, интеллектуального происхождения, которые можно накапливать.

Можно также переписать это определение с использованием термина «знания и информация» [Орехов А.М. 2009, с. 57]:

Интеллектуальное благо – определенная единица полезных человеку знаний и информации, которые он может накапливать.

Можно также соотнести термин «благо» с экономическим термином «ресурс (экономический ресурс)».

б) Интеллектуальный ресурс

Экономическая наука выделяет четыре основных вида ресурсов: а) земля (естественные ресурсы – пашни, воды, леса, недра и т.п.); б) капитал (инвестиционные ресурсы); в) труд (рабочая сила, по марксистской терминологии); г) предпринимательская способность. Что же касается самого понятия «экономический ресурс», то Макконнелл и Брю дают следующее определение:

«Что мы подразумеваем по понятием «экономические ресурсы»? В общем, мы имеем в виду все природные, людские и произведенные человеком ресурсы, что используются для производства товаров. Все это включает большой круг объектов: фабричные и сельскохозяйственные строения, всякого рода оборудование, инструменты, машины, используемые в производстве промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства; разнообразные средства транспорта и связи; бесчисленные виды труда; и, наконец, последнее, но не менее важное – землю и всевозможные полезные ископаемые» [Макконнелл К., Брю С., 1992 с. 37].

Если все эти четыре вида ресурсов попытаться классифицировать по типу «материальное – интеллектуальное», то в разряд интеллектуальных ресурсов можно зачислить *интеллектуальный труд, интеллектуальный капитал, интеллектуальную часть предпринимательской способности.* Взятые в совокупности, это все и образует «интеллектуальный (экономический) ресурс».

В дальнейшем, исходя из принципа простоты, мы будем употреблять концепты «интеллектуальное благо» и «интеллектуальный ресурс» в качестве тождественных между собой понятий, синонимов. Здесь есть только различие в акцентах: интеллектуальное благо более философское понятие, а интеллектуальный ресурс – более экономическое. В целом же, понятия «ресурс» и «благо» для нас полностью одинаковы по смыслу.

в) Интеллектуальный капитал

Здесь внимания заслуживают работы французского социолога Пьера Бурдьё, – и в частности, его теория капиталов. Бурдьё выделяет множество видов капиталов: культурный, экономический, бюрократический, социальный и т.п.

Самому же «капиталу» Бурдьё дает следующее определение:

«Капитал – это *накопленный труд*, идет ли речь о его материализованной или «инкорпорированной», телесной форме» [Бурдьё П. 2002, с. 517].

Аналогом понятия «интеллектуальный капитал» у Бурдьё служит понятие «культурного капитала». Французский исследователь проводит подробный, кропотливый анализ этого типа капитала. В частности, он отмечает, что культурный капитал имеет три состояния: (1) инкорпорированное, в форме длительных диспозиций ума и тела; (2) объективированное – в форме культурных товаров; (3) институализированное – т.е. в форме академических квалификаций [Бурдьё П. 2002, с. 521-527]. Бурдьё также детально обсуждает вопрос о стратегиях конвертации культурного капитала в другие типы капитала, и, в частности, конвертации в символический капитал. Символический капитал для него – это, так сказать, всеобщая форма обмена для всех капиталов:

«Символический капитал – форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные» [Бурдьё П. 1994, с. 188].

Но на пути комбинирования терминов «интеллектуальный (культурный) капитал» и «цифровой капитал» нас могут ожидать трудности. Необходимо вводить понятия «цифровой культурный капитал», «цифровой экономический капитал», «цифровой бюрократический капитал» (и т.п.), которые могут показаться излишне громоздкими и запутанными. Неясным также остается вопрос о единице измерения такого капитала: «большой капитал» следует дробить на более *мелкие* капиталы или еще на что-то другое? «Капиталы» образуются из *капиталов* или еще чего-то иного? Например, чуть выше французский социолог утверждает, что всякий капитал – это *накопленный труд*; следовательно, базовая единица для капитала – это труд? Капиталы следует сводить к «трудам» или иначе? По нашему мнению, вопрос здесь остается непроясненным и открытым для дальнейшего обсуждения.

г) Интеллектуальная собственность

Среди философов и теоретиков, разрабатывавших теорию интеллектуальной собственности, следует указать на английского экономиста К. Мэя, автора монографии «Глобальная политическая экономия интеллектуальных прав собственности: новое огораживание?» [May С.А. 2001], Е.В.Халипову [Халипова Е.В. 1995], И.А.Латыпова [Латыпов И.А. 2008], и наконец, социально-философскую концепцию А.М.Орехова, изложенную им в монографии «Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования», – на это подход мы и будем в дальнейшем опираться.

В частности, А.М.Орехов дает следующее нетривиальное определение интеллектуальной собственности:

«Интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество. Это владение, распоряжение и пользование всяким идеальным (интеллектуальным) объектом, оказавшимся в социальном поле тяготения человека» [Орехов А.М. 2009, с. 57].

Такое определение резко противоречит юридическому подходу к интеллектуальной собственности как совокупности авторского и патентного права, – на это А.М.Орехов также указывает. С его точки зрения, юридический подход выхватывает лишь некоторые *объективированные новооткрытые интеллектуальные объекты*, но никак не может быть распространен на общеизвестную интеллектуальную собственность, – хотя, по мнению А.М. Орехова, это также интеллектуальная собственность.

Подход, основанный на парадигме интеллектуальной собственности, разработанной А.М.Ореховым, и дополненный парадигмой интеллектуального (культурного) капитала П.Бурдые, представляется нам самым перспективным и концептуально обоснованным в теории цифрового блага, – но в случае, когда концепты «собственность» и «капитал» не так значимы для социально-философского и теоретического дискурса, мы будем употреблять более свободные в своей интерпретации концепты «интеллектуальное благо» и «интеллектуальный ресурс». Абсолютно похожий подход мы распространим и на теорию цифровых благ: понятия «цифровое благо» и «цифровой ресурс» интерпретируются нами в ней достаточно вольно, – в тех случаях, когда не имеет значения о чем идет речь, – о собственности или капитале, но концепты «цифровая (интеллектуальная) собственность» и «цифровой (интеллектуальный) капитал» имеют строгое и точное определение, и употребляются лишь в тех значениях, что заданы нами изначально.

§ 2. Цифровая и не-цифровая интеллектуальная собственность

Вероятно, следует предположить, что всю интеллектуальную собственность можно разделить на два вида: *цифровую* и *не-цифровую*. Если цифровая интеллектуальная собственность содержит в себе цифровые данные, то не-цифровая интеллектуальная собственность актуально их не содержит, хотя потенциально также может быть оцифрована. В случае «оцифровки» как раз и возникает то, что можно назвать «цифровым двойником» («цифровым

дубликатом») какого-либо объекта, но, – опять же, как мы указывали выше, – сам объект может быть как вещественным, так и интеллектуальным. Цифровизация интеллектуального объекта, в отличие от цифровизации вещественного объекта, – это как бы «цифровизация в квадрате», – поскольку любой интеллектуальный объект уже изначально может быть связан с какими-то цифровыми данными (к примеру, время создания этого объекта, возраст его творца и т.п.).

Цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, содержащее в себе цифровые данные.

Не-цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, которое не содержит в себе цифровых данных.

Аналогично можно определить понятие «цифровое интеллектуальное благо» («цифровой интеллектуальный ресурс»).

Цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку цифровых знаний и информации, которые он может накапливать.

Не-цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку знаний и информации, которые он может накапливать, но которые (пока) не конвертированы в цифровую форму.

И, наконец, еще одна типология: «цифровой интеллектуальный капитал» и «не-цифровой интеллектуальный капитал». Но здесь мы откажемся от определения такого капитала посредством «накопленного труда» и будем его определять классически – как *самовозрастающую стоимость*.

Цифровой интеллектуальный капитал – это цифровое интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью.

Не-цифровой интеллектуальный капитал – это интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью. Но такой вид капитала не содержит в себе цифровых данных.

В дальнейшем основным рабочим инструментом для автора работы станут четыре концепта: «цифровая интеллектуальная собственность», «цифровой интеллектуальный капитал», «цифровое интеллектуальное благо» и «цифровой интеллектуальный ресурс», а ради сокращения терминологии мы будем слово «интеллектуальный» элиминировать из определений и употреблять понятия: «цифровая собственность», «цифровое благо», «цифровой ресурс» и «цифровой капитал», – определение «интеллектуальный» здесь присутствует в неявном виде. Именно использование этих понятий, на наш взгляд, и поможет подобрать ключи к социально-философскому анализу проблемы цифровой справедливости и цифрового неравенства. А пока наше общее замечание сводится к тому, что цифровизация интеллектуальных объектов уже создало немалые проблемы в области авторского права [Перзановски А., Шульц Дж. 2019,] и при этом не слишком облегчило доступ одних пользователей к публикациям других пользователей (особенно это касается электронных и печатных книг, защищенных от свободного доступа правами издательств). Монополия в сфере юридической интеллектуальной собственности, ограничение прав отдельных категорий пользователей, замена бесплатного доступа коммерческим использованием, – все это характерные признаки цифрового общества. И опять же это требует обращения к проблеме цифрового неравенства (см. далее) – как неравенства в сфере распределения цифровых благ как специфических типов интеллектуальных благ.

Также следует указать на то, что всякий тип цифрового блага – цифровой ресурс, цифровая собственность, цифровой капитал являются основой функционирования цифровой экономики и цифровой цивилизации. В отношении этих понятий можно привести определения Л.С. Киселевой и А.А. Семеновой:

«Цифровая цивилизация – современный этап развития информационного общества, культуры, экономики, экономики, права и образования; цивилизация Интернета, базирующаяся на новейших цифровых технологиях Цифровая экономика – система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникативных технологий» [Киселева Л.С., Семенова А.А. 2023, с.27, 48].

§ 3. Основные типы цифровых благ

Типология цифровых (интеллектуальных) благ может быть выстроена по различным критериям.

Первый критерий – это природа объекта, который послужил основой для создания цифрового блага. В таком случае цифровое благо может быть либо «вещественным» (если оцифровке подвергнут материальный объект), либо «интеллектуальным» (если оцифровке подвергнут интеллектуальный объект).

Цифровое «вещественное» благо – цифровые знание и информация, снятые с материального объекта.

Цифровое «интеллектуальное» благо – цифровые знание и информация, снятые с интеллектуального объекта.

Второй критерий относится к иному способу существования цифрового блага: существует оно в голове субъекта или в объективированном виде – цифровой информации на любом материальном носителе.

Субъективированное цифровое благо – цифровое благо, существующее в голове субъекта.

Объективированное цифровое благо – цифровое благо, существующее совместно с материальным носителем.

Данный критерий имеет обоснование в двух фундаментальных процессах знания – субъективации и объективации:

«Объективация знания – это процесс превращения знания, изначально находящегося в голове человека и представляющее собой «субъективную реальность», принадлежащую исключительно субъекту, индивиду, в реальность «объективную», сливающуюся с определенным материальным носителем (звук, бумага и т.п.). Субъективация – это переход знания из «свободного» («объективированного»), не связанного с субъектом, состояния в состояние, тесно с ним связанное («субъектное»)» [Орехов А.М. 2009, с. 60-61].

Третий критерий – новизна цифрового блага, или то, что А.М. Орехов называет «новооткрытостью».

Общеизвестное цифровое благо – цифровые знания, известные всем людям, или, хотя бы, их большинству.

Новооткрытое цифровое благо – цифровые знания, известные на данный момент времени только одному субъекту, – тому самому, кто их сгенерировал, открыл.

Четвертый критерий – специфичность цифрового блага: здесь его можно поделить на общее и специфическое цифровое благо.

Общее цифровое благо – цифровые знания, применимые везде и всюду; обычно они приобретаются людьми в процессе начального и среднего образования.

Специфическое цифровое благо – цифровые знания, применимые в какой-то конкретной области профессиональной деятельности; обычно они приобретаются людьми в процессе высшего образования, и образования, связанного с получением ученых степеней.

Понятие «специфического цифрового блага» может в дальнейшем вывести нас на понятие «профессионального цифрового блага».

Профессиональное цифровое благо – цифровые знания, применимые в какой-то конкретной области профессиональной деятельности. Здесь можно ставить проблему «научного цифрового блага», «цифрового блага преподавателя», «цифрового блага юриста» и т.п.

§ 4. Проблема соизмеримости цифровых благ

Проблема соизмеримости – это проблема, которая решает вопрос об *измерении цифровых благ*, о соотношении между собой как однокачественных (гомогенных), так и разнокачественных (гетерогенных) цифровых благ, и которая, в конечном счете, нас выводит на проблему цифровой справедливости и цифрового неравенства.

Такая проблема может быть рассмотрена на двух уровнях – эмпирическом (феноменологическом) и теоретическом (эссенциальном). Вспомним для начала фундаментальный труд Карла Маркса – «Капитал».

Процитируем для начала Марка Блауга:

«Уловка, которая делает марксистскую политическую экономию столь привлекательной, если воспринимать ее некритически, заключается в применении двухэтажного доказательства: сейчас вы это видите, а сейчас – нет. Есть первый этаж здания, а именно видимый мир цен, ставок заработной платы и нормы прибыли, и есть подвальный этаж этого здания – ненаблюдаемый мир трудовой ценности и прибавочной ценности. Дело не только в том, что первый этаж наблюдаем, а подвальный этаж ненаблюдаем; экономические агенты, которые находятся на первом этаже, ничего не знают о том мире, который расположен под ними в подвале. Прием, которым пользуется Маркс, направлен на то, чтобы переместить подвальный этаж на первый, а первый этаж – на второй, искусно намекая на то, что в определенном смысле первый этаж более реален, чем второй, и что подлинный критерий науки – это под покровом видимой мотивации рабочих и капиталистов на втором этаже пробиться к «сущности» дела на первом этаже. Это не что иное, как искусное жонглерство,

посредством которого оказалось одураченным не одно поколение читателей» [Блауг М. 1994, с. 265].

В этом примере представлены два уровня решения проблемы «стоимость – цена»: теоретический (эссенциалистский) – «стоимость» у Маркса и эмпирический (феноменологический) – «цена», – подход современной экономической науки.

Эмпирический уровень и теоретический уровень – это два принципиально разных уровня решения проблемы соизмеримости цифровых благ. На эмпирическом уровне проблема может решаться в большей степени интуитивно, чем научно, и, тем не менее, измерять здесь также можно. К примеру, достаточно взять три простых кейса:

- (1) Объем траффика;
- (2) Количество компьютеров в пользовании;
- (3) Наличие или отсутствие wi-fi.

Например, возьмем двух пользователей – пользователя *X* и пользователя *Y*. У пользователя *X* объем траффика 4 Гб в сутки, у пользователя *Y* 2 Гб в сутки. Очевидно, что пользователь *X* получает больше цифровых благ, чем пользователь *Y*.

У пользователя *X* в наличии два компьютера, а у пользователя *Y* – только один. Очевидно, что пользователь *X* получает больше цифровых благ, чем пользователь *Y*.

У пользователя *X* в его офисе есть wi-fi, а у пользователя *Y* он отсутствует. Очевидно, что пользователь *X* получает больше цифровых благ, чем пользователь *Y*.

Но это совсем элементарные ситуации. А что, если у пользователя *X* траффик больше и один компьютер, а у пользователя *Y* траффик меньше, зато два компьютера, а не один? Как приравнять объем траффика к числу компьютеров? Такие ситуации на эмпирическом уровне с трудом поддаются всякой соизмеримости.

Потому кардинальное решение можно найти лишь на теоретическом, социально-философском уровне. Мы предлагаем здесь ввести очень важную единицу – ЕЦБ – единицу измерения цифровых благ.

ЕЦБ – это единица измерения цифровых благ, которая позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

ЕЦБ – это чисто условная теоретическая единица, и принцип здесь следующий: две такие единицы всегда больше, чем одна, и три всегда больше, чем одна или две.

Можно предложить различные схемы исчисления ЕЦБ.

Например, 1 ЕЦБ = 1 компьютер = 2 Гб траффика в сутки. В таком случае, 2 компьютера = 4 Гб; 3 компьютера = 6 Гб и т.д. Если мы имеем две страны – страна А и страна Б, и если знаем (примерное) число компьютеров в этих странах и примерный объем траффика в каждой.

Страна А – 1000000 компьютеров и 2000000 Гб траффика в сутки. В итоге 2000000 ЕЦБ.

Страна Б – 500000 компьютеров и 4000000 Гб траффика в сутки. В итоге 2500000 ЕЦБ.

Следовательно, в наших условных единицах (ЕЦБ) страна Б имеет больше цифровых благ, чем страна А. Естественно, можно и изменить значение ЕЦБ, но важно подчеркнуть, что для разработки показателей ЕЦБ нужно привлекать не только экономистов или чисто технических специалистов, но и представителей социально-гуманитарных наук – социологов, философов, юристов. Только тогда индикатор ЕЦБ станет тем действительным показателем, что будет отражать реальную жизнь цифрового общества.

Для измерения внутренних параметров цифрового неравенства возможно и даже желательно использовать косвенные индикаторы, к примеру, уже упоминавшуюся нами в главе I *кривую Лоренца*.

Для построения этой кривой прокладываются две координаты – по оси абсцисс – доля семей или доля индивидов, по оси ординат – доля дохода. Полное равенство – биссектриса между двумя осями. В случае неравенства кривая становится выпуклой вниз, к оси абсцисс, и чем больше такая выпуклость, тем больше неравенство:

«Область между линией, обозначающей абсолютное равенство, и кривой Лоренца указывает на степень неравенства доходов. Чем больше эта область, или разрыв, тем больше степень неравенства доходов. Если бы фактическое распределение доходов было абсолютно равным, то кривая Лоренца и биссектриса совпали и разрыв исчез. ... Кривую Лоренца можно использовать, чтобы сравнивать распределение доходов в различные периоды времени, или в различных странах, или между различными [социальными] группами, принимая во внимание доходы до и после вычета налогов и трансферные платежи» [Макконнелл К., Брю С. 1992, с. 278].

Мы полагаем, что кривая Лоренца также может быть использована и для решения проблемы соизмеримости цифровых благ, но, опять же, важно иметь реально действующий индикатор ЕЦБ. Возможно, также можно идти и по пути наименьшего сопротивления, – например, все показатели (цена компьютера, объем трафика и т.п.) исчислять в имеющихся ценах, но при этом, мы теряем значительную долю некоммерческого сектора цифровых благ, а это будет искажать реальные показатели цифрового неравенства.

§ 5. Присвоение, обмен, распределение и потребление цифровых благ

Для решения всех этих проблем мы будем использовать труды А.М.Орехова и П.Бурдые. Начнем с теории капитала французского социолога, поскольку она позволяет ввести ряд важных понятий – «цифровой габитус», «цифровое поле как поле обращения цифрового капитала», «цифровая социальная практика», «цифровое пространство», «цифровое общество».

У П.Бурдьё можно найти следующее определение габитуса:

«Габитус – это социализированная объективность, историческое трансцендентальное, чьи категории восприятия и оценки (система предпочтений) суть продукт коллективной и индивидуальной истории» [Бурдьё П. 2005, с. 159].

Но это определение можно слегка упростить:

Габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный социальный мир и вступающий во взаимодействие с этим миром; он является продуктом коллективной и индивидуальной истории.

Аналогично – «цифровой габитус»:

Цифровой габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный цифровой мир и вступающий во взаимодействие с этим миром, и который является продуктом коллективной и индивидуальной цифровой истории.

Понятие «цифровая история» означает здесь историю цифрового общества и цифровой цивилизации, – от начала ее возникновения (первые ЭВМ 40-50х гг. XX вв.) вплоть со современного ее этапа. Как видно, история цифрового общества насчитывает уже более 80 лет.

Продолжая дальше переформатировать теорию Бурдьё, введем понятие «цифрового капитала». Впрочем, мы уже его ввели ранее, и остается лишь увязать это понятие с понятием «цифровой габитус».

Цифровой габитус – это габитус с определенным запасом цифровых благ, которые можно представить либо как цифровой капитал, либо как цифровую собственность. Иначе: цифровой габитус – актер, обладающий определенным запасом цифровой собственности. Или: цифровой габитус – актер, обладающий определенным запасом цифрового капитала.

Наличие запаса цифрового капитала или цифровой собственности позволяет цифровому габитусу занимать в обществе определенную социальную позицию, иметь определенный ранг или статус. Также, – мы не будем детально

останавливаться на этом пункте, – существует возможность *конвертации цифрового капитала в другие виды капитала*: экономический капитал, бюрократический капитал, социальный капитал и т.п. Например, бесплатную раздачу wi-fi своим друзьям и знакомым можно интерпретировать как превращение цифрового капитала в социальный капитал. Другой случай: криптовалюта – игру на крипто-бирже можно трактовать как конвертацию цифрового капитала в экономический (финансовый) капитал.

Также не следует забывать о возможной конвертации *цифрового капитала в другую форму интеллектуального капитала – капитала нецифрового характера*. Например, это может быть покупка на криптовалюту любых нецифровых интеллектуальных благ – книг, картин, иных произведений искусства. В итоге вы тратите цифровые блага и взамен приобретаете нецифровые блага.

Следующий элемент социальной концепции П.Бурдьё – «поле» – структурирует деятельность габитуса и превращает саму эту деятельность в вид социальной «практики».

Приведем два определения полей из работ французского ученого:

Первое определение – определение «научного поля»:

«Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на *научный авторитет*, определяемый как техническая способность и, – одновременно, – как социальная власть или, если угодно, монополия на *научную компетенцию*, понимаемая как социально признанная за определенным индивидом способно легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [Бурдьё П. 2005, с. 16].

Второе определение – это определение «юридического поля»:

«Юридическое поле представляет собой место конкуренции за монополию на право устанавливать право, иначе говоря – нормальное

распределение или порядок, в котором сталкиваются агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся, главным образом, в социально признанной способности *интерпретировать* (более-менее вольным или установленным образом) свод текстов, закрепляющих легитимное, т.е. правильное видение мира» [Бурдьё П. 2005, с. 78].

И снова по аналогии можно выстроить определение «цифрового поля»:

Цифровое поле – это система взаимодействий между цифровыми габитусами, где главной целью является увеличение своего цифрового капитала (или даже установлении монополии на него), которое также включает в себя всякую возможность присвоения, обмена и потребления цифровых благ.

Цифровое поле имеет двойной статус: с одной стороны, это поле интеллектуального (культурного) капитала, где происходит обмен и борьба за присвоение цифровых благ, где каждый габитус стремится нарастить объем своего цифрового интеллектуального капитала. Но есть и другая сторона медали: цифровое поле – это поле, в которое могут конвертироваться другие поля: поле социальных капиталов, поле бюрократических капиталов, поле научных капиталов. В этом аспекте цифровое поле – один из вариантов символического поля, – поле, где обращается символический капитал.

Цифровая социальная практика и цифровое пространство.

Согласно Бурдьё, социальная практика является объективным результатом взаимодействия различных типов полей в обществе. Следовательно, цифровая социальная практика – это результат взаимодействия цифрового поля с другими типами полей. Когда же практики пересекаются между собой, они образуют «цифровое пространство» – совокупность множества человеческих практик, включая цифровые практики. А вот уже совокупность цифровых пространств конструирует «цифровое общество».

Цифровое общество – это совокупность цифровых пространств социума, насыщенных цифровыми практиками, которые, в свою очередь,

являются пересечением различных цифровых полей, где между собой взаимодействуют габитусы с их цифровыми капиталами.

Цифровое общество не следует трактовать как некое беспроблемное общество, где царствует идиллия цифровых капиталов и цифровых габитусов. Нет, современное цифровое общество – это версия компьютерного (когнитивного) капитализма со всеми его социальными проблемами и издержками:

«Человек из актора становится компактантом (compactant) – отчужденным субъектом компьютерного капитализма. Перспектива критического анализа такого капитализма и сопротивления ему связана с тем, что цифровое внутренне противоречиво. В нем есть поверхностные слои символического, абстрактного. На них сфокусировано внимание. Но есть и фундаментальные слои аналогового, материального – кремниевый субстрат, физическая реальность цифровых устройств и их производства, телесная и ментальная реальность разработчиков, пользователей. Чувственная сторона цифрового должна стать основой постцифровой эстетики как теории и практики выхода за пределы одномерного поверхностного слоя цифрового» [Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. 2023, с. 16-29].

Теперь обратимся к социально-философской теории интеллектуальной собственности А.М. Орехова – она, в частности, нам поможет детально рассмотреть проблему присвоения и обмена цифровых благ.

С точки зрения российского ученого, присвоение знания кардинально отличается от присвоения вещественных объектов. Во-первых, если вещественным объектом индивид *овладевает*, то знание он *познает*; во-вторых, если вещественный объект передается «без оставления», то в случае передачи знания или интеллектуальной собственности действует принцип «передача с оставлением», в-третьих, всегда легко подменить владение знанием от его создателя обычным «владением» или «присвоением», и наконец, в-четвертых, в случае передачи знания невозможна его «реверсия», т.е. возврат, а в отношении вещественного объекта это как раз возможно.

В отношении проблемы приоритета А.М.Орехов указывает:

«В случае если объективация знания проведена аморфно, размыто, тогда возникает вероятность подмены реальной (истинной) временной метки эйдоса на фиктивную, вымышленную. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось, *пользователь знания* (например, индивид Петров, которому индивид Иванов раскрыл свою идею) может объявить себя *владельцем знания* и при этом еще «приклеить» к данному знанию фиктивную временную метку. Способ разоблачения мошенничества здесь один: используя любые артефакты и свидетельства, показать, что знание у индивида Иванова появилось *раньше*, чем у индивида Петрова – только тогда Иванов будет признан *истинным собственником* этого знания. Можно сказать проще: приоритет в присвоении интеллектуальной собственности – это всегда *время*, и чем точнее и определеннее это время устанавливается, тем лучше как для каждого конкретного индивида, так и для всего института интеллектуальной собственности» [Орехов А.М. 2009, с. 71-72].

Абсолютно все те принципы, как мы полагаем, можно распространить и на теорию цифровых благ:

- (1) *Индивид овладевает цифровым благом через его познание, это овладение посредством познания, узнавания;*
- (2) *Цифровое благо передается другому индивиду «с оставлением своей копии»;*
- (3) *Отличить автора-генератора цифрового блага от его пользователя можно лишь путем установления временной метки; если такую временную метку нельзя обозначить, то отличить автора-создателя цифрового блага от пользователя никоим образом нельзя.*
- (4) *В случае цифрового блага процесс «реверсии», т.е. возвращения цифрового блага его создателю-владельцу невозможен [Орехов А.М. 2009, с. 68-73.].*

Исходя из позиции российского автора, также важно научиться распознавать три основных способа передачи цифровых благ: а) посредством традиции; б) посредством морали; в) посредством правовых норм.

Например, *некоммерческая (бесплатная) раздача цифровых благ в большинстве случаев осуществляется через институты традиции и морали. Например, «я раздаю бесплатно кому-то разработанную мной программу, потому что полагаю, что творю тем самым добро людям» (мораль) или потому что так принято, так делают другие мои коллеги (традиция)*

А вот коммерческий оборот цифровых благ в основном связан с регулированием их движения посредством права – в первую очередь, авторского и патентного права. Например, первое из них:

«Права авторских прав – это четко сформулированная совокупность отдельных прав: право воспроизводить, право распространять, право публично показывать и исполнять, и право на разного рода адаптации произведения. И каждое из этих прав делится по времени, территории, носителю и любому другому определению, которое только может представить правообладатель» [Перзановски А., Шульц Дж. 2019, с. 44].

Также следует указать на то, что период существования цифровых благ может значительно превышать срок жизни их владельца или пользователя. Владелец или пользователь умирает, но его «следы» и «останки» в Интернете остаются, – вот почему многие исследователи обсуждают вопрос о «цифровых останках» или даже о «цифровой загробной жизни» в Интернете [Киселева Л.С., Семенова А.А. 2023].

Основные выводы из главы II:

(1) Цифровое благо не осязаемо материально, не доступно нашим органам чувств, включая слух и зрение, то очевидно, оно попадает в разряд интеллектуальных благ (или, иначе, интеллектуальных ресурсов).

(2) Ключевые определения: (а) цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, содержащее в себе цифровые данные; (б) цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку цифровых знаний и информации, которые он может накапливать; (в) цифровой интеллектуальный капитал – это цифровое интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью.

(3) Возможны различные классификации цифровых благ, – например, их можно делить на цифровое «вещественное» благо и цифровое «интеллектуальное» благо, субъективированное и объективированное цифровое благо, общеизвестное и новооткрытое интеллектуальное благо и т.п.

(4) Проблему соизмеримости цифровых благ можно решать посредством введения индикатор ЕЦБ. ЕЦБ – это единица измерения цифровых благ, которая позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

(5) Исходя из теории П.Бурдьё, можно ввести понятия «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества».

Цифровой габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный цифровой мир и вступающий во взаимодействие с этим миром, и который является продуктом коллективной и индивидуальной цифровой истории. Цифровое поле – это система взаимодействий между цифровыми габитусами, где главной целью является увеличение своего цифрового капитала (или даже установлении монополии на него), которое также включает в себя всякую возможность присвоения, обмена и потребления цифровых благ. Цифровое общество – это совокупность цифровых пространств социума,

насыщенных цифровыми практиками, которые, в свою очередь, являются пересечением различных цифровых полей, где между собой взаимодействуют габитусы с их цифровыми капиталами.

Исходя из социально-философской теории интеллектуальной собственности А.М.Орехова, можно утверждать: (а) индивид овладевает цифровым благом через его познание, это овладение посредством познания, узнавания; (б) цифровое благо передается другому индивиду «с оставлением своей копии»; (в) отличить автора-генератора цифрового блага от его пользователя можно лишь путем установления временной метки; если такую временную метку нельзя обозначить, то отличить автора-создателя цифрового блага от пользователя никак образом нельзя; (г) в случае цифрового блага процесс «реверсии», т.е. возвращения цифрового блага его создателю-владельцу.

Глава III. Цифровое неравенство

§ 1. Цифровое неравенство и цифровая справедливость

В самом общем виде цифровое неравенство можно определить *ситуацию неравных возможностей у различных социальных групп и отдельных индивидов в доступе к цифровым благам: например, одни социальные группы имеют больше таких возможностей и больше цифровых благ, другие имеют их меньше.*

Цифровое неравенство – это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета».

Проблема «цифрового неравенства» уже не раз ставилась социологами и экономистами, – например, в отношении вопроса о различии в возможностях доступа к цифровым благам в сравнении между российскими регионами:

«В результате сопоставления цифрового и социально-экономического развития было выявлено, что цифровое неравенство оказывает влияние на социально-экономическое развитие регионов» [Меликян А.А. 2023, с. 61].

Далее проясняется, что при анализе источников экономического роста в различных регионах необходимо учитывать цифровое неравенство и предпринимать соответствующие меры для улучшения показателей социально-экономического развития.

Проблема цифрового неравенства актуальна и для таких специфических областей, как цифровая биоэтика. Например, Е.В. Брызгалина указывает на этот счет:

«Цифровая биоэтика может предложить эмпирические знания как своего рода поддержку нормативных соображений или управленческих решений» [Орехов А.М., Чубаров Н.А. 2024, с. 264].

Если уточнять, на основе конкретных данных, эта методика позволяет детально проанализировать применение биоэтических норм в специфических сферах деятельности и общения.

Правда, возникает резонный вопрос: кто будет формировать эти «нормативные соображения» или «управленческие решения» в условиях реального цифрового неравенства? И не приводит оно еще к большему неравенству и к еще большей несправедливости в распределении цифровых благ?

Концепт «цифровая справедливость» еще мало задействован социальными учеными, но его можно считать гипотетическим развитием, например, такого понятия как «цифровое благополучие», – под которым, вероятно следует полагать удовлетворенность, которую испытывает социальная группа или конкретный человек в отношении объема (количества) и качества получаемых ими цифровых благ:

«К значимым универсальным критериям уровня антропологической адекватности относится чувство *цифрового благополучия*» [Асеева И.А. 2022, с. 158].

Подробнее, на современном этапе развития общества существует понятие, которое может быть присущим или отсутствовать у человека в качестве его членства в обществе: это уровень цифровой грамотности, который обеспечивает возможность удовлетворения потребностей в Интернете; также необходимость наличия соответствующих технических возможностей для удовлетворения запросов пользователей.

«Влияние цифрового неравенства неотделимо от растущего социального неравенства, поскольку подавляющее большинство населения, поденщики и путники, по большей части бессильны перед широко распространенным всплеском цифровой трансформации. У этих людей нет другого выбора, кроме как принять свой неблагоприятный статус в гонке имущих и неимущих, в то время как первые становятся более богатыми в результате расширения прав и

возможностей, ставшего возможным благодаря технологическим триумфам» [Imran A. 2023, с. 2].

В частности, особенно остро перед развитыми обществами встала проблема растущей пропасти между обеспеченными и обездоленными слоями населения и сопутствующего сокращения и обеднения среднего класса, начавшегося в первые годы второго тысячелетия. Это ведет к постоянному росту неравенству в различных сферах, включая образование, здравоохранение, культуру и досуг. Одновременно с обострением экологического кризиса пропасть неравенства все больше расширяется в важнейшей сфере, имеющей огромное значение для человека в современную эпоху: доступ к благоприятной окружающей среде.

«Можно предположить, что в случае виртуального выражения экологических конфликтов проявляется цифровое неравенство регионов» [Гольбрайх В.Б. 2019, с. 76].

В этой сфере наметился заметный раскол, разделивший общество на изолированную, замкнутую в себе элиту и остальную часть населения. Этот растущий раскол не только усугубляет социально-экономическое неравенство, но и подчеркивает неотложность решения многогранных проблем, порождаемых сложной экологической ситуацией.

«Более того, хотя многие исследования были сосредоточены на так называемом цифровом разрыве (неравенстве в доступе к технологиям, необходимым для образовательного и профессионального успеха между сообществами с низкими и высокими доходами, существует другой вид цифрового разрыва – назовем его *разрывом в использовании цифровых технологий* – когда подростки в сообществах с низкими доходами проводят за экранами почти на два часа больше в день, чем подростки в более богатых сообществах. Хотя важно обеспечить, чтобы дети из сообществ с низкими доходами имели доступ к ресурсам, необходимым для образовательного и профессионального успеха, понимание разницы в использовании цифровых

технологий приобретает дополнительную важность, учитывая потенциальную возможность развития зависимости» [Bhargava V.R., Velasquez M., с. 23].

Как известно, проблема равенства (неравенства) и проблема справедливости связаны между собой, так сказать, *диалектически*: справедливость может состоять и в равенстве, и в неравенстве, и свою очередь, состояние равенства может быть как справедливым, так и несправедливым. Потому авторы статьи ограничатся лишь констатацией следующего положения: проблема цифрового равенства (неравенства) автоматически выводит нас на проблему цифровой справедливости, под которой следует, вероятно, понимать ситуацию правильного соотношения должного и сущего в сфере распределения цифровых благ. *Перифразируя Платона и Ролза, можно заявить, что цифровая справедливость – это когда в условиях честного равенства возможностей каждый индивид получает количество цифровых благ, соответствующее его заработку; в случае ущемления политических и социально-экономических прав относительно этих благ предусмотрена компенсация.*

Наконец, осталось разобраться еще с одним важным вопросом: что есть цифровое благо? Ведь если мы не поймем, что оно представляет в своей сущности, наше обсуждение проблемы цифрового неравенства и цифровой справедливости будет востребованным лишь на «газетном уровне», уровне common sense, здравого смысла.

Цифровое неравенство – это неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним. Цифровая справедливость – это правильное соотношение должного с сущим в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности.

В отношении проблемы «цифрового неравенства» важно видеть два уровня ее анализа:

(1) цифровое неравенство как нарушение универсальных принципов свободы, справедливости и демократии;

(2) цифровое неравенство как нарушение права каждого человека и социальной группы в рамках национального государства.

Первый уровень цифрового неравенства достаточно очевиден и уже стал предметом рассмотрения в трудах многих исследователей, – самым известным из них, вероятно, является фундаментальный труд Ш. Зубофф, посвященный «надзорному капитализму» [Зубофф Ш. 2022]. В частности, Ш. Зубофф утверждает:

«Это новая рыночная форма задействует уникальную логику накопления, в которой основополагающим механизмом превращения инвестиций в прибыль является надзор».

В последующем более подробно раскрывается, что благодаря концепции надзорного капитализма, существует опасность нового рода в отношении ресурсов, которые мы ищем в цифровом поле, для обеспечения полноценной жизни. В этом новом режиме момент удовлетворения наших потребностей совпадает с моментом, когда нас подвергают наблюдению для сбора поведенческих данных, и все это происходит ради выгоды других людей. В случае отсутствия эффективного общественного ответа, ограничивающего или объявляющего такую накопительскую логику незаконной, надзорный капитализм может стать доминирующей формой капитализма в нашем времени.

На «размытость» принципов свободы и демократии при «цифровом капитализме» обращает внимание и Т.Л. Ровинская:

Двойственность сложившейся ситуации проявляется в следующем: технически и экономически ИТ-гиганты нарушают принципы свободной рыночной конкуренции и либерально-демократические нормы, являясь монополистами цифрового рынка и Интернета.

Также можно полностью согласиться и с другим выводом российской исследовательницы:

«В настоящее время IT-кластер стал, по сути, новым общественно-политическим институтом и самостоятельным политическим игроком» [Ровинская Т.Л. 2022, с. 33].

Итак, по первому уровню анализа проблемы цифрового неравенства и цифровой справедливости вывод можно сделать следующий: свободы и права цифровых габитусов, хотя и декларируются изначально, но при этом подвержены монопольным атакам со стороны IT-корпорации, которые стремятся ущемить эти права (например, используя персональную информацию во вред самому человеку) и тем самым вносят дисбаланс в цифровое равенство и цифровую справедливость:

«Если он [человек] решает перевести свои права в цифровой вид, то он должен обладать исключительным правом на знания, полученные из этих данных, а также исключительным правом решать, как эти знания будут использованы».

Если пояснить более детально, то в настоящее время указанные права, такие как право на приватность, доступ к соответствующим данным и их использование, были захвачены смелыми коммерческими организациями, основанными на односторонних претензиях к чужому опыту и происходящим из него знаниям.

Но перспектива «цифровой демократии» все же не представляется слишком близкой: пока пользователи могут лишь «лавировать» на площадках, предоставляемых им IT-корпорациями:

«Сообщества пользователей все же обладают меньшим влиянием по сравнению с бизнес-структурами, в силу того что у них нет возможности влияния ни на инфраструктурном, ни на функциональном уровнях; их главный ресурс – это данные, которые в результате их деятельности агрегируют цифровые платформы. Пользователи вынуждены выбирать между цифровыми площадками, созданными бизнес-структурами».

Второй уровень анализа проблемы «цифрового неравенства» и «цифровой справедливости» – это распределение и перераспределение цифровых благ в рамках национальных государств и на границах между ними.

Здесь уместно ввести определение того, что есть «цифровые границы»:

«Цифровые границы, разделяющие глобальное информационное пространство, представляю собой социальные конструкты, в которых можно выделить дискурсивный (являющийся отражением властных отношений и дискурса на международной арене) и онтологический уровни (под онтологическим уровнем понимается инфраструктура, программное обеспечение и цифровой контент)».

Отметим следующее: существует сложная взаимозависимость между двумя уровнями, которые не совпадают. На дискурсивном уровне государства выступают в качестве субъектов формирования, которые стремятся укрепить свой суверенитет и защититься от угроз информационной безопасности.

Осуществляя подход со стороны так называемой «критической геополитики», Е.С. Зиновьева далее указывает:

«Границы и территории – это продукты властных отношений, формируемых дискурсивно. Границы и территории – не просто материальные объекты, они обретают форму и смысл только в результате социальной активности групп или отдельных индивидов».

Можно также привести определение А. Пасси:

«Территории – это манифестация властных отношений, они нуждаются в публичных действиях для их создания и поддержки» [Passi A. 2003, с. 111].

Цифровые территории и цифровые границы, – в отличие от обычных географических границ и территорий, – динамичны и эластичны, легко перестраиваются:

«Особенностью цифровых территорий и цифровых границ является их динамизм – они постоянно изменяются и перестраиваются, причем создание новых территорий и новых измерений киберпространства происходит в результате деятельности государств и негосударственных акторов».

В связи с концептами «цифровая территория» и «цифровая граница» необходимо ввести понятие «национального цифрового суверенитета» или «цифрового суверенитета государства». Это суверенитет определяет полномочия государства на его цифровой территории, а также возможные решения государства и его политические практики. К числу таковых решений и политических практик относятся:

(а) отключение или ограничение доступа к Интернету; (б) геолокация программного обеспечения; (в) законодательное регулирование трансграничной передачи данных за счет программных средств; (г) локализация персональных баз данных.

Е.С. Зиновьева подчеркивает:

«Эти технологические решения дают возможность государствам контролировать цифровые границы даже в условиях сохранения монополии [ИТ-корпораций], существенно укрепляя цифровой суверенитет. При этом преследуется цель обеспечения безопасности и государственного суверенитета, поэтому, как правило, это не препятствует трансграничным потокам информации» [Зиновьева Е.С. 2022, с. 16].

Но насколько «цифровой суверенитет государства» способен решить проблему цифрового неравенства и цифровой справедливости на национально-государственном и межгосударственном уровне? Следует предположить, здесь могут быть два вектора – положительный и отрицательный. Положительный вектор позволяет государству путем самых различных мер «сглаживать» цифровое неравенство, поддерживать ущемленных пользователей, и тем самым вести страну к большему цифровому неравенству и цифровой справедливости. Отрицательный вектор состоит в том, что, используя различные ограничения и отключения, национальное государство закрывает доступ к информации своим пользователям, усиливает контроль над их персональными данными и базами данных, и тем самым вносит в структуру распределения цифровых благ элементы еще большего неравенства и несправедливости.

В цифровом обществе мы наблюдаем заметную тенденцию, когда цифровые габитусы обладают растущим объемом цифровой интеллектуальной собственности, находящейся в пределах их досягаемости. Эта ценная форма собственности приобретает все большее значение и актуальность, особенно в динамично развивающейся сфере Интернета. По мере того, как технологические достижения продолжают развиваться и по-новому определяют то, как цифровые габитусы взаимодействуют с информацией, владение и использование цифровой интеллектуальной собственности становятся ключевыми аспектами современной жизни.

Одним из наиболее заметных цифровых габитусов, создающих цифровую интеллектуальную собственность, являются блогеры. Блогеры – это люди, которые создают контент в формате записей в блогах или видеороликов на сайтах видеохостинга. Эти создатели цифрового контента используют свои творческие таланты и специальные знания для создания увлекательных и информативных материалов, которые могут заинтересовать разнообразную и широкую аудиторию. Используя свой опыт в определенных предметных областях, блогеры могут зарекомендовать себя как авторитетные представители в своих нишах. Что не удивительно, ведь благодаря интегрированности цифровых технологий в общество.

«Независимо от причин, цифровые технологии теперь постоянно находятся в наших руках, касаются наших пальцев и действуют вокруг нас 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, не является исключением и действие социальной политики» [Henman PWF 2022, с. 536].

В нем сформировалась большая аудитория, направленная на поглощение создаваемого блогерами контента.

Успешный блогер, обладающий глубоким пониманием конкретной темы, демонстрирует свой опыт, регулярно публикуя информативные и привлекательные видеообращения для своей аудитории на своем канале YouTube. Делясь идеями, основанными на его знаниях и опыте, он привлекает внимание зрителей, заставляя их подписываться на него и становиться частью

его растущего сообщества. По мере того, как его контент набирает популярность, а аудитория расширяется, блогер постепенно становится влиятельной фигурой, формирующей мнения и предпочтения своей нишевой аудитории. Что не удивительно, ибо:

«Цифровые технологии создают свое особое пространство, непринадлежность к которому может вызывать вопросы и неподдельное удивление: у большинства есть аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, а каждый шаг, даже дома, сопровождается наличием какого-либо мобильного устройства» [Хусяинов Т.М. 2021, с. 48].

В свою очередь, когда блогер успешно привлекает значительную аудиторию к своему контенту, он открывает двери для различных прибыльных коммерческих возможностей. Они могут быть самыми разными. Самый простой вариант – это просто заключение коммерческих контактов с теми брендами, которые заинтересованы в таком блоге и разумеется в его аудитории. Ещё это может быть привлечение спонсоров как из числа брендов, так и из числа самой аудитории блогера. Нужно также учитывать, что спонсорство следует поощрять в виде уникального контента или услуг, которые может предоставить тот или иной блогер. А это куда интереснее. Ведь если поддержка аудитории существенна, да и сама аудитория немаленькая, то блогер может сам стать своего рода брэндом. И под именем этого брэнда блогер будет продавать уже собственные товары или услуги. К примеру, таковых можно отнести: книги (не только печатные, но и цифровые), онлайн курсы, значки, фигурки и прочий мерч. Иными словами, выгоды из творчества, которым занимается блогер формируются за счёт монетизации цифровой интеллектуальной собственности. И как уже было упомянуто к ней может добавиться и монетизация обычной собственности. Также интересным вариантом может быть продажа цифровой интеллектуальной собственности или её аренда тому или иному бренду или другому блогеру. Грубо говоря, смена владельца канала на добровольной основе за финансовое вознаграждение по условиям контракта.

Вообще, чтобы более детально разбираться в цифровом неравенстве нужно изучить все его виды. Понимать какие конкретно существуют, помогают концепты ЕЦБ, цифровое поле и цифровое благо. Первый, инфраструктура, был рассмотрен. Вторым является цифровая интеллектуальная собственность. Если изучать её поподробнее, то обнаруживается что у неё есть конкретно два уровня:

Под первым уровнем подразумевается так называемая численность. Это объем или количество той цифровой интеллектуальной собственности которой обладает тот или иной индивид в обществе. Видов интеллектуальной собственности много. Из примеров можно привести: авторские права, патенты и торговые марки. В целом на этом уровне неравенство выстраивается на основе объема той или иной цифровой интеллектуальной собственности, которая имеется у каждого индивида. И, разумеется, она ещё и может отсутствовать.

А вот умение использовать эту цифровую интеллектуальную собственность приводит нас к второму уровню. Доходность. Тут подразумевается именно возможность цифровой интеллектуальной собственности того или иного индивида приносить ему же доход. Ведь коммерческий потенциал активов и умение владельца их монетизировать формируют тот уровень дохода, который можно получить из цифровой интеллектуальной собственности. Разумеется, на деле эффективность и прибыльность цифровой интеллектуальной собственности зависит от большого количества факторов. Будь то: рыночный спрос на тот или иной вид цифрового контента, качество самого контента, маркетинговой стратегии которой пользуется владелец собственности, ну и конечно же сама конкурентная среда. Также, разумеется, индивид может получать доход от юридических аспектов, к примеру защита прав интеллектуальной собственности или лицензионные соглашения. Когда цифровую интеллектуальную собственность индивида использует не по закону стороннее лицо, тогда человек вправе потребовать финансовую компенсацию. Примеров может быть куда больше.

Стоит отметить, что своеобразным итогом противоречивых воззрений от разных экономических, социальных и политических интересов является грядущее деятельности по созданию цифровых благ [Sison AJG. 2024, с. 163-191].

Любой человек, который с цифровыми технологиями так или иначе взаимодействует не может пройти мимо этого.

«... динамичная карьера становится еще более сложной, поскольку фрилансерам приходится самим планировать свое карьерное развитие из-за отсутствия организаций и фиксированных сообществ, и им приходится делать свою карьеру самостоятельно в условиях большой неопределенности в чисто цифровой среде» [Gusseck L., & Wiesche M. 2024, с. 7].

После успешного определения критериев оценки цифрового неравенства остается решить важнейший вопрос, связанный с определением иерархии цифрового неравенства. Это длительное затруднение еще предстоит окончательно разрешить. Сложности, связанные с этим запутанным вопросом, требуют комплексного и детального подхода.

Тщательно изучив фундаментальную терминологию, охватывающую цифровые товары, цифровую интеллектуальную собственность и цифровое неравенство, получаем прочную основу, которая позволяет продвигаться вперед в изучении важнейшего показателя: уровня вовлеченности человека в сферу цифровых технологий и связанных с ними экосистем. Это исследование проливает свет на сложную динамику, которая формирует взаимодействие с технологическими достижениями и их влияние на общество, тем самым предоставляя ценную информацию о меняющемся ландшафте цифровых инноваций и их последствиях для общества.

В обширном цифровом поле и цифровом обществе людям предоставляется нечто большее, чем просто возможность доступа к информации и создания контента. Это динамичная среда, в которой человек не только перемещается по бесконечным потокам данных, но и постоянно взаимодействует с виртуальным миром, который выходит за пределы

физических границ. Эта *цифровая сфера*. Поскольку люди взаимодействуют с цифровой средой, приходится изучать ее многогранную природу, анализировать ее сложности и приспосабливаться к ее постоянному развитию. Повсеместное присутствие цифровой сферы заставляет не только потреблять информацию, но и активно участвовать в формировании цифрового нарратива. В научном творчестве Г.Б. Прончева цифровая среда:

«Цифровая среда – интегрированная коммуникационная среда, в которой цифровые устройства взаимодействуют и управляют контентом и действиями в ней, другими словами – это коммуникационная среда цифровых устройств» [Прончев Г.Б. 2022, с. 52].

Важно подчеркнуть, что правильное понимание цифровой среды имеет первостепенное значение в современном технологически ориентированном мире. Одна из преобладающих точек зрения определяет цифровую среду как сферу, в которой используются цифровые технологии, – понятие, которое не имеет под собой оснований, поскольку наше внимание сосредоточено на реальных объектах, а не только на виртуальных представлениях. Истинная суть заключается в признании цифровой среды взаимосвязанным коммуникационным пространством, облегчающим взаимодействие между различными цифровыми устройствами. Такое точное изображение позволяет более детально оценить цифровое неравенство, существующее в нашем обществе. Рассматривая цифровую среду как основу сложной сети цифровых взаимодействий, мы можем лучше понять различия, возникающие в доступе к технологиям, их использовании и навыках, связанных с технологиями. Эта более широкая интерпретация также подчеркивает важность рассмотрения не только физических устройств, но и сложных сетей и инфраструктур, которые формируют наш цифровой ландшафт. Применение этого всеобъемлющего определения подчеркивает необходимость устранения цифрового неравенства и обеспечения равного доступа к цифровым интеллектуальным благам.

Цифровая среда, как и доступ к цифровому благу, как и цифровая собственность также имеет уровни.

Первый уровень – *активность*. Этот уровень связан с взаимодействием в онлайн-пространстве. Этот конкретный уровень тесно связан с коммуникативными усилиями человека в виртуальной сфере. Это эффективно отражает степень вовлеченности человека в цифровые диалоги, демонстрируя, насколько активно он участвует в различных формах цифровой коммуникации. Эта вовлеченность распространяется на взаимодействие через платформы социальных сетей, приложения для обмена сообщениями, электронную переписку и различные каналы коммуникации. Интенсивность вовлеченности пользователя и объем его цифровых связей напрямую влияют на его положение на этом уровне. Глубина онлайн-вовлеченности напрямую коррелирует с частотой и качеством взаимодействий в цифровой сфере, что указывает на более высокую степень вовлеченности и погружения. Уровень активности в цифровой сфере является окончательным показателем того, насколько человек интегрирован в онлайн-сообщество, демонстрируя степень его цифрового присутствия и взаимодействия с другими людьми. По мере прохождения этого начального этапа широта их цифрового присутствия и насыщенность их контактов с другими пользователями Интернета создают яркую картину их вовлеченности в цифровую среду.

При этом существуют методы анализа этого явления:

«Бизнес-модели агрегаторов данных – это еще один метод цифровой идентификации, при котором цифровые взаимодействия человека между платформами и сервисами объединяются для создания 360-градусного снимка этого человека» [Anand N., Brass I., с. 3].

Второй уровень – *польза*. Он посвящен преимуществам и недостаткам взаимодействия с другими людьми в цифровой среде, подчеркивая влияние, которое онлайн-коммуникации и взаимодействия могут оказывать на человека. В нем рассматривается важность того, насколько благотворно или пагубно эти взаимодействия влияют на формирование онлайн-опыта.

«Современные исследования характеризуют две значимые формы цифрового эскапизма, направленные на самоподавление (Self-Suppression) и саморазвитие (Self-Expansion)» [Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. 2023, с. 22].

Это предполагает изучение различных аспектов взаимодействия, включая возможность обмениваться знаниями и инсайтами с другими пользователями, активно участвовать в виртуальных диалогах и дискуссиях, находить источники развлечений и использовать цифровые платформы для усиления и выражения личной идентичности.

«Понятие «цифровая платформа» определяется как система взаимовыгодных алгоритмизированных взаимоотношений необходимого количества независимых участников отдельной сферы деятельности, реализуемых в единой информационной системе» [Рожков Е.В. 2022, с. 238].

Кроме того, на этом уровне люди могут ориентироваться в виртуальном пространстве таким образом, чтобы не только потреблять, но и совместно создавать контент, укрепляя чувство общности и способствуя развитию онлайн-личностей благодаря инновационному использованию цифровых инструментов и цифровых интеллектуальных благ.

«... Коммуникационные предпочтения могут влиять на то, как люди используют онлайн-платформы для сотрудничества с другими» [Greeley G., Peña T., & Rajaram S. 2022, с. 6].

При изучении результатов становится очевидным, что сложности цифрового неравенства выходят за рамки простого доступа к цифровому благу. Необходимо признать, что решение многогранной проблемы цифрового неравенства требует тщательного изучения не только его, но и цифровой интеллектуальной собственности и цифровой среды. Эти три ключевых элемента – доступ к цифровому благу, цифровую интеллектуальную собственность и цифровая среда – дополняют и формируют друг друга, образуя сложную сеть влияния, которая подчеркивает серьезность рассматриваемой проблемы. Целостная оценка, охватывающая эти три важнейших критерия, позволяет более полно понять различия, существующие в нашем цифровом

мире, и тем самым проложить путь к разработке целенаправленных и эффективных решений для устранения существующих пробелов. По сути, понимание взаимосвязи этих аспектов и их коллективного воздействия имеет важное значение не только для разработки структуры социального деления при цифровом неравенстве, но и для разработки стратегий, которые могут эффективно и устойчиво бороться с цифровым неравенством.

§ 2. Влияние цифрового неравенства на современное общество

Развивая понимание, изложенное в предыдущем параграфе, можно выделить конкретные области, в которых цифровое неравенство оказывает свое влияние на современное общество. Внимательно изучив различия в доступе к технологиям, цифровых навыках и возможностях, можно глубже понять, как цифровое неравенство проникает в различные аспекты современной жизни. Именно в этих сферах неравномерное распределение ресурсов и возможностей становится очевидным, подчеркивая глубокое влияние, которое цифровое неравенство может оказывать на отдельных людей и сообщества.

Также важно понять, что любое влияние цифрового неравенства на современное общество исходит из возможностей цифровых технологий. Что ставит определенного рода ограничения для влияния цифрового неравенства на общество. Иными словами, чем сильнее цифровые технологии интегрированы в социум, тем сильнее проявляется цифровое неравенство в современном обществе.

А какие это сферы? В первую очередь цифровое неравенство влияет на *доступ к информации* в современном обществе. У одних куда более широкая выборка, нежели у других. Простой пример, научные статьи, которые можно приобрести только в Интернете. И то, во-первых, платно, а во-вторых, предоставив свои личные данные. Кто-то ради статьи станет этим заниматься, иные же предпочтут искать другие научные статьи. Разумеется, целесообразно спросить о том, стоит ли информация из этой статьи таких затрат? Но сам факт,

в цифровой среде, в интернете доступ к информации бывает ограничен. И приведенный пример, менее безобиден, чем мог быть.

В конце концов информационный разрыв как одно из последствий цифрового неравенства имеет весомую значимость в современном обществе. Когда массы ориентируются в информационном потоке и четко встроены в информационные рельсы и в зависимости от того какие они будут формироваться, окружение, цель и деятельность человека. И причины информационного неравенства в цифровой среде могут быть разными, но похожими на обычное информационное неравенство.

Именно этими темами занимается не только социальная философия, но и *цифровая гуманистика*.

«Область, известная сейчас как цифровые гуманитарные науки, возникла из более ранней области гуманитарных вычислений и включает в себя как применение вычислительных и цифровых методов в гуманитарных исследованиях, так и применение гуманитарных методов, теорий и структур при изучении цифровых медиа и цифровых технологий» [Walsh J.A., Cobb P.J., de Fremery W., Golub K., Keah H., Kim J., Kiplang'at J., Liu Y.-H., Mahony S., Oh S.G., Sula C.A., Underwood T., & Wang X. 2021, с. 191].

Сейчас эта дисциплина развивается быстрыми темпами. Однако уровень изученности проблем остается невысоким так как эта дисциплина молода.

«За последние десятилетия ДН обросли репрезентирующими их достижения публикациями, академическими курсами, собственными журналами (например, Digital Humanities Quarterly (DHQ)), а также манифестами, декларирующими цели и требования, провозглашающими ожидания» [Чеботарева Е.Э. 2023, с. 226].

В то время как цифровая гуманистика исследует различные аспекты цифрового мира в более широком ключе, из-за исследования влияния цифрового неравенства на современное общество ощущается куда более поверхностным, как хотелось бы. Этот пробел в анализе очевиден при

сравнении с более тонкими подходами, используемыми социальной философией.

В области исследований цифрового неравенства имеется направление, которое подчеркивает последовательные усилия, предпринимаемые для определения конкретной проблемы, известного как *индекс гендерного разрыва*. Этот индекс служит важным направлением для анализа и понимания различий в доступе, использовании и навыках работы с цифровыми технологиями между мужчинами и женщинами. Исследователи из различных дисциплин посвятили свою работу изучению сложных факторов, способствующих такому гендерному разрыву, начиная от социально-экономических барьеров и заканчивая культурными нормами и возможностями получения образования.

«Цифровой гендерный разрыв (DGD), определенный Организацией экономического сотрудничества и развития, как разрыв между полами в отношении как их возможностей доступа к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ), так и использования ими Интернета для разнообразие видов деятельности является подходящим примером гендерной проблемы, которая может замедлить прогресс на пути к гендерному равенству в ходе цифрового развития» [Ferritto R. 2024, с. 5].

Однако его влияние на современное общество не ощутимое. Потому серьезно рассматривать такое направление не имеет смысла.

Можно привести еще пример для формулировки другой сферы, которая как раз-таки может влиять на современное общество:

«Прогноз «революции», основанной на искусственном интеллекте, уже был на слуху, прежде чем выпуск ChatGPT в ноябре 2022 года вызвал цунами шумихи вокруг больших языковых моделей (LLM), типа технологии машинного обучения, управляемой данными» [Lauren M.E. 2023, с. 2].

ChatGPT это нейросеть для обработки и создания текста путем запросов. Ее способности по созданию информации впечатляют, хотя и нуждаются в улучшении. Тем не менее уже существующая модель дает цифровым габитусам цифрового поля достаточное количество преимуществ, главное из которых –

оптимизация работы, связанной с созданием текстов. Однако, люди, погруженные в тему нейросетей, смогут найти множество аналогичных программ, которые могут служить альтернативой и порой даже лучшей, чем ChatGPT. При том, эти альтернативы могут быть как платными, так и бесплатными.

«Тем не менее, ChatGPT и подобные технологии лишь недавно появились в общественном сознании, а уровень образовательной грамотности с использованием ИИ все еще находится на стадии изучения» [May C. 2001, с. 4].

Остальные будут знать только о ChatGPT, которая, к слову, пользователям из России была плохо доступна. Компания Open AI сознательно ограничила доступ для пользователей из России, вернее вообще закрыла. Однако, некоторые пользователи смогли найти способы взаимодействовать с этой технологией, но на раннем этапе они были не для всех. Этот пример как раз демонстрирует уже *неравенство возможностей*.

И этот пункт одно из существенных последствий цифрового неравенства. Ибо цифровые технологии и цифровое пространство дают множества новых возможностей и вдруг оказывается, что не всем они доступны. Притом причины могут быть совершенно разными будь то: технические ограничения, политика частного сектора, последствия политики государства, предвзятость к пользователям и многие другие.

Ну и последним пунктом серьезных последствий цифрового неравенства для современного общества можно найти в этом же примере. Ведь ту же технологию ChatGPT в последнее время все чаще используют для создания текстов, которые можно продать или монетизировать иными способами. Иными словами, сформировать определенную статью дохода, ведь если грамотно отладить механизм создания текстов через ChatGPT то можно рассчитывать и на существенные доходы. А это приводит к тому, что может возникнуть неравенство доходов среди пользователей.

Пример, разумеется, натянутый, но есть и более весомый. YouTube блогеры. До ограничений этой платформы, для пользователей из России,

создание видео на YouTube было не плохой статьей дохода. Более того в обществе был определенного рода тренд на блогеров, как на успешном, в коммерческом плане, виде деятельности. Однако после отключения монетизации платформой для пользователей из России пострадал как престиж этого вида деятельности, так и доходы россиян. Что привело к *экономическому неравенству*.

Впрочем, оно и до отключения монетизации было. Ибо разница доходов блогеров и, допустим, рабочих на стройке существенная. Да есть свои нюансы, но все же. Количество вкладываемого труда и получаемой прибыли у блогеров и у рабочих на стройке серьезно отличается.

Однако, к чему тогда был пример с отключением монетизации для пользователей из России? Чтобы ответить на существенный вопрос.

«... Есть ли у нас соответствующие цифровые инструменты» [Kockmann N. 2020, с. 1880].

Для чего? Для контроля и регулирования цифрового неравенства и его последствий в современном обществе. И уже на этом примере можно понять, что в руках частных компаний есть серьезные инструменты по регулированию как неравенства возможностей, так и экономических, информационных последствий цифрового неравенства. И это *ограничение возможностей* путем санкций.

Для эффективного решения проблемы цифрового неравенства важно чтобы как государство, так и частный сектор могли использовать, так называемые цифровые методы.

«Под «цифровыми» я подразумеваю любые методы, основанные на компьютерной обработке информации» [Yen J. 2024, с. 3].

В качестве еще одного из способов регулирования цифрового неравенства можно выделить *развитие цифровой грамотности*. Важность цифровой грамотности в решении проблемы цифрового неравенства невозможно переоценить. Поощрение развития цифровых навыков имеет решающее значение для устранения пробелов, которые существуют в доступе к

технологиям и их эффективном использовании. Кроме того, стоит отметить, что ответственность за продвижение цифровой грамотности лежит не только на плечах государства; частные корпорации также могут сыграть важную роль в продвижении этого дела. Например, благодаря включению программ цифровой грамотности в школьную программу учащиеся получают необходимые знания и навыки, необходимые для процветания во все более цифровом обществе.

«Светодиоды характеризовались точными описаниями, показывающими различные практические примеры цифровой практики студентов. Анализ светодиодов выявил то, что студент назвал «цифровым инстинктом». Этот термин описывает опыт естественного и интуитивного использования технологий в школьной работе, особенно при выполнении заданий. Мы решили использовать термин *«цифровой инстинкт»*, потому что он происходит от студентов и их опыта цифровой практики» [Boie M.A.K., Dalsgaard C., & Caviglia F. 2024, с. 671].

Более того, распространение этих инициатив за пределы классной комнаты на более широкое сообщество обеспечивает более инклюзивный подход к сокращению цифрового разрыва. Таким образом, частные компании могут взять на себя социальную ответственность, инвестируя в программы, которые не только приносят им пользу, но и способствуют построению более справедливого в цифровом отношении общества.

Кроме того, важно подчеркнуть серьезность реализации комплексной образовательной политики, направленной на повышение навыков цифровой грамотности и содействие эффективному использованию цифровых технологий в академической и профессиональной деятельности. Эта инициатива имеет решающее значение для того, чтобы люди могли преуспевать в меняющемся цифровом обществе и вносить эффективный вклад в ЕЦБ. Ответственность за реализацию такой политики в первую очередь лежит на государстве, учитывая его обширные ресурсы и влияние на систему образования. Тем не менее, частные компании также играют важную роль в продвижении инициатив в области цифрового образования благодаря своим инновационным решениям и

опыту в области интеграции технологий. Сотрудничая как с государственным, так и с частным секторами, можно выработать единый подход, обеспечивающий плавную интеграцию цифровых технологий в образовательные учреждения.

«Благодаря обилию цифрового учебного материала цифровые экспериментальные ситуации можно сохранить при обучении в будущем. Цифровые эксперименты в различных формах становятся полезным дополнением к текущей лабораторной практике. Однако с увеличением количества цифровых экспериментальных сред возникает вопрос о сопоставимости цифровых и реальных экспериментов с точки зрения развития желаемых навыков» [L. Groos, D. Kranz, L.S. Lieber, K. Maaß, N. Graulich, 2022, с. 255].

Несмотря на потенциальные преимущества сотрудничества между государством и частными компаниями в деле повышения цифровой грамотности, различия в целях каждой организации могут препятствовать такому взаимодействию. Государство стремится обеспечить комплексную систему образования, соответствующую национальным стратегиям и политике, с потенциальным акцентом на более широкие последствия цифровой грамотности для общества. С другой стороны, частные компании могут уделять приоритетное внимание конкретным навыкам и компетенциям, которые непосредственно отвечают их деловым интересам, уделяя особое внимание практическому применению и технологическим достижениям. Эти различные цели могут создать проблемы в координации усилий и согласовании стратегий эффективного продвижения цифровой грамотности. В результате, несмотря на общую заинтересованность в совершенствовании цифровых навыков, расхождение в приоритетах между государственными и частными компаниями может препятствовать слаженному сотрудничеству.

Также можно затронуть и следующий момент цифрового неравенства. А именно не равенство в правах. Из-за отсутствия четко прописанного цифрового

права, очень много ситуаций, когда права пользователей нарушаются и с этим ничего не получается сделать.

Следовательно, отдельные цифровые габитусы часто оказываются в ситуациях, когда их права нарушаются, однако отсутствие четких руководящих принципов или рамок в цифровом пространстве лишает их возможности добиваться возмещения ущерба или защиты. Неопределенность, связанная с цифровыми правами, не только делает пользователей уязвимыми, но и закрепляет чувство бессилия и бесправия перед лицом потенциальных нарушений. В мире, который все больше зависит от цифровых технологий, важность установления и защиты надежных цифровых прав трудно переоценить. Крайне важно устранить это несоответствие и работать над созданием более справедливого цифрового поля, в которой люди смогут уверенно отстаивать свои права и привлекать к ответственности тех, кто пытается их использовать или пренебрегать ими.

«Цифровое самоопределение определяется как принцип уважения, внедрения и обеспечения соблюдения прав, интересов, предпочтений и ожиданий людей и народов на протяжении всего жизненного цикла цифровых данных взаимовыгодным образом для всех сторон задействовано» [Verhulst SG. 2023, с. 5].

В сфере цифрового поля крайне важно признать, что государство по своей сути обладает собственным набором корыстных интересов. Более того, помимо простой борьбы с цифровым неравенством, в распоряжении государства имеется целый ряд инструментов, позволяющих ему не только устранять существующие диспропорции, но и намеренно распространять их ради собственных стратегических выгод, влияя на изменение показателей ЕЦБ. Используя возможности технологий и цифровой инфраструктуры, государство может стратегически формировать цифровую пропасть в соответствии со своими целями, позиционируя себя как ключевого игрока в формировании динамики доступа и возможностей в цифровой сфере. Эта двойная возможность подчеркивает ключевую роль, которую играет государство в

оказании влияния на траекторию распространения цифровых технологий и равенства. При этом государство выступает как гарант цифрового доступа, так и потенциальный привратник, используя свои ресурсы и полномочия для формирования распределения цифровые интеллектуальные блага таким образом, чтобы это отвечало его интересам, одновременно оказывая влияние на более широкое цифровое поле.

«Понятие «проекты территориализации» отражает то, как государства мобилизуют ученых и инженеров, чтобы превратить глобально распределенную информационную инфраструктуру в ограниченную национальную территорию, и как они наделяют ее патриотическим смыслом, создавая тем самым «цифровую территорию». Другими словами, «цифровая территория» – это национализированная информационная инфраструктура» [Möllers N. 2021, с. 118].

Однако главный вопрос, который возникает, заключается в том, действительно ли эти компании заинтересованы в борьбе с таким неравенством. Основная задача этих компаний часто заключается в установлении контролируемой формы цифрового неравенства, которая не ставит под угрозу их финансовые выгоды, а скорее усиливает их. Стремясь к тому, чтобы цифровое неравенство работало в их интересах, частные компании могут уделять приоритетное внимание стратегиям, которые скорее увековечивают, чем сокращают разрыв.

§ 3. Рекомендации по преодолению цифрового неравенства: многогранный подход

Наступление цифровой эпохи открыло эру беспрецедентной связи и доступа к информации. Однако этот преобразующий потенциал распределен неравномерно, что приводит к суровой реальности цифрового неравенства. Этот разрыв, часто называемый «цифровым неравенством», означает неравенство в доступе, навыках и возможностях между отдельными людьми и

сообществами из-за отсутствия у них цифровой грамотности и цифровых интеллектуальных благ. Это неравенство имеет значительные последствия, влияя на экономическое участие, социальную интеграцию и общее благосостояние. Чтобы преодолеть это неравенство, необходим комплексный и многогранный подход, включающий коллективные усилия государств, частных компаний, отдельных пользователей и международных организаций.

1. Государство

Государство, как главный хранитель общественного блага и социальной справедливости, несет значительную ответственность за регулирование цифрового неравенства. Эта ответственность вытекает из слияния философских принципов, которые подчеркивают неотъемлемую ценность равенства, решающую роль государства в обеспечении доступа к основным потребностям и этический императив смягчения вреда, причиняемого технологическими достижениями.

Джон Ролз в своей работе [Ролз Дж. 2010, с. 536] отстаивает принцип равных возможностей, утверждая, что люди должны иметь равный доступ к средствам, необходимым для достижения своих целей, независимо от их социального или экономического происхождения. Этот принцип можно распространить на цифровую сферу, утверждая, что доступ к Интернету и цифровым технологиям является основополагающим правом, необходимым для того, чтобы люди могли полноценно участвовать в современном обществе.

Право на общение, закрепленное в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, еще больше подкрепляет этот аргумент. Это право охватывает возможность выражать себя, получать информацию и участвовать в публичном дискурсе. В цифровую эпоху эти права неразрывно связаны с доступом к коммуникационным технологиям, что делает доступ к Интернету предпосылкой для полной реализации прав человека.

Принцип справедливости как честности, поддерживаемый Ролзом, выступает за общество, в котором все люди имеют равные возможности и права, независимо от их социального положения. Этот принцип требует от

государства устранения системного неравенства, которое увековечивает цифровые разрывы, такие как дискриминационная ценовая практика, предвзятые алгоритмы и отсутствие доступного контента на разных языках.

Регулирование может смягчить пагубные последствия этого неравенства, гарантируя, что технологии приносят пользу всем членам общества, а не только тем, у кого есть экономические преимущества. Такой подход требует проактивной позиции, не просто реагирования на проблемы после их возникновения, но и активного формирования цифрового ландшафта, который является инклюзивным и справедливым.

Тут еще можно вспомнить «общественный договор» Гоббса, который все еще актуален. Согласно ему, государство несет обязательства по обеспечению справедливости и порядка. Это может касаться и цифрового доступа. Общественный договор требует пересмотра концепции цифрового гражданства, предусматривая, что все граждане имеют право на доступ к цифровым ресурсам, их использование и получение выгод от них.

Государство, посредством своих регулирующих полномочий, может проводить политику, направленную на преодоление цифрового неравенства, обеспечивая равный доступ к интернет-услугам, доступным устройствам и программам цифровой грамотности. Это включает принятие законодательства, способствующего доступу к интернету в недостаточно обслуживаемых сообществах, предоставление субсидий домохозяйствам с низким доходом и инвестирование в развитие цифровой инфраструктуры.

Утилитаризм, моральная философия, подчеркивающая наибольшее счастье для наибольшего числа людей, дает убедительное обоснование для регулирования цифрового неравенства. Увеличение цифровой инклюзии способствует более информированному, вовлеченному и производительному гражданству, что приводит к экономическому росту, социальному прогрессу и улучшению качества жизни в целом.

Продвигая цифровую грамотность и доступ, учитывая ЕЦБ, государство может увеличить количество цифровых габитусов и дать им возможность

участвовать в цифровой экономике, получать образование, подключаться к службам здравоохранения и участвовать в гражданском дискурсе. Это, в свою очередь, способствует более инклюзивному и справедливому обществу, содействуя социальной сплоченности и экономическому процветанию.

Основываясь на вышеперечисленных концептах, действия государства должны быть сосредоточены на создании благоприятного цифрового общества, которая способствует доступу, развитию навыков и равноправному участию в цифровой экономике.

а) Универсальный доступ

- Развитие инфраструктуры: Инвестиции в надежную и доступную широкополосную инфраструктуру имеют первостепенное значение.

«Включая развертывание широкополосного интернета, улучшение сетевого покрытия и повышение скорости интернета в отдаленных и малоосвоенных районах» [Гарифуллина А.Ф., Валишина Н.Р. 2024, с. 250].

Это требует стратегического подхода к расширению оптоволоконных сетей, улучшению беспроводной связи и преодолению цифрового разрыва между городом и деревней.

«Что касается устранения цифрового неравенства, в 2020 году в 260 населенных пунктах с населением от 100 до 500 человек установили точки доступа Wi-Fi. В 2021-м на их основе начали создавать базовые станции. Также прорабатывается возможность подведения интернета к деревням и селам, где проживают менее ста человек. В Омской области около 150 таких поселений» [Свидинская С.А. 2022, с. 136].

Правительства могут стимулировать инвестиции частного сектора в инфраструктуру, особенно в недостаточно обслуживаемых районах, посредством государственно-частного партнерства, налоговых льгот и нормативно-правовой базы, которая поощряет конкуренцию и доступность.

- Доступность и доступность: Признавая, что стоимость является существенным препятствием для цифрового доступа,

государства должны внедрять политику, которая сделает Интернет и цифровые устройства доступными для всех. Это может включать субсидии для домохозяйств с низким доходом, налоговые льготы на подписки на интернет-услуги и продвижение доступных интернет-планов. Кроме того, изучение альтернативных вариантов подключения, таких как беспроводные сети, принадлежащие сообществу, и спутниковые интернет-услуги, может удовлетворить потребности регионов с ограниченной инфраструктурой.

«Невзимание налогов с покупок компьютерной техники в течение определенного времени (США); предоставление налоговых льгот компаниям, приобретающим компьютеры своим сотрудникам (Швеция), или компаниям, оборудовавшим домохозяйства компьютерами (Сингапур)» [Гребенникова А.А., Масляков В.В., Салтыкова О.П. 2022, с. 688].

- Программы цифровой грамотности: Инвестирование в образование в области цифровой грамотности имеет решающее значение для наделения людей необходимыми навыками для эффективного ориентирования в цифровом мире. Государства могут внедрять программы, обучающие базовым компьютерным навыкам, интернет-безопасности, онлайн-общению и цифровому гражданству. Для этого необходимо нацеливаться как на детей, так и на взрослых, уделяя особое внимание уязвимым группам населения, таким как пожилые люди, люди с ограниченными возможностями и меньшинства.

«Например, студенческий отряд "Автостопом по аспектам финансовой грамотности" начал свою работу в сентябре 2020 г. на базе Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (ШЭМ ДВФУ). Деятельность проекта направлена на повышение уровня финансовой грамотности и устранение информационно-цифрового разрыва в сфере финансовой грамотности между школьниками, проживающими в отдалённых малонаселённых, труднодоступных регионах и школьниками, проживающими в городской местности» [Саушкина Е.А. 2022, с. 734].

- Цифровая инфраструктура для государственных услуг: правительства должны отдать приоритет оцифровке государственных услуг, сделав их доступными онлайн и через мобильные приложения. Это должно включать инициативы электронного управления, онлайн-платформы здравоохранения, программы цифрового образования и виртуальные библиотеки. Предоставляя услуги через цифровые каналы, государства могут повысить эффективность, прозрачность и доступность для всех граждан, независимо от их местонахождения или цифровых возможностей.

б) Развитие цифровых навыков: преодоление разрыва в знаниях

- Образование и обучение: Интеграция цифровой грамотности в школьные программы имеет важное значение для оснащения будущих цифровых габитусов навыками, необходимыми для успеха в цифровой экономике. Это должно включать кодирование, программирование, анализ данных и навыки критического мышления. Помимо формальной системы образования, государства могут инвестировать в программы цифровой грамотности для взрослых, адаптированные к различным уровням навыков и карьерным устремлениям.

«К примеру, в 2022 году проходил VIII Всероссийский конкурс личных достижений пенсионеров в изучении компьютерной грамотности под названием "Спасибо Интернету – 2022 "» [Ключкин Ю.С. 2024, с. 70].

- Инициативы по повышению квалификации и переподготовке кадров: для решения проблемы несоответствия навыков в цифровой рабочей силе требуются целевые программы обучения для взрослых, стремящихся перейти на цифровые рабочие места. Государства могут сотрудничать с частными компаниями, образовательными учреждениями и некоммерческими организациями, чтобы предлагать обучение востребованным цифровым навыкам, таким как кибербезопасность, разработка программного обеспечения и искусственный интеллект.

- **Поддержка цифрового предпринимательства:** Для создания процветающей цифровой экосистемы необходимо поддерживать предпринимателей, которые используют технологии для создания бизнеса. Государства могут предоставлять финансирование, наставничество и доступ к ресурсам для начинающих цифровых предпринимателей, особенно из недостаточно представленных сообществ.

- **Создание цифровых хабов:** Создание центров и инкубаторов цифровых инноваций в недостаточно обслуживаемых районах может способствовать развитию предпринимательства, привлечению инвестиций и созданию возможностей трудоустройства. Предоставляя общее рабочее пространство, наставничество и доступ к технологиям, эти хабы могут дать возможность местным сообществам стать активными участниками цифровой экономики.

«В качестве рекомендаций по преодолению «цифрового неравенства» предлагается следующее: создание благоприятных условий для развития цифрового бизнеса с использованием платформенных методов его организаций, например предоставление налоговых льгот или стартовых кредитов под низкие проценты; повышение качества взаимодействия в системе «население – власть» посредством информационно-коммуникационных технологий» [Фомина М. В. Луценко Е.А., Стародуб А.А. 2024, с. 137].

в) Обеспечение цифровых прав и инклюзивности:

- **Доступность для людей с ограниченными возможностями:** Государства должны обеспечить доступность цифровых технологий и услуг для людей с ограниченными возможностями. Это подразумевает содействие разработке и внедрению доступных веб-сайтов, мобильных приложений и вспомогательных технологий.

- **Борьба с цифровой дискриминацией:** Для решения проблемы цифрового неравенства необходимо устранить системные барьеры, которые мешают определенным группам полноценно участвовать в

цифровом поле. Это включает борьбу с онлайн-дискриминацией по признаку пола, расы, этнической принадлежности или социально-экономического статуса. Правительства должны применять антидискриминационные законы в цифровой сфере, поощряя инклюзивность и защищая различные голоса.

- **Конфиденциальность и безопасность данных:** Защита цифровых прав включает в себя защиту конфиденциальности и безопасности пользователей в цифровом пространстве. Государства должны внедрять надежные правила конфиденциальности данных, поощрять ответственные методы сбора данных и защищать людей от киберугроз и онлайн-мошенничества.

- **Цифровое управление и прозрачность:** обеспечение прозрачности и подотчетности в цифровом управлении имеет решающее значение для укрепления доверия к онлайн-системам и поощрения участия граждан. Государства должны разрабатывать политику открытых данных, содействовать вовлечению граждан в обсуждения цифровой политики и обеспечивать надежный надзор за цифровыми платформами.

Последствия для государства:

1. **Нормативно-правовая база.** Государство несет моральное и социальное обязательство по созданию нормативно-правовой базы, обеспечивающей равный доступ к цифровым технологиям, признавая, что доступ должен выходить за рамки простого наличия и включать в себя доступность по цене и удобство использования.

2. **Государственные инвестиции.** Приоритетной задачей должны быть надежные государственные инвестиции в цифровую инфраструктуру, особенно в малообеспеченные и маргинализированные сообщества. Эти инвестиции должны обеспечить доступность преимуществ цифровых достижений для всех граждан.

3. **Образование и профессиональная подготовка.** Государство должно продвигать программы цифровой грамотности, направленные на расширение

прав и возможностей граждан, особенно из маргинализированных сообществ, в плане эффективного использования цифровых инструментов.

«Также перспективными инструментами преодоления цифрового неравенства в высшем образовании могут стать технология адаптивного обучения на базе онлайн-образовательных систем, использование искусственного интеллекта в образовательном процессе (применение чат-ботов), развитие непрерывного образования» [Троян И.А., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г. 2023, с. 119].

4. Механизмы подотчетности. Создание механизмов подотчетности для частных корпораций, использующих цифровые технологии. Это включает в себя обеспечение добросовестной практики использования данных, конфиденциальности и алгоритмической предвзятости.

2. Частные компании

Частные компании, как ключевые игроки в цифровой экосистеме, несут значительную ответственность за продвижение цифровой инклюзивности. Хотя их главная цель – максимизация прибыли, к их действиям необходимо применять более глубокие этические рамки, особенно в отношении их влияния на отдельных лиц и сообщества.

Концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) подчеркивает этические обязательства предприятий, выходящие за рамки их юридической и финансовой ответственности. От компаний все чаще ожидают вклада в общественное благосостояние, учитывая их влияние на окружающую среду, права человека и социальную справедливость.

Эта ответственность распространяется и на цифровое поле, где компании обязаны содействовать инклюзивности, использовать ЕЦБ, разрабатывая продукты и услуги, доступные всем, независимо от их социально-экономического положения или технических возможностей. Это включает в себя предложение доступных интернет-пакетов, предоставление удобных для пользователя интерфейсов и разработку контента, который отвечает различным культурным и языковым потребностям.

Категорический императив Иммануила Канта подчеркивает внутреннюю ценность каждого человека, утверждая, что к людям следует относиться как к целям самим по себе, а не просто как к средствам для достижения цели. Этот принцип обязывает частные компании относиться к своим клиентам справедливо и уважительно, гарантируя, что их продукты и услуги не эксплуатируют или не ставят в невыгодное положение уязвимые группы.

Компании должны отдавать приоритет потребностям всех клиентов, а не только тех, кто может позволить себе премиум-услуги. Этот принцип распространяется на разработку продуктов с функциями доступности, предложение различных вариантов ценообразования и избежание дискриминационных практик, исключая определенные сегменты населения.

Подход, основанный на возможностях, впервые предложенный Амартией Сен [Сен А. 2016, с. 520] и Мартой Нуссбаум [Nussbaum M.C. 2011, с. 256], подчеркивает важность предоставления людям средств для реализации их возможностей и полноценной жизни. Эта концепция имеет прямые последствия для цифрового поля, поскольку доступ к цифровым ресурсам и услугам расширяет индивидуальные возможности, позволяя им заниматься осмысленной деятельностью, реализовывать свои стремления и вносить вклад в свои сообщества.

Частные компании могут играть решающую роль в расширении этих возможностей, разрабатывая продукты и услуги, которые расширяют возможности людей, способствуют цифровой грамотности и предлагают возможности для развития навыков. Этот подход выходит за рамки простого предоставления доступа к цифровым технологиям и фокусируется на расширении возможностей людей для эффективного использования этих технологий.

Принцип пропорциональности диктует, что вмешательства должны быть пропорциональны проблеме, которую они решают. В контексте цифрового неравенства частные компании должны нести ответственность за смягчение

негативных внешних эффектов своей деятельности, таких как чрезмерный сбор данных, дискриминационные алгоритмы и распространение дезинформации.

Такая ответственность может быть достигнута посредством нормативно-правовой базы, которая стимулирует компании разрабатывать продукты и услуги с учетом этических соображений, уделять первостепенное внимание конфиденциальности пользователей и активно бороться с цифровыми предубеждениями.

Частные компании играют важную роль в формировании цифрового общества и могут внести значительный вклад в преодоление цифрового неравенства. Их усилия должны быть сосредоточены на использовании их технологического опыта, цифровых интеллектуальных благ, ЕЦБ и охвата для создания инклюзивных и справедливых цифровых решений.

а) Расширение доступа и доступности:

- Доступный интернет-сервис: телекоммуникационные компании должны отдавать приоритет тому, чтобы сделать интернет-сервисы доступными и недорогими для всех. Это требует принятия моделей ценообразования, которые подходят для домохозяйств с низким доходом, предложения субсидируемых интернет-планов и расширения покрытия на недостаточно обслуживаемые районы.

- Доступность устройств: Производители мобильных телефонов и компьютеров должны разрабатывать доступные устройства, специально ориентированные на людей и сообщества с низким доходом. Это может включать партнерство с НПО или правительствами для распространения устройств со скидкой через социальные программы.

- Продвижение цифровой грамотности: технологические компании могут играть значительную роль в продвижении цифровой грамотности, разрабатывая образовательные ресурсы, предлагая бесплатные онлайн-курсы и сотрудничая со школами и общественными организациями для проведения обучения основным навыкам работы на компьютере и использования Интернета.

«Технологические компании могут внести свой вклад, предоставляя школам и нуждающимся учащимся устройства или лицензии на программное обеспечение со скидкой. Они также могут сотрудничать с учебными заведениями для разработки инновационных решений, направленных на решение конкретных проблем, с которыми сталкиваются маргинализированные сообщества» [Зулкарнаева П.Л., Оздамирова Л.М., Борисов А.Н. 2023, с. 288].

- **Инклюзивный дизайн:** компании должны включать функции доступности в свои продукты и услуги, гарантируя, что они могут использоваться людьми с ограниченными возможностями. Это включает разработку доступных веб-сайтов, приложений и устройств, которые соответствуют международным стандартам доступности.

б) **Создание экономических возможностей:**

- **Развитие цифровых навыков:** Частные компании могут инвестировать в программы обучения, которые снабжают людей навыками, необходимыми для цифровых рабочих мест. Это может включать предложение онлайн-курсов, ученичество и партнерство с образовательными учреждениями для предоставления обучения навыкам, соответствующим отрасли.

- **Поддержка цифрового предпринимательства:** технологические компании могут создавать инкубаторы и акселераторы специально для цифровых предпринимателей из недостаточно представленных сообществ. Это может включать предоставление наставничества, финансирования, доступа к технологиям и услуг поддержки, чтобы помочь предпринимателям запустить и масштабировать свой бизнес.

- **Создание рабочих мест в необеспеченных сообществах:** Частные компании должны отдавать приоритет найму и обучению местных талантов в необеспеченных сообществах. Это может включать создание региональных офисов, партнерство с общественными

организациями для набора и обучения местных жителей и предложение возможностей трудоустройства в цифровых областях.

«Цифровая экономика создает потребность в специалистах по ИКТ, программистах, аналитиках данных и других профессионалах. Это может способствовать созданию новых рабочих мест в регионах, где развиты компании в сфере ИКТ» [Кузьменко В.С., Путията Г.А., Путията Н.В. 2023, с. 301].

- Продвижение разнообразия и инклюзивности: создание разнообразной и инклюзивной рабочей силы имеет важное значение для содействия инновациям и продвижения прогресса в цифровой экономике. Компаниям следует внедрять инициативы по разнообразию и инклюзивности для привлечения и удержания талантов из недостаточно представленных групп, гарантируя, что их рабочая сила отражает разнообразие сообществ, которым они служат.

в) Ответственное технологическое развитие:

- Этическая разработка ИИ: Частные компании должны отдавать приоритет разработке и внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые являются справедливыми, беспристрастными и инклюзивными. Это требует устранения потенциальных предубеждений в алгоритмах ИИ и обеспечения того, чтобы приложения ИИ использовались на благо всех членов общества.

- Устойчивые технологические решения: Технологические компании должны сосредоточиться на разработке экологически устойчивых технологий, которые минимизируют их углеродный след и способствуют более устойчивому будущему.

- Конфиденциальность и безопасность данных: Частные компании должны уделять первостепенное внимание конфиденциальности и безопасности данных, гарантируя, что пользовательские данные собираются, хранятся и используются ответственно. Внедрение надежных мер защиты данных, соблюдение

правил конфиденциальности и прозрачность в отношении методов обработки данных имеют решающее значение для создания доверия и содействия ответственной цифровой среде.

- **Взаимодействие с сообществом:** технологические компании должны взаимодействовать с местными сообществами, чтобы понимать их потребности и приоритеты. Это подразумевает активный поиск отзывов от пользователей, сотрудничество с общественными организациями и обеспечение соответствия развития технологий местным ценностям и культурному контексту.

Последствия для компаний:

1. **Корпоративная социальная ответственность (КСО).** Компаниям следует интегрировать цифровую справедливость в свои стратегии КСО. Это предполагает не только предоставление доступных продуктов и услуг, но и повышение цифровой грамотности своей клиентской базы.

2. **Инклюзивный дизайн.** Необходимо придерживаться принципов инклюзивного дизайна, которые гарантируют доступность продуктов и услуг для самого широкого круга пользователей, включая инвалидов, пожилых людей и экономически неблагополучные группы.

3. **Прозрачность.** Компании должны действовать прозрачно в отношении своих методов обработки данных и алгоритмов, которые могут увековечить неравенство. Такая прозрачность способствует укреплению доверия и подотчетности.

4. **Взаимодействие с заинтересованными сторонами.** Взаимодействие с различными заинтересованными сторонами, включая представителей сообщества, для информирования о разработке продукта и цифровой стратегии, обеспечивая учет и удовлетворение разнообразных потребностей.

3. Пользователи

Индивиды, как пользователи цифровых технологий, также играют важную роль в преодолении цифрового неравенства.

Коммунитаризм, философская точка зрения, которая подчеркивает важность сообщества и общих ценностей, подчеркивает коллективную ответственность людей за обеспечение равноправного доступа к цифровым ресурсам. Эта точка зрения подчеркивает взаимосвязанность общества и необходимость для людей вносить вклад в благосостояние всех его членов.

Отдельные лица могут выступать за политику, способствующую цифровой инклюзии, поддерживать организации, работающие над преодолением цифрового неравенства, и участвовать в публичном обсуждении этических последствий технологий. Активно участвуя в этих усилиях, они вносят вклад в более справедливую и равноправную цифровую среду.

Принцип солидарности подчеркивает взаимосвязанность людей и необходимость взаимной поддержки и сотрудничества. В контексте цифрового неравенства этот принцип призывает людей выступать за цифровые права всех, независимо от их социального статуса или экономического положения.

Эта пропаганда может принимать различные формы, включая участие в онлайн-кампаниях, поддержку организаций по защите цифровых прав и требование ответственности от компаний и правительств. Благодаря коллективным действиям люди могут повышать осведомленность о проблеме цифрового неравенства, оказывать давление на правительства, чтобы они принимали политику, направленную на инклюзивность, и требовать от компаний ответственности за соблюдение этических норм.

Концепция расширения прав и возможностей подчеркивает врожденную способность людей контролировать свою жизнь и формировать свою судьбу. В цифровой сфере расширение прав и возможностей людей посредством программ цифровой грамотности, доступа к соответствующей информации и возможностей для развития навыков позволяет им эффективно использовать технологии и осмысленно участвовать в цифровом мире.

Расширенные пользователи могут активно вносить вклад в создание цифрового контента, участвовать в онлайн-дискуссии и отстаивать политику, которая продвигает их интересы. Это агентство дает им возможность

формировать более справедливый цифровой ландшафт, гарантируя, что технологии служат инструментом социального прогресса, а не средством дальнейшей маргинализации.

Принцип прозрачности требует открытой и доступной информации, позволяющей людям понимать системы и процессы, которые управляют их жизнью. Этот принцип жизненно важен в цифровом поле, где компании собирают огромные объемы данных о людях и их деятельности.

Люди имеют право понимать, как используются их данные, какие алгоритмы влияют на их онлайн-опыт и как эти процессы влияют на их жизнь. Требуя прозрачности, люди могут призвать компании к ответственности за этичную практику работы с данными, гарантируя, что их личная информация не будет использоваться не по назначению или эксплуатироваться.

Их действия могут способствовать повышению цифровой грамотности, поддерживать инклюзивные практики и выступать за более справедливый цифровой мир.

а) Развитие цифровой грамотности:

- Обучение и обмен знаниями: люди должны активно заниматься изучением новых цифровых навыков и делиться своими знаниями с другими. Это может включать участие в онлайн-курсах, волонтерство для обучения базовым цифровым навыкам или наставничество для других в своем сообществе.
- Продвижение цифровой инклюзивности: отдельные лица могут стать сторонниками цифровой инклюзивности, повышая осведомленность о цифровом неравенстве в своих сообществах, поддерживая местные инициативы по продвижению цифровой грамотности и выступая за политику, направленную на решение проблемы цифрового неравенства.
- Участие в онлайн-сообществах: присоединение к онлайн-сообществам, форумам и группам, занимающимся продвижением цифровой грамотности и инклюзивности, может стать платформой для

обмена знаниями, общения с другими людьми и отстаивания необходимости перемен.

б) Поддержка цифрового равенства:

- Борьба с дискриминацией: люди должны активно бороться с онлайн-дискриминацией и языком ненависти, продвигая более инклюзивное и справедливое цифровое поле. Это включает в себя сообщение о дискриминационном контенте, поддержку антидискриминационных инициатив и поощрение уважительного онлайн-взаимодействия.

- Продвижение доступа и доступности: Отдельные лица могут выступать за политику, которая сделает доступ в Интернет и цифровые устройства более доступными для домохозяйств с низким доходом. Это может включать обращение к своим избранным должностным лицам, поддержку групп поддержки или участие в общественных кампаниях по повышению осведомленности о необходимости доступных интернет-услуг.

- Поддержка цифрового предпринимательства: частные лица могут оказывать поддержку цифровым предпринимателям из недостаточно представленных сообществ, оказывая покровительство их бизнесу, инвестируя в их стартапы или предлагая наставничество и руководство.

в) Осуществление цифровых прав и обязанностей:

- Защита личной конфиденциальности: люди должны помнить о своей онлайн-конфиденциальности, предпринимая шаги для защиты своей личной информации и защиты своей цифровой идентичности. Это включает в себя осторожность при обмене личными данными в Интернете, использование надежных паролей и понимание настроек конфиденциальности на разных платформах.

- Продвижение ответственного использования технологий: люди должны быть критическими потребителями

информации, оценивать надежность онлайн-источников и продвигать ответственное использование цифровых технологий. Это включает в себя проверку фактов информации, предотвращение распространения дезинформации и использование цифровых инструментов этично и ответственно.

- Участие в цифровом управлении: отдельные лица могут участвовать в формировании цифровой политики, участвуя в публичных консультациях, предоставляя отзывы о предлагаемых нормативных актах и выступая за политику, поощряющую цифровые права и инклюзивность.

4. Международные организации

Международные организации играют решающую роль в содействии глобальной цифровой инклюзии, предоставляя цифровые интеллектуальные собственные ресурсы, цифровые интеллектуальные блага и отстаивая интересы уязвимых слоев населения.

Международное сотрудничество имеет жизненно важное значение для решения глобальных проблем, включая цифровое неравенство. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций, ЮНЕСКО и Всемирный банк, могут способствовать сотрудничеству между странами, обмениваясь передовым опытом и выступая за политику, способствующую цифровой инклюзивности.

В этой структуре признается общая ответственность стран за обеспечение того, чтобы преимущества цифровых технологий были доступны всем, независимо от географического положения или социально-экономического статуса.

Всеобщая декларация прав человека, основополагающий документ, закрепляющий основные права всех людей, является основой международных усилий по решению проблемы цифрового неравенства. Признание в декларации права на общение требует предоставления доступа к коммуникационным технологиям, гарантируя, что все люди смогут в полной мере участвовать в глобальном цифровом ландшафте.

Международные организации могут выступать за применение принципов прав человека в цифровом обществе, продвигая политику, обеспечивающую равный доступ к цифровым услугам, защищающую конфиденциальность пользователей и борющуюся с дискриминацией в Интернете.

«Таким образом, права человека и проблемы социального неравенства в условиях глобальной цифровой трансформации постоянно находятся в фокусе внимания Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специализированных учреждений» [Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. 2022, с. 3].

Принцип субсидиарности признает важность принятия решений на местном уровне и необходимость наделения местных сообществ полномочиями решать их конкретные проблемы. Хотя международные организации могут предоставлять руководство и поддержку, они должны уважать автономию национальных государств в разработке политики, которая наилучшим образом соответствует их уникальным обстоятельствам и потребностям.

Этот подход признает, что цифровой ландшафт разнообразен, и разные страны сталкиваются с различными проблемами в преодолении цифрового неравенства. Хотя международные стандарты важны, они должны быть достаточно гибкими, чтобы учитывать особые потребности и контексты каждой страны.

Концепция глобальных общественных благ признает важность общих ресурсов и услуг, которые приносят пользу всем членам мирового сообщества. Цифровая инфраструктура, обмен знаниями и программы цифровой грамотности могут считаться глобальными общественными благами, способствующими экономическому росту, социальному прогрессу и глобальному сотрудничеству.

Международные организации могут играть значительную роль в продвижении этих глобальных общественных благ, облегчая доступ к цифровым ресурсам, способствуя обмену знаниями и содействуя развитию цифровых навыков во всем мире. Такой подход гарантирует, что преимущества

цифровых технологий распределяются справедливо по всему миру, способствуя более справедливому и инклюзивному мировому сообществу.

Их усилия должны быть сосредоточены на содействии международному сотрудничеству, поддержке национальных инициатив и устранении системных барьеров для цифрового доступа.

а) Содействие глобальному сотрудничеству:

- **Обмен передовым опытом:** Международные организации могут способствовать обмену знаниями между странами, организуя программы обмена, конференции и семинары, демонстрирующие успешные модели цифрового включения. Такая трансграничная передача знаний может ускорить прогресс в преодолении цифрового неравенства.

- **Совместные инициативы:** Международные организации могут координировать совместные проекты и партнерства между правительствами, частными компаниями и организациями гражданского общества для решения проблемы глобального цифрового неравенства. Это включает в себя использование коллективных ресурсов и опыта для разработки и внедрения инновационных решений.

- **Выступая за всеобщий доступ:** международные организации могут выступать за политику и правила, которые отдают приоритет всеобщему доступу к недорогим интернет-услугам, содействуют повышению цифровой грамотности и поддерживают развитие цифровой инфраструктуры в регионах с недостаточным уровнем обслуживания.

- **Устранение цифрового неравенства внутри стран:** Сосредоточение внимания на цифровом неравенстве внутри отдельных стран имеет решающее значение. Международные организации могут работать с правительствами для устранения неравенства между городскими и сельскими районами, различными социально-экономическими группами и различными этническими и языковыми меньшинствами.

б) Предоставление технической поддержки и финансирования:

- Развитие инфраструктуры: Международные организации могут оказывать финансовую и техническую помощь странам, инвестирующим в инфраструктуру широкополосной связи, особенно в районах с ограниченной связью. Это включает финансирование инфраструктурных проектов, предоставление технической экспертизы и предложение программ по наращиванию потенциала для местных сообществ.

- Развитие цифровых навыков: Международные организации могут поддерживать национальные усилия по разработке программ цифровой грамотности, учебных инициатив и образовательных ресурсов для повышения цифровых навыков у различных групп населения. Это может включать финансирование учебных программ, предоставление поддержки в разработке учебных программ и содействие развитию цифровых навыков посредством международных партнерств.

- Цифровые инновации и предпринимательство: Международные организации могут поддерживать развитие экосистем цифровых инноваций, поощряя предпринимательство и продвигая использование технологий для общественного блага. Это включает в себя предоставление финансирования стартапам, продвижение программ цифрового предпринимательства и соединение местных новаторов с мировыми рынками.

в) Защита цифровых прав и инклюзивности:

- Продвижение свободы и доступа в Интернете: Международные организации могут выступать за политику, которая защищает свободу в Интернете, способствует доступу к информации и защищает права пользователей в Интернете. Это включает в себя мониторинг нарушений цифровых прав, повышение осведомленности об онлайн-цензуре и поддержку усилий по продвижению свободного и открытого Интернета.

- Борьба с онлайн-дискриминацией: Международные организации могут выступать за политику и правила, которые борются с онлайн-дискриминацией, продвигая равенство и инклюзивность в цифровом пространстве. Это включает поддержку антидискриминационных законов, продвижение разнообразия и инклюзивности в Интернете и поощрение ответственного поведения в цифровых сообществах.

- Защита конфиденциальности и безопасности данных: Международные организации могут выступать за глобальные стандарты конфиденциальности данных, продвигая ответственные методы сбора данных и защищая информацию пользователей в Интернете. Это включает поддержку международных правил защиты данных, повышение осведомленности о проблемах конфиденциальности данных и поощрение культуры безопасности данных.

Преодоление цифрового неравенства не является задачей для какого-либо одного субъекта; это требует совместных усилий с участием государств, частных компаний, отдельных лиц и международных организаций. Работая вместе, эти субъекты могут создать более инклюзивный и справедливый цифровой мир, который позволит каждому в полной мере участвовать в преимуществах цифровой эпохи. Это требует приверженности:

А. Инвестиции в инфраструктуру: обеспечение всеобщего доступа к недорогим и надежным интернет-услугам является основой цифровой интеграции.

Б. Развитие цифровых навыков: предоставление людям необходимых навыков для навигации в цифровом мире является ключом к раскрытию его потенциала.

В. Продвижение инклюзивных практик: создание цифрового пространства, доступного и гостеприимного для всех людей, независимо от их происхождения или способностей, имеет решающее значение.

Г. Защита цифровых прав: защита конфиденциальности пользователей, защита свободы выражения мнений и борьба с дискриминацией в Интернете имеют решающее значение для создания справедливого и равноправного цифрового общества.

Приняв коллективную приверженность этим принципам, мы сможем построить цифровой мир, который будет служить всем, не оставляя никого позади в цифровой революции.

Выводы из главы III:

(1) Цифровое неравенство представляет собой сложную проблему, затрагивающую доступ к цифровым ресурсам и технологиям, что в свою очередь нарушает принципы свободы, справедливости и демократии. Для эффективного решения этой проблемы необходимо комплексное изучение различных аспектов, включая инфраструктуру, цифровую интеллектуальную собственность и влияние на общество. Устранение цифрового неравенства требует совместных усилий со стороны государств, частных компаний, пользователей и международных организаций для создания инклюзивной цифровой среды.

(2) Ключевые определения: (а) Цифровое неравенство – это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета»; (б) цифровая справедливость – правильное соотношение должного с сущим в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности; (в) цифровая среда – это коммуникационная среда цифровых устройств.

(3) Цифровое неравенство можно классифицировать на несколько ключевых типов, включая инфраструктурное неравенство и неравенство в области цифровой интеллектуальной собственности. Инфраструктурное неравенство связано с доступом к необходимым технологиям и интернет-услугам, в то время как неравенство в цифровой интеллектуальной

собственности касается прав на использование и распространение цифровых ресурсов. Понимание этих типов неравенства является критически важным для разработки эффективных стратегий и рекомендаций по их устранению и обеспечению равного доступа к цифровым благам.

(4) Исходя из ряда концепций, в рамках которых регулирование цифрового неравенства могут решать: государство, пользователи, частные компании и международные организации, методы по преодолению этой проблемы: (а) государства должны разрабатывать и внедрять законодательство, направленное на преодоление цифрового неравенства, обеспечивая равный доступ к интернет-услугам и программам цифровой грамотности; (б) пользователи должны активно участвовать в инициативах по повышению цифровой грамотности и поддерживать политику, способствующую цифровым правам и инклюзивности; (в) частные компании должны пересмотреть свои стратегии, чтобы не только минимизировать цифровое неравенство, но и активно способствовать его устранению через инвестиции в доступные технологии и услуги; (г) международные организации играют ключевую роль в регулировании цифрового неравенства, предоставляя инструменты и ресурсы для поддержки глобального сотрудничества и устранения системных барьеров.

Заключение

Цифровая революция, сила огромного потенциала для прогресса и освобождения, парадоксальным образом стала катализатором новых форм социальной и экономической изоляции. Пропасть между теми, кто имеет доступ к цифровым технологиям и может эффективно их использовать, и теми, кто остался позади, расширяется, создавая суровую реальность цифрового неравенства. В этой диссертации мы углубились в сложную и многогранную

природу этого явления, прослеживая его корни в уже существовавшем социальном и экономическом неравенстве и исследуя его влияние на отдельных людей, сообщества и общества в целом.

Наш главный аргумент заключается в том, что цифровое неравенство – это не просто технологическая проблема, а глубокая социальная и экономическая проблема. Это продукт исторических и системных сил, которые создали и увековечили неравенство в доступе, навыках и ресурсах, еще больше усугубляя существующее неравенство. В этой диссертации показано, как цифровое неравенство проявляется в различных формах, влияя на способность людей участвовать в цифровой экономике, получать доступ к информации и образованию, участвовать в гражданском дискурсе и поддерживать социальные связи.

Бороться с цифровым неравенством могут только государство, с его полномочиями регулировать и предоставлять общественные услуги, играет решающую роль в смягчении цифрового неравенства. Благодаря инициативам проактивной политики, направленным на расширение доступа к широкополосной инфраструктуре, предоставление доступных устройств и инвестирование в программы цифровой грамотности, государства могут создать более справедливый цифровой ландшафт. Также и частные компании, с их огромными ресурсами и технологическим опытом, несут ответственность за обеспечение инклюзивности при разработке и развертывании цифровых технологий. Это включает в себя разработку доступных и удобных для пользователя продуктов и услуг, продвижение этических методов работы с данными и содействие инициативам цифровой грамотности. Не стоит забывать, что и отдельные лица также играют важную роль. Как пользователи, они должны знать свои цифровые права и обязанности, активно участвовать в цифровом гражданстве и выступать за политику, которая способствует цифровому равенству. А также международные организации, с их глобальным охватом и опытом в содействии сотрудничеству, могут играть жизненно важную роль в координации усилий по решению проблемы цифрового

неравенства в глобальном масштабе. Они могут способствовать обмену знаниями, устанавливать общие стандарты и выступать за международные политические рамки, которые отдают приоритет цифровому правосудию.

Дорога к цифровому правосудию не лишена своих трудностей. Стремительный темп технологических инноваций, меняющаяся природа цифровых ресурсов и сложное взаимодействие социальных, политических и экономических сил требуют динамичного и совместного подхода. Эта диссертация заложила основу для тонкого понимания цифрового неравенства, его причин и последствий. Она также предложила рамки для действий, изложив обязанности и возможности заинтересованных сторон в построении более равноправного и справедливого цифрового будущего.

Эта работа – не конечная, а отправная точка. Она требует дальнейших исследований и анализа, более глубокого взаимодействия со сложностями цифрового неравенства и постоянного диалога между заинтересованными сторонами для продвижения принципов цифровой справедливости. Только посредством коллективных действий, направляемых общим видением инклюзивного и справедливого цифрового мира, мы можем по-настоящему использовать преобразующую силу технологий на благо всех.

Основные выводы из диссертационного исследования:

- (1) Социальное неравенство представляет собой сложное явление, которое не ограничивается только материальными аспектами, такими как доходы и богатство, но также включает в себя социальные, культурные и образовательные факторы, влияющие на жизненные шансы индивидов и групп в обществе. Исследование социального неравенства требует применения различных методологических подходов, включая как количественные, так и

качественные методы, что позволяет более полно охватить сложные динамики, влияющие на распределение ресурсов и возможностей в обществе. Ключевые определения: (а) экономическое неравенство – это различия по показателям экономического благосостояния между отдельными лицами или группами лиц; (б) Информационное неравенство – это неравенство в доступе к информации, в доступе к информационным благам. Существуют различные теоретические подходы и инструменты к изучению экономического неравенства, такие как: Индекс Джини, индекс Тейла, коэффициент фондов, децильный коэффициент, коэффициент вариации, коэффициент Пальмы.

(2) Цифровое неравенство – это вид социального неравенства, который относится к несправедливости, существующему в доступе к цифровым благам в обществе, например, из-за разного уровня развития технологий, доступа в Интернет или цифровой грамотности. В качестве синонима «цифрового неравенства» автором используется концепт «информационное неравенство». Информационное неравенство – это неравенство в доступе к информации, в доступе к информационным благам. Цифровая справедливость – соответствие должного сущему в потреблении цифровых благ.

(3) Все цифровые блага являются интеллектуальным продуктом. Цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку цифровых знаний и информации, которые он может накапливать. Цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, содержащее в себе цифровые данные. Цифровой интеллектуальный капитал – это цифровое интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью. Возможны различные классификации цифровых благ, – например, их можно делить на цифровое «вещественное» благо и цифровое «интеллектуальное» благо, субъективированное и объективированное цифровое благо, общеизвестное и новооткрытое интеллектуальное благо и т.п. Проблему соизмеримости

цифровых благ можно решать посредством введения индикатор ЕЦБ. ЕЦБ – это единица измерения цифровых благ, которая позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

(4) Исходя из теории П. Бурдые, можно ввести понятия «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества». Цифровой габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный цифровой мир и вступающий во взаимодействие с этим миром, и который является продуктом коллективной и индивидуальной цифровой истории. Цифровое поле – это система взаимодействий между цифровыми габитусами, где главной целью является увеличение своего цифрового капитала (или даже установлении монополии на него), которое также включает в себя всякую возможность присвоения, обмена и потребления цифровых благ. Цифровое общество – это совокупность цифровых пространств социума, насыщенных цифровыми практиками, которые, в свою очередь, являются пересечением различных цифровых полей, где между собой взаимодействуют габитусы с их цифровыми капиталами.

(5) Цифровое неравенство представляет собой сложную проблему, затрагивающую доступ к цифровым ресурсам и технологиям, что в свою очередь нарушает принципы свободы, справедливости и демократии. Ключевые определения: (а) Цифровое неравенство – это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета»; (б) цифровая справедливость – правильное соотношение должного с сущим в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности; (в) цифровая среда – это коммуникационная среда цифровых устройств. Цифровое неравенство можно классифицировать на несколько ключевых типов, включая инфраструктурное неравенство и неравенство в области

цифровой интеллектуальной собственности. Инфраструктурное неравенство связано с доступом к необходимым технологиям и интернет-услугам, в то время как неравенство в цифровой интеллектуальной собственности касается прав на использование и распространение цифровых ресурсов. Понимание этих типов неравенства является критически важным для разработки эффективных стратегий и рекомендаций по их устранению и обеспечению равного доступа к цифровым благам.

(б) Общие, социально-философские принципы решения проблемы цифрового неравенства: (а) государства должны разрабатывать и внедрять законодательство, направленное на преодоление цифрового неравенства, обеспечивая равный доступ к интернет-услугам и программам цифровой грамотности; (б) пользователи должны активно участвовать в инициативах по повышению цифровой грамотности и поддерживать политику, способствующую цифровым правам и инклюзивности; (в) частные компании должны пересмотреть свои стратегии, чтобы не только минимизировать цифровое неравенство, но и активно способствовать его устранению через инвестиции в доступные технологии и услуги; (г) международные организации должны играть ключевую роль в преодолении проблемы цифрового неравенства, предоставляя инструменты и ресурсы для поддержки глобального сотрудничества и устранения системных барьеров.

Список литературы

Антропов В.В. Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 21-37.

Аристотель. Политика // Аристотель; переводчик С. А. Жебелёв; под общей редакцией А. И. Доватура. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 297 с.

Асеева И.А. Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации // *Общественные науки и современность*. 2022. № 5. С. 156-164

Аслаханова С.А., Ханалиева А.А. Роль экономического неравенства в экономическом росте и развитии // *Тенденции развития науки и образования*. – 2024. – № 106-4. – С. 44-47.

Баканов С.А. Бюджетное неравенство в СССР в 1950-1980-е гг // *Уральский исторический вестник*. – 2022. – № 3(76). – С. 153-160.

Балацкий Е.В. Институт социального неравенства и экономический рост // *IIS*. 2020. – Т. 12, № 1. – С. 66-83.

Бикеева М.В. Моисеева И.В. Монетарные и немонетарные подходы к оценке экономического неравенства и бедности // *Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2019 года*. – Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2019. – С. 53-57.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело. 1994.

Бобровский О.В., Каира Ю.В. Сравнение современных международных систем социальной стратификации // *Образование и общество*. – 2011. – № 6 (71). – С. 58-62.

Бурдые П. Начала. М.: Праксис. 1994.

Бурдые П. Поле науки // *Социология под вопросом*. М.: Праксис. 2005.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 2005.

Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. № 2. С.60-74.

Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Глобальные вызовы цифрового неравенства и перспективы их правового урегулирования // *Мировые цивилизации*. – 2022. – Т. 7, № 2 с. 1-7.

Буткалюк В.А. Проблема социально-экономического неравенства в глобальном и национальном измерении // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 4. С. 66-75.

Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 1(74). – С. 63-71.

Воронецкая Л.Г. Глобальные и национальные тенденции бедности и экономического неравенства // Вестник Прикамского социального института. – 2022. – № 1(91). – С. 77-83.

Гарифуллина А.Ф., Валишина Н.Р. Цифровое государство: актуальные проблемы и пути их решения // Муниципальная академия. – 2024. – № 2. – С. 248-253.

Гладкова Д.О. Экономическое неравенство: проблемы и перспективы // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва: Материалы конференции. В 3-х частях, Саранск, 19–21 мая 2021 года / Сост. А.В. Столяров, отв. за выпуск П.В. Сенин. Том Часть 3. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2021. – С. 405-410.

Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74-85.

Гончарова Н.А. Экономическое неравенство в современной мировой экономике // Актуальные вопросы экономики и управления: наука и практика. Криулинские чтения: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Курск, 15 мая 2021 года. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – С. 107-111.

Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.

Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 3. – С. 232–242.

Гребенникова А.А., Масляков В.В., Салтыкова О.П. Цифровое неравенство в России: последствия и способы преодоления // Индустриальная экономика. 2022. № 3-8. С. 684–690.

Гумплович Л. Основы социологии. Пер. с нем. под ред. В.М. Гессена. – М.: Либроком, 2010. – 368 с.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

Дорофеев М.Л. Анализ причин долгосрочных изменений экономического неравенства в мировой экономике. Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2020;24(6):174-186.

Дорофеев М.Л. Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США. Вестник МГИМО-Университета. 2020;13(5):97-114

Дроздов О.А. Экономическое неравенство в России и перспективы его сокращения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. – Т. 224, № 4. – С. 324-341.

Евреева К.Р. Максимов В.А., Трофимова Г.А. Экономическое неравенство и социальная несправедливость в России // Human Progress. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 12.

Женина Л.В. Пермское земство и проблема экономического неравенства на рубеже 19-20 веков // Тенденции развития мировой торговли в XXI веке: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию учебного заведения, Пермь, 22–31 октября 2019 года. – Пермь: Пермский институт (филиал) РЭУ им. Г.В.Плеханова, 2019. – С. 157-162.

Зиновьева Е.С. Форматирование цифровых границ и информационная глобализация: Анализ с позиций критической географии // Полис. 2022. № 2. С. 8-21

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2022

Зулкарнаева П.Л., Оздамирова Л.М., Борисов А.Н. Преодоление цифрового разрыва: обеспечение равного доступа к технологиям в образовании // Научно-технический вестник Поволжья. – 2023. – № 12. – С. 287-289.

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социс, 2023, № 6. С.16-29.

Киселева Л.С., Семенова А.А. Цифровое общество. Словарь-справочник. М.: Проспект. 2023. 152 с.

Ключкин Ю.С. Возможности разрешения проблем информационной грамотности пожилого поколения // Миссия конфессий. – 2024. – Т. 13, № 4(77). – С. 68-77.

Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 80 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии).

Конт О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапира. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии)

Коньчева Н.А. Сравнительная оценка экономического неравенства как проблемы повышения уровня жизни населения // Развитие территории в условиях современных вызовов: (X Рязанские социологические чтения) : Материалы Национальной научно-практической конференции, Рязань, 12–13 ноября 2020 года / Отв. редактор Р.Е. Маркин. – Рязань: ООО "Издательство Ипполитова", 2020. – С. 281-286.

Кузьменко В.С., Путята Г.А., Путята Н.В. Цифровая экономика и равенство регионального развития: анализ неравенств и пути их устранения // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: Материалы Национальной научно-практической студенческой конференции, Брянск, 13–14

декабря 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 299-306.

Латыпов И.А. Социально-философские аспекты невещественной собственности в информационном обществе. Ижевск: КнигоГрад, 2008. 312 с.

Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 22-23.

Лукичѳв П.М. "Новое неравенство" и экономический рост после COVID-19 // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 380-387.

Луцкая Е.Е. Кризис 2008 Г.: его последствия и новые вызовы для глобальной финансовой системы // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал*. – 2019. – № 2. – С. 51-56.

Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; перевод с итальянского Г. Муравьева. – Москва: Эксмо, 2024. – 160 с.

Макконнелл К., Брю С. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. М.: Республика. 1992. Т.1-2.

Меликян А.А. Детерминанты цифрового неравенства на примере регионов России // *Российский экономический журнал*. 2023. № 1. С. 60-79.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык». 1991.

Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. М.: УРСС. 2009.

Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // *Вестник РУДН (сер. Философия)*, 2024, № 1. С.260-272.

Патрунина К.А. Глобальное экономическое неравенство: тенденции и факторы развития // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2022. – Т. 1, № 2(122). – С. 85-92.

Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения: Личная собственность в цифровой экономике, М.: «Дело». 2019.

Петрова Т.А. Неравенство доходов как угроза экономической безопасности: отечественная и зарубежная практика // Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона: Материалы Международной научно-практической конференции, Астрахань, 31 мая 2023 года / Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева", 2023. – С. 214-219.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. А.Л.Дунаев, науч.ред.пер. А.Ю.Володин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

Платон. Государство // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с

Прилепская Ю.В. Экономическое неравенство в условиях глобализации // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2024. – № 13. – С. 262-266.

Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2 // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7(173). – С. 47-55.

Ровинская Т.Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. 2022. № 2. С. 22-36

Рожков Е.В. Экономические неравенства при внедрении цифровых платформ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 1(57). – С. 235-243.

Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010 —536 с.

Романов И.В. Современная проблематика экономического неравенства // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019: Сборник

научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 547-551.

Савина О.В. Международная миграция: от экономического неравенства к социальному // Постсоветский материк. 2022. – № 3(35). – С. 25-34.

Савина Т.Н., Родина Е.Е., Забелина С.А. Социально-экономическое неравенство: от истоков теории к проблемам практики // Вестник МФЮА. 2022. №4. – С. 250-263.

Сапир Е.В., Чистякова А.А. Проблема экономического неравенства в современном мире: измерение и перспективы решения // Теоретическая экономика. 2021. – № 4(76). – С. 108-118.

Саушкина Е.А. Актуальные проблемы преодоления цифрового и информационного неравенства для жителей отдалённых, труднодоступных, малонаселённых регионов // Новая экономика, бизнес и общество: Сборник материалов Апрельской научно-практической конференции молодых исследователей, Владивосток, 11 апреля – 19 2022 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. – С. 732-735.

Свидинская С.А. Роль государства в борьбе с цифровым неравенством // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий: Сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, Севастополь, 20 апреля 2022 года. – Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет", 2022. – С. 134-138.

Сен А. 2016. Идея справедливости. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара; Либерал. миссия. 520 с.

Сен-Симон А. Мемуары. М.: Ладомир, Наука. 2007.

См.: Schiller H. Critical Research in the Information Age. Journal of Communication, 1983, 33 (3); Schiller H. The Communication Revolution: Who Benefits. Media Development, 1983, 3 (4); Schiller H. The World Crisis and the New Information Technologies. Columbia Journal of World Business, 1983, 18 (1).

Смирнов С.Н. Новые исследования экономического неравенства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 153-158.

Соколов В.В. Философская доктрина Томаса Гоббса: Бытие, познание, человек и общество. М.: ЛКИ, 2010. 72 с.

Соколова Е.Ю. О некоторых подходах к измерению экономического неравенства // Инновации и инвестиции. 2022. №3. – С. 96-101.

Спенсер Г. Основания социологии Том2. М.: Книга по Требованию, 2012. 412 с.

Сухарев О.С. Неравенство и его влияние на экономическое развитие // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 6-20.

Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. № 1. С. 27-47.

Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России: Социология, Этнология. 2020. Т. 29. № 1. С. 6–30.

Трофимова Г.А. Экономическое неравенство: согласование измерений с методами макроэкономического анализа // Human Progress. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 9.

Троян И.А., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г. Цифровое неравенство и направления его преодоления в контексте развития человеческого капитала // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 2. – С. 114-126.

Филатов Д.А. Проблема экономического неравенства в XXI веке // Актуальные проблемы и перспективы развития потребительского рынка: Материалы XII Международной научно-практической конференции студентов

и учащихся, Пермь, 04–12 декабря 2023 года. – Пермь: Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2023. – С. 305-310.

Фомина М. В. Луценко Е.А., Стародуб А.А. Цифровое неравенство: сущность, факторы, формы проявления в России // Использование информационных технологий в различных сферах деятельности: Сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 14 марта 2024 года. – Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. – С. 135-139.

Фридман М. Капитализм и свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.

Халипова Е.В. Социология интеллектуальной собственности, М.: Луч. 1995.

Хусяинов Т.М. Запутывая «цифровые следы» // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 1. С. 45-50.

Царева Е.С. Проблема экономического неравенства населения // Актуальные вопросы современной экономической науки: Материалы XII Международной научной конференции, Астрахань, 22 апреля 2022 года / Составители: Е.О. Вострикова, Л.П. Гвоздарёва. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Астраханский государственный университет", 2022. – С. 185-187.

Чеботарева Е.Э. Проекты Digital Humanities как этап развития гуманитарной науки: попытка метацифрового взгляда // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 224-240.

Чернавин Ю.А., Баринова Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 30-39.

Чернякова Ю.Д. Трофимова Г.А. Экономическое неравенство: развитие аналитического инструментария // Human Progress. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 11.

Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровые блага: философско-методологический анализ // Гуманитарный вестник. – 2024. Вып. 4. С. 104-113.

Чубаров Н.А. Социально-философский анализ феномена «цифровой ресурс»: аспекты воздействия на экономику // Социально-гуманитарные знания. 2024. №10. С. 133-136.

Шеремет А.Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID 19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. №4. С. 136–141.

Шишкова А.В. Китайский опыт цифровизации образования в постпандемическом мире // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2023. – 109-116 с.

Anand N, Brass I. Responsible innovation for digital identity systems. *Data & Policy*. 2021;3:e35.

Bhargava V.R., Velasquez M. Ethics of the Attention Economy: The Problem of Social Media Addiction. *Business Ethics Quarterly*. 2021;31(3):321-359.

Boie M.A.K., Dalsgaard C., & Caviglia F. (2024). Digital instinct—A keyword for making sense of students' digital practice and digital literacy. *British Journal of Educational Technology*, 55, 668–686.

Cocq C. (2021). Revisiting the digital humanities through the lens of Indigenous studies—or how to question the cultural blindness of our technologies and practices. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 73(2), 333–344.

Ferritto R. (2024). Will policy help close the digital gender divide? An intersectional feminist policy analysis of Ethiopia's national digital policy. *Development Policy Review*, 00, e12743.

Greeley G., Peña T., & Rajaram S. (2022). Social remembering in the digital age: Implications for virtual study, work, and social engagement. *Memory, Mind & Media*, 1, E13. P. 17.

Gussek L., & Wiesche M. (2024). Understanding the careers of freelancers on digital labor platforms: The case of IT work. *Information Systems Journal*, 1–39.

Henman PWF. Digital Social Policy: Past, Present, Future. *Journal of Social Policy*. 2022;51(3):535-550.

Imran A. (2023). Why addressing digital inequality should be a priority. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 89(3), e12255.

Kockmann N. (2020), Der Schnellstart in die digitale Lehre unter Corona-Randbedingungen. *Chemie Ingenieur Technik*, 92: 1877-1886.

L. Groos, D. Kranz, L.S. Lieber, K. Maaß, N. Graulich, *CHEMKON* 2022, 29, 255.

Lauren M.E. Goodlad; Editor's Introduction: Humanities in the Loop. *Critical AI* 1 October 2023; 1 (1-2): No Pagination Specified.

May C. *A Global Political Economy of Intellectual Property Rights: A New Enclosure?* London, New York. Routledge. 2001.

Meron Y., & Tekmen Araci Y. (2023). Artificial intelligence in design education: Evaluating ChatGPT as a virtual colleague for post-graduate course development. *Design Science*, 9, E30. P. 4.

Möllers N. (2021). Making Digital Territory: Cybersecurity, Techno-nationalism, and the Moral Boundaries of the State. *Science, Technology, & Human Values*, 46(1), 112-138.

Nussbaum M.C. *Creating Capabilities. The Human Development Approach*, Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2011, 256 p.

Passi A. *Territory* // Agnew J., Mitchell K., Toal G., editors. *A Companion to Political Geography*. Malden: Blackwell, 2003. P. 109-122.

Rigby, Stephen H. (2015). Justifying Inequality: Peasants in Medieval Ideology. In *Peasants and Lords in the Medieval English Economy: Essays in Honour of Bruce MS Campbell* (pp. 173–197).

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., & Miles A. (2013). A new model of social class? Findings from the BBC's Great British class survey experiment. *Sociology*, 47(2), 219–250.

Sison AJG. Can Digitally Transformed Work Be Virtuous? *Business Ethics Quarterly*. 2024;34(1):163-191.

Standing G. "O precariado e a luta de classes [The precariat and class struggle]", *Revista Crítica de Ciências Sociais (Portugal)*, No.103, May 2014, pp.9-24.

The Oxford Companion to Philosophy (ed. by T.Henderson). Oxford, New York. Oxford University Press. 1995

Verhulst SG. Operationalizing digital self-determination. *Data & Policy*. 2023;5:e14.

Walsh J.A., Cobb P.J., de Fremery W., Golub K., Keah H., Kim J., Kiplang'at J., Liu Y.-H., Mahony S., Oh S.G., Sula C.A., Underwood T., & Wang X. (2021). Digital humanities in the iSchool. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 73(2), 188–203.

Yen J. (2024). The social life of digital methods in psychology: Situating digital methods in the new data politics. *Social and Personality Psychology Compass*, e12923.